

СМЕНА

№4 АПРЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2019

ЧЕРНОБЫЛЬ... Прошло 33 года

**ВОСЕМНАДЦАТЫЕ
МОЛОДЕЖНЫЕ
ДЕЛЬФИЙСКИЕ
ИГРЫ РОССИИ**

**РОСТОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

19-24 апреля 2019 года

Чтобы помнили

Николай Долгополов **Шрам на сердце** 4

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **К.Г. Паустовский.
Завидная жизнь** 22

Забытые усадьбы

Дмитрий Зелов **«Приют муз»** 40

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Черногорцы и черногорки** 48

Шедевры

Ирина Опимах **Пармиджанино. Два портрета,
а между ними — жизнь** 65

Замечательные современники

Елена Воробьева **Дмитрий Марин: «Я — артист
и должен многому и постоянно
учиться»** 76

Иван Переверзин **Мой Глазунов** 112

Фантастический рассказ

Андрей Быстров **Ставки сделаны,
ставок больше нет** 82

Это интересно

Валерий Володченко **С.И. Ожегов. В поступок
превративший слово** 96

Евгения Белогорцева **Эпоха Шостаковича** 106

Звезды не гаснут

Евгения Гордиенко **«Снаружи — Зеленая,
внутри — Золотая»** 139

Детектив

Анна и Сергей Литвиновы **Мама против** 148

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Икона «Чернобыльский Спас»
(автор — иконописец Владислав
Горецкий, служитель Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры, 2003 г.)

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

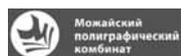
**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8300

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.03.2019

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« Из почти миллиона женщин, воевавших плечом к плечу с мужчинами во время Великой Отечественной войны, есть малочисленная, но необыкновенная группа — женщины-танкистки. Их было всего около двадцати. Они ни в чем не уступали своим соратникам-мужчинам, а в мужестве и желании сражаться за родину часто даже превосходили их. Среди этих необыкновенных женщин были и легендарные, о которых, к сожалению, довольно быстро забыли. И мы решили восстановить историческую справедливость по тем немногим документам, которые удалось найти.

Светлана **Бестужева-Лада** «Три танкистки»

« Брестские ворота... Для многих бойцов, погибших в крепости, они стали вратами в рай или в ад... Имя Брестской крепости, можно сказать, воссияло в истории Великой Отечественной войны, оно стало символом трагического героизма 1941 года.

Об этом сняты фильмы, написаны книги, живописные полотна, изваяны скульптуры. Через двадцать лет после окончания войны было принято правительственное решение о сооружении на территории крепости мемориала.

Его разработчиком стал народный художник СССР Александр Кибальников. Среди скульптур мемориала есть две — «Непокоренный» и «Жажда», — у которых лица реальных защитников Брестской крепости — майора Петрова и его соратника Иванова.

В этой документальной повести рассказывается о том, как эти два героических человека сумели выжить в те страшные дни начала войны...

Николай **Черкашин** «Брестские ворота»

« Сегодня никого не удивляет, что российские фигуристы регулярно занимают первые места, а то и весь пьедестал на международных соревнованиях, включая главное — Олимпиаду. Но старшее поколение помнит, что так было не всегда. А парой, открывшей эту «золотую дорогу», стала пара советских фигуристов — Людмила Белоусова и Олег Протопопов. В фигурное катание они пришли довольно поздно для этого вида спорта — в 15 лет, когда уже принято вовсю участвовать в международных турнирах, а не вставать впервые на коньки. Однако, как показывает история, не всегда нужно делать так, как все...

Евгения **Гордиенко** «Лед как жизнь»

« Мистическая повесть Дарьи **Булатниковой** «Я проснулась»

Ровно 33 года назад, 26 апреля 1986 года, произошла техногенная катастрофа в Чернобыле. Даже сейчас об этом больно вспоминать. Больно, но надо помнить тех, кто боролся с чернобыльской катастрофой в закрытой зоне, кого Чернобыль разделил на «до» и «после». Нам же остается лишь склонить голову перед людьми, вынесшими на своих плечах ту страшную беду...

Николай Долгополов

О катастрофе в Чернобыле долго молчали. Затем начали врать. Потом писали как о мелком эпизоде, бестолково надеясь, что все как-то само собой рассосется...

Ложь

И сейчас, десятилетия спустя, вспоминать о Чернобыле, мне, лик-

видатору трагедии первой очереди, очень больно. Накатывает тоска. Но надо жить, ибо, если Бог уберет тогда, в начале мая 1986-го, даро-

вал десятилетия полнокровного существования, значит, подал знак: дано тебе, терпи и сражайся! И не забывай, свидетелем и участником чего пришлось стать.

...И вся трагедия — вот она, как на ладони. У всех ликвидаторов, с кем общаюсь, первое воспоминание о заезде в зону, о брошенных домах Припяти, о наводящих страх стрелках дозиметров. А у меня перед глазами сразу несгибаемый Александр Николаевич Яковлев — тогдашний всеильный секретарь ЦК КПСС, идеолог перестройки, борец за справедливость, милостиво решивший запустить нас, восьмерых действительно неплохих, без лишней скромности, журналистов, в 30-километровую закрытую зону.

А рядом с ним всегда возникает невзрачный и безымянный французский врач, к которому я, собственный корреспондент «Комсомолки» в Париже, обратился в декабре 1987-го по пустяковому вроде поводу. Вечерами ну никак не мог водить редакционное «Пежо»: стоило посветить кому-то фарами или просто смениться цветам светофора, как из глаз извергались потоки непонятно откуда взявшихся слез.

На второй минуте осмотра явно заинтересовавшийся мною парижский потомок Гиппократы настороженно спросил, где и когда мне приходилось участвовать в ядерных испытаниях. Я, как и каждый нормальный советский человек, ждавший подвоха, а то и провокации от ино-

странца, растерялся: «Да никогда!» Врач удивился: «Но у вас сожжена вся сетчатка, ну-ка, позвольте ваш нос... Конечно, и здесь нет никакой защиты», — с сочувствием вздохнул он. И я рассказал ему о Чернобыле. «Вот видите, — ничуть не удивился доктор. — А говорите, никогда не участвовали в ядерных испытаниях. Такое не лечится. Забудьте о вечерних поездках за рулем. Если только пассажиром. И загорать вам нельзя, вы же на всю жизнь назагорались», — невесело утешил напоследок.

И снова вспомнился Александр Николаевич Яковлев. Потому что именно утром 2 мая 1986-го в мою дачную халупу добрался чертыхающийся, оторванный от стола с селедкой, почтальон с телеграммой. В ней коротко и ясно: «Быть в 5-м подъезде на встрече».

Я бежал, торопился, ждал электричку, и все равно опоздал на 20 минут. На входе мне объяснили: вас ждет товарищ Яковлев. Интуиция подсказывала: случилось нечто чрезвычайное.

А Александр Николаевич между тем говорил присутствующим в его кабинете о временном переселении из зоны, тактично названной закрытой 30-километровой Чернобыльской. Рядом со мной, сравнительно молодым редактором отдела военно-патриотического воспитания, спорта и информации «КП», сидели зубры советской журналистики. И лишь единственный из нас, «правдинец»

Владимир Степанович Губарев, казавшийся в ту пору старейшиной, понимал, что в Чернобыле произошла катастрофа вселенского масштаба.

Яковлев, отдав ему должное, рассказывал о случившемся спокойно. До этого о Чернобыле говорить вообще запрещалось. Не то, что отправляться туда в командировку, даже упоминать в газете о Чернобыльской АЭС было нельзя. Так, несколько путаных и туманных строк светлой нонпарелью о каких-то неполадках. Подумаешь, мелкое и недостойное внимания читателей происшествие. А тут выяснилось, что нас посылают в Киев, и не просто в мой любимый город, куда часто мотался брать интервью у футбольного тренера Валерия Васильевича Лобановского, а оформляют допуск

в зону. Для этого потребовались не только добрая воля секретаря ЦК КПСС Яковлева, но и решение Политбюро ЦК, которое нам торжественно зачитали со всеми нашими фамилиями.

Александр Николаевич излучал доброту. И лишь раз засверкали гневом глаза, вздыбились мохнатые брови, налился исконной крестьянской силой глуховатый голос. Это когда после благосклонного яковлевского: «Ну, ваши вопросы», — я, наивный и весь из себя советский-присоветский, спросил: «Александр Николаевич, а что в Чернобыле самое страшное?» И он, наверняка в отличие от нас, несмышленишей, все знавший, пошел резать «правдую-матку». Конечно, о проклятых мародерах, выносящих из временно оставленных в Припяти домов блюд-

ца, ложки, а иногда — о, ужас! — и стулья с холодильниками. Чем же хлебать борщ, когда через недельку-другую вернутся из короткой эвакуации хозяева? Бичевал мародеров секретарь ЦК толково, с присутствием ему красноречием.

Зато с радостью поведал нам о солдатах-героях: молодцы, ничего не боятся, помогают совхозу-колхозу, затеявшему какие-то полевые работы прямо на границе 30-километровой зоны. «А еще и в футбол играют», — закончил он с бьющей через край гордостью за солдатиков. И я сразу понял, о чем будет мой первый репортаж: понятное дело, о гадах-мародерах и молодцах-колхозниках.

Секретарь ЦК по-отечески позаботился и о нас, журналистах. Пообещал, что в спецкассе на Киевском вокзале выделяют нам билеты в возделенные спальные вагоны из брони ЦК. Забавно, что и это невинное обещание тоже оказалось ложью. На вокзале — никакой брони, а толстая кассирша лишь покрутила пальцем у виска: «На Киев? «СВ»? Навалом! Все нормальные сдают, куда вас-то несет?» Странно вела себя и правительственная делегация из Венгрии, отправлявшаяся в свой Будапешт в том же вагоне. Еще на подъездах к Киеву осторожные венгры почему-то задраили все окна и замотали головы полотенцами. Чудаки — что с них возьмешь. Они виделись паникерами, наслушавшимися всяких гадких голосов.

А ведь шли шестые сутки трагедии. Стыдно, что мы ничего не понимали, или гадко за тех, кто так здорово все нам, а заодно и почти 300-миллионному народу объяснил?

Светлый же Киев встретил непривычной туманной дымкой, совсем не весенней темнотой. Над городом висела чернота. А гостиница украинского ЦК, за право поселиться в которой шли всегда настоящие бои, даже Лобановским не всегда выигрывавшиеся, зияла пустотой. Нас, восьмерых странных постояльцев, расселили с почетом по одиночкам. Так и жили — мы, да прибывший с нами из Москвы тем же вагоном «СВ» секретарь ЦК комсомола Дмитрий Охромий, назначенный на историческую родину на какой-то большой партийный пост. Удивительно, что и Охромий, мужик хороший и всегда обо всем осведомленный, о Чернобыле ничего не знал, расспрашивал нас о подробностях, удивлялся. Завеса незнания была кромешной.

Обслуживал за завтраком почему-то чуть не замдиректора. Объяснил хмуро: «Я своих официанток отпустил. Кто аборт делать, кто детей вывозить отпросился».

Зато тотчас принявший нас секретарь Киевского обкома партии Ревенко был полон оптимизма. Словно наслушавшись Яковлева, рассуждал что-то там о сеющих колхозниках, о детишках, плескающихся в местной речушке. Упомянул, правда, без излишних подробностей,

о героизме пожарных, проявленном при ликвидации непонятных «очагов», появившихся каким-то образом на крыше четвертого блока АЭС. Говорил складно, не заикался а-ля Брежнев, а по-деловому вводил в курс дела. И ввел.

Вам бывает стыдно за нечто пакудное, мерзкое, заставляющее краснеть и годы спустя? Есть, никуда не денешься, у каждого журналиста парочка эпизодов, о которых хотелось бы поскорее забыть, вычеркнуть из памяти. Не получилось и уже не получится. У меня это первый репортаж из Чернобыля. Ух, как он гложет...

Привезли днем 3-го мая на границу зоны. Там действительно кипела и бурлила жизнь, будто взбесившийся атом понимал, как дрессированная тигрица Багира: 30-километровую зону не переходить. Умело управляемые хлопчиками-трактористами, монотонно тархтели два агрегата, бороздя открытое всем ветрам поле. А рядом голые по пояс солдаты, в одних галифе и в сапогах, играли в футбол под жарким беспощадным солнцем. Сколько же рентген они тогда, несчастные, нахватали?

Надо ли говорить, что уже на следующий день отвратительно бодренький репортаж об этих и других безрассудных подвигах был опубликован многомиллионным тиражом. Сочинил, как бы и добровольно, «песнь» силе духа, смелости, естественно, заклеив по ходу и под-

лецов-мародеров. Выжечь бы эту чудовищную ересь из моей журналистской биографии. Замазать черной краской, чтоб не было видно всего жуткого и покаянного стыда, который я и сейчас испытываю за свою слепую веру и невежественную неосведомленность. Когда чувствую, что начинаю собой гордиться, открываю свой первый репортаж с границы зоны, опубликованный в первые майские страшные дни. Утешает ли, что все мы, люди того поколения, продукты одной эпохи, все же с годами прозрели?

Мое же прозрение наступило благодаря, страшно сказать, Чернобылю гораздо быстрее. И когда кто-то из редакции предложил мне написать, какие толпы болельщиков собирает проходившая в те майские дни через Киев велогонка Мира, я ответил отказом, который в демократической «КП» приняли с пониманием.

Дисциплина в советские 1980-е присутствовала даже в Чернобыле. Недоумевающие охранники сначала москалей как следует обматерили: «Куда, ..., в зону прете!», а потом сочувственно запускали. Ведь на въезде исправно лежали листочки с нашими восемью фамилиями.

Еще шла эвакуация. Двигались медленно, словно катафалки, вереницы автобусов. А народ валил из зоны, нагруженный скарбом, иногда гнал живность. Уверяли нас, что даже в годы Великой Отечественной во время отступлений такого массового исхода не было.

Надо признать, что эвакуацию 95 тысяч жителей непосредственно из Припяти, Чернобыля, ближайших поселков организовали толково. Хотя для этого навесили привычную «лапшу»: скоро обратно, потерпите недельку.

Зрелище — страшное. Люди измучены, потрепаны, некоторые, но это понятно только теперь, уже затронуты радиацией. Их гнали, сравнение не из благородных, будто скот. Сердце наполнялось жалостью...

Нескончаемый людской поток тек и тек. Женщины, плача, прижимали к себе неулыбающихся бледных детей. Мужчины несли свой легкий багаж хмуры.

Первые дни нас запускали в зону без всяких халатов, шапочек, перчаток. Не было и пропусков: лишь восемь фамилий на въезде. Сколько мы тогда поймали? Карманные дозиметры начали выдавать позже. Мы были тем же скотом, пылью, ничтожеством, которых хладнокровно пустили на убой ради «нужного партийного дела». Уже попав в зону, получив свои законные рентгены, испугавшись, как каждый нормальный человек, взбесившейся, рвущейся ввысь стрелки дозиметра, ежедневно отмерявшей мою личную дозу, я вдруг понял, почему главным партийным борцом с Чернобылем назначили всего лишь секретаря Киевского обкома Ревенко. Крупнейшей атомной катастрофе XX века умело придавали областной мас-

штаб. И придали б, если бы сумели навязать свою идеологию йоду, цезию, радиации... Не получилось.

Жуть

Бывал в зоне. Тогда еще не знал, что схватившие дозу подвержены эйфории — они возбужденные, жестикулирующие, кажется, полные бьющей, и явно через край, энергии. Привозил через несколько дней газеты с описанием их подвигов. И не находил героев. Где они? Отводя глаза, мне говорили: ушли.

Но страшнее были ночи в сменных лагерях закрытой 30-километровой зоны, где жили завозимые для очистки от атомной «грязи» смены ликвидаторов. Спалось тревожно. Выходил из деревянного дома во всегда туманное утро, когда чернота плотно закрывает солнце.

Но хуже всего в лесу у въезда в зону. За 16 дней нашего пребывания он из относительно зеленого превратился в зловеще красный, черный. Деревья в сучках, каких-то изломах. Как природа ухитрилась придать ветвям и стволам адову форму, здесь впору снимать фильм ужасов. А мы в этом проклятом лесу выпивали после выезда из зоны по бутылке красного.

Любовь

Жена дозвонилась ночью из Москвы в гостиницу: утром встречай киевский поезд, там нужна для

здоровья посылка из «Елисейского». Ничего не понял, но поехали с шофером. Проводник вытащил, матерясь, здоровенную коричневую сумку. Сразу стало ясно, почему жена говорила намеками: заглянул в сумку — а там 12 бутылок сухого «Саперави». «Сухой закон» бушевал повсюду, а она, бедняга, ухитрилась в эпоху дурацкого запрета отыскать где-то красное, выводящее, якобы, всю эту радиационную гадость.

Тянем вдвоем с водителем тяжеленную сумку, а на двадцатом шагу одна из ручек не выдерживает и рвется. Еле дотаскиваем целебную жидкость до «Волги».

Вот она, сила женской любви. И теперь после каждого выезда из зоны прямо в рыжем лесу, наплевав на «сухой закон», наш собственный корреспондент в Киеве Петя Положевец, я и шофер, нельзя его, бедного, обижать, выпиваем по бутылке 0,75, а то и по две.

Может, вино и помогло? А я думаю, спасла любовь. Мы с Петей — о шофере не знаю — по-прежнему на этом белом свете. Я, как и раньше, вместе с женой Леной.

А еще меня в чернобыльские дни поразила сценка, увиденная в одном из рабочих поселков, куда эвакуировали сотрудников ЧАЭС. Очередь в райисполком, где кто-то просит выдать хоть немного денег, выворачивая пустые карманы и пустые кошельки, кто-то громко требует отпустить детишек в «Артек», обеспечить жильем, ибо невозможно боль-

шой семье во временно выделенном курятнике. И еще истерика: все начальство своих детей в Москву отравило, а мы со своими погибай!

Вдруг — словно солнышко выглянуло. Зашли в огромную комнату Он и Она. И как-то все стихли. Кругом беда, кромешная неизвестность, а эти двое счастливы. Трогательно глядят друг на друга, держась за руки. И даже тетенька, бывшая в истерике, сразу замолкла. Подошли к начальнику за столом: мы из Припяти, поселили временно (да уж, временно) сюда, нам бы зарегистрироваться. Тот ошалел, заморгал, но опытный был товарищ, быстро пришел в себя, спросил: «Паспорта хоть вывезли?» Они кивнули. И начальник сразу поздравил, написал куда-то записку с просьбой в силу чрезвычайных условий зарегистрировать без проволочек, дал адрес, позвонил. Пара ушла, истерика вступила во вторую фазу, но сразу прекратилась, когда счастливые Он и Она заглянули через порог: «Мы — муж и жена».

Подвиг

По понятной причине герои моих репортажей молодые ребята — комсомольцы. Проявляли они чудеса героизма, которые я бы сравнил с подвигом, не преувеличиваю, Александра Матросова, закрывшего телом вражескую амбразуру. А на четвертом блоке фонащую атомную амбразуру закрывали не своими телами,

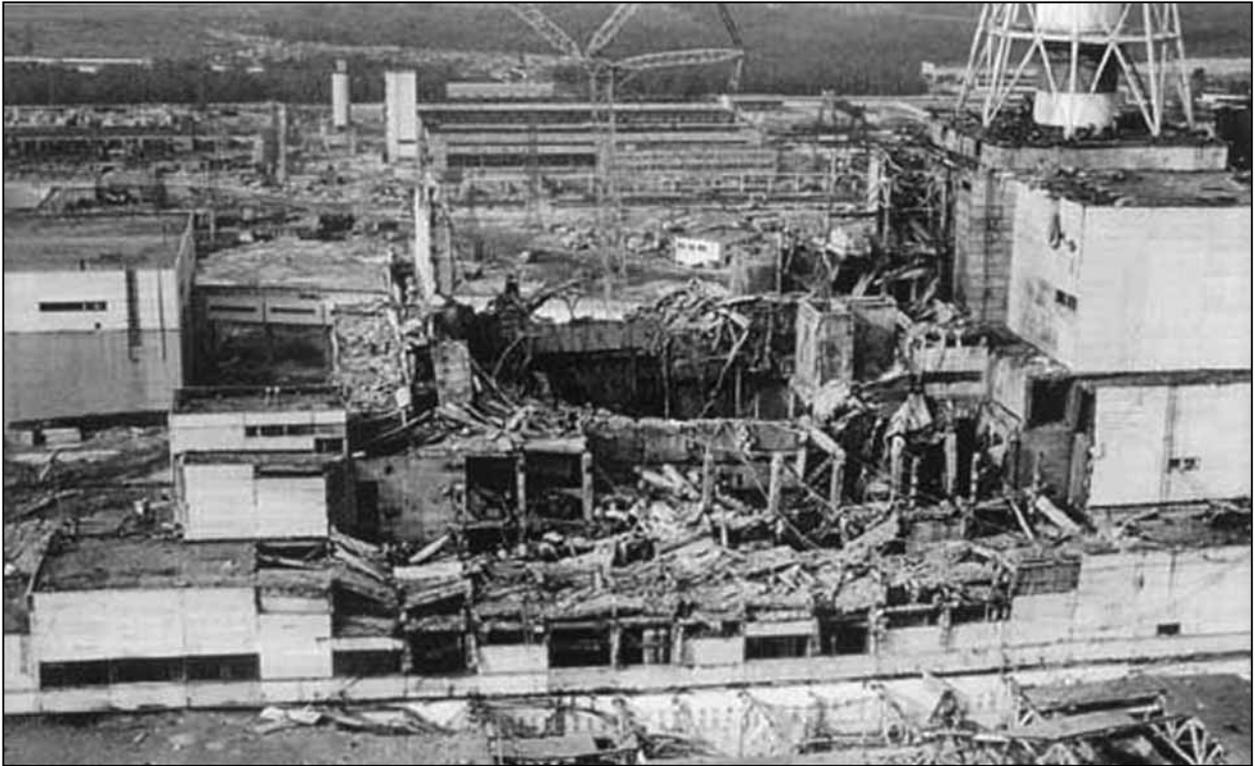

а песком, который насыпали в мешки, находясь всего лишь в нескольких сотнях метров от очага. Девчонки, мальчишки выходили, сыпали песок, помогали профессионалам биться за нас с вами. Все они из ближних городов, деревень. Рассказывали гордо, как закрыли все дыры, что наиболее тяжелое позади, и это казалось им чистой правдой. Но трагедия только вступала в свой второй акт. А в третьем, заключительном, наставшем уже через несколько лет и месяцев, когда лучевая болезнь взяла свое, жертв было, на мой взгляд, больше, чем должно было быть. И с этим уже ничего не сделаешь.

Мы с Петей Положевцем и неизвестно за какие грехи страдающим

шофером корпункта Петром Саптицким мотались в зону. До конца дней будут преследовать меня чернобыльские кошмары. Сегодня ты беседуешь с героем-комсомольцем, без всякой защитной одежды засыпавшим песком реактор. Полный жизни, бьющей через край силы, он, захлебываясь от восторга, рассказывает тебе, как побеждал радиацию. А завтра — человек в больнице, бледный, ко всему безразличный... Потом — иногда уход.

Нужно было много песка. Высоченные горы песка. Необъятное море песка. Больше, чем может представить человеческое воображение. Быстро давали задания. Не слышалось свиста пуль. Но с песчаного карьера виделся, хоть и вдалеке, вы-

шедший из строя реактор. А враг был невидим, и оттого безжалостнее, коварнее.

Засыпали в мешки 20 тонн, еще 40. Устанавливали невыполнимые нормы, чтобы тут же их перевыполнить. Среди тысяч и тысяч тонн, обрушенных на реактор, есть их, комсомольские тонны. Подозревали об опасности? На меня смотрят с удивлением. Или с укоризной. Жили-то они не где-нибудь — в городе атомщиков.

Но не все. Перед эвакуацией из Припяти народ потихоньку спускался из квартир. Но какая же прорывалась беспечность: некоторые родители выводили детишек в коротких штанишках, легких рубашонках, да еще выпускали из подъездов поиграть на улице. Играть было никак нельзя. Не вызывая раздражения,

но с твердой настойчивостью молодые ребята, да, именно комсомольцы, загоняли ребятню в подъезды. Люди, сидевшие в длиннющей веренице автобусов, не догадывались, что покидают город не на пять дней, как им втолковали, и не на месяц — навсегда.

Или почерневшие матери, выносящие на руках бледных, как мел, детей. Они молят нас, тоже безвластных, беспомощных: «Сыночки облучились в Припяти. Они уже не мужчины — не быть. Помогите хоть с путевками. В «Артек» хотя бы. Перед смертью».

Сельская девочка-комсорг проявила героизм: несколько дней вытягивала из домов поселка спрятавшихся и не желавших выезжать стариков. Вывезла-таки, убедила, но подхватила такую дозу, что через

неделю места на этой обманувшей ее Земле для героини не оказалось.

Пожарный, с которым беседовал, рассказывал мне, как тушили, как погибали. А врач теребил, шептал в ухо: «Пойдемте, пойдемте скорее! Нахватаетесь больше, чем в зоне, он же весь чуть не светится».

Или тот самый ставший знаменитым рыжий лес на выезде из 30-километровки. Это уже вторая неделя после начала работы. Обмеряют нас, из зоны выезжающих. Стрелка вертится, как бешеная, особенно когда дозиметрист в белом подносит ее к твоим ногам. Ужас наваливается: все, попал, какую, а у нас и детей еще нет. И слышится успокаивающее, с характерным говорком: «Ну, шо вы, хлопцы! Да ничего, да нормально, это ж вы просто в грязь где-то вступили, на пятнышко. Корочки, да, помойте в растворе. А вон на одежде-то почти все в порядке». Грязь — это по-чернобыльски пораженное радиацией место.

Потом в Москве жена принесла в квартиру дозиметр и измерила мои черные итальянские мокасины, в которых бродил по Чернобылю. Импортные, жалко было бросать. Помните, как сложно было с обувью? Стрелка резко вздрогнула, и я, сентиментальный, отвез ботиночки на дачу, зарыл у дальнего забора. Но стрелка не прекращала волноваться и на подходе к яме. Тогда я забрел в подмосковную чащу и сжег итальянскую ценность.

А дозиметр, с которым сдружился, продолжал подавать сигналы, что и в квартире на улице Горького, ныне Тверской, что-то по-прежнему не так. Это бессовестно фонила моя маленькая белая, вроде как защитная, шапочка, привезенная из Чернобыля. Сувенир, недоброе воспоминание. Прощай, моя бедная, тоже преданная огню, верная спутница!..

Или долгая беседа в зоне с симпатичным мне директором АЭС Брюхановым. Они с друзьями спорили, к каким наградам их представят. Директора, может, даже к Герою Социалистического Труда. Но в обкоме было мнение, что и Брюханову, и парторгу достаточно орденов Ленина. Мне искренне жаль Брюханова, уж не знаю сколько отсидевшего в тюрьме стрелочника из щедро отмеренной ему «десятки». Он-то лишь стойко и послушно выполнял партийную команду о проведении эксперимента на злосчастном четвертом блоке.

А вот средних лет человек в скромной ковбойке уверенным голосом уговаривает вызванного на какое-то совещание сварщика: «Чего боишься? Ты мне с первого раза так понравился, что, пожалуйста, не порть впечатление. Главное сделано, но нельзя расслабляться, размазываться. И без тебя знаю: опасно, рискованно, и все равно делать надо. Давай думать вместе, как сварить эти чертовы трубы. Я сегодня был там два раза. Ребята из Метростроя толпами пешком ходят. Уберете эту

грязь за 10, ну, 15 минут, и отпускаю в Москву с премией и дополнительным отпуском. Хотите, я с вами пойду, чтоб не так страшно?» Сварщик сначала отказывается, потом выражает желание, чтобы с ним пошли. И человек в ковбойке, как рассказывают, действительно сопровождал его на «саркофаг». Радиация в опасной зоне — 10 рентген в час. Отыскал в блокноте я и его фамилию — Садовский Станислав Иванович, первый заместитель министра энергетики и электрификации СССР. Беда приблизила вплотную, уравнила в званиях.

Короткий отдых в комфортабельном лагере в 30-километровой зоне. Он специально для тружеников, регулярно туда рабочими сменами въезжающих... Грязь — жуткая, и люди, хоть день побывавшие в Чернобыле, понимают, о какой грязи идет речь. Все заражено так, что не надо никакого дозиметра. Одинокий ликвидатор-рыбак ранним утром коротает время у пруда перед очередной походкой на четвертый блок — на ту сторону жизни или смерти. И мне не спится, замучили кошмары, тупо смотрю, как каждую минуту рыболов вытягивает удочку с до не приличия раздувшимся карасем, снимает улов с крючка, бросает его в грязный пруд. И бурчит мне, непонятливо: «Это такие же смертники, как и мы. Нахватали себе рентген. Пусть хоть еще немного поплавают».

Или наша хваленая, в песнях воспеваемая славянская бесшабашность.

Опустевший город Припять, тишина, на улицах — пустыня. И внезапно — крик, ор, толпа людей в защитных одеждах и жуткий визг. Это гонятся по мостовой ликвидаторы в противогазах за невинным поросенком: «Если он, гад, не грязный, мы его на костерок, и пожалуйста на ужин». Грязный-не грязный, а на ужин под открытым небом зловеще пустого города приглашают. Прихожу. Отказываться как-то неудобно.

В Доме культуры города Иванков, куда эвакуировали жителей Припяти, нескончаемая череда людей. Вежливые просьбы, плач, угрозы и вдобавок — истерики. Чувство опасности исчезло. Вместо него появились раздраженность, недовольство — сломался привычный, годами устоявшийся жизненный уклад. Бывало, народ срывался, грубил. И тут важно было не поддаваться секундному порыву, не отвечать грубостью на грубость.

Но сейчас о доброте. Этого пожилого человека я заметил сразу. Рыдал навзрыд. Старался подавить плач — напрасно. Уронил голову на стол, закрыл лицо, бессильно ворошил седеющие волосы натруженными, состарившимися от работы пальцами. Горе у него, большое горе у немолодого рабочего из Припяти. Пожар на Чернобыльской атомной, срочная эвакуация. Как был в синем тренировочном костюме и домашних тапочках, так и повезли за несколько десятков километров в соседний городишко за зоной. Думал, увозят

на три — пять дней, обойдется. Не обошлось. А на руках уже давно и неизлечимо больная, мучительно угасающая старушка-мама... И чудится ему, будто на этом проклятом белом свете некому прийти на помощь в непреодолимо горестный час. Кто-то тронул за плечо, негромко проговорил что-то мягкое, плавно-успокаивающее. Поднял голову. Перед ним девушка в очках, совсем девчонка крошечного роста. Вытер слезы, уставился непонимающе, настороженно. И вдруг осенило: девочка, словно фея, предлагает помощь. Он невпопад спрашивал. Девушка с красным значком терпеливо и успокаивающе отвечала: все пройдет, слезы горю не помощник, пора возвращаться к жизни. Вот там, через дорогу надо получить немного денег безвозмездно, а после — зарплату. Обедать можно почти бесплатно, столовая напротив. Маму постараемся определить в районную больницу, хотя с этим, предупреждаю, будет трудно. Он захватил с собой сберегательную книжку? И прекрасно. Вклад получит в здешней сберкассе — есть такое распоряжение. А когда освободится, пусть зайдет в соседнюю комнату — распределяют на работу.

Человек ушел ободренный. И было видно: нервный шок позади, теперь он справится. Девушка устало присела. Запавшие глаза, побелевшие губы, измотана донельзя за эти несколько длинных дней. Секретарь Припятского горкома комсо-

мола Анелия Перковская помогла десяткам напуганных, растерявшихся. Облегчая чужую беду, старалась забыть о собственной, тоже горькой. Пусть врачи научно обоснуют, как удалось продержаться ей трое суток без сна. Если бы просто продержаться. Работала зверски, истязая себя.

Ведь здесь, в какой-то начальственной приемной крошечного городка, куда свозили из Припяти и Ченобыля, сгусток человеческого горя, и даже воздух, кажется, пропитан людским страданием. Но и сгусток добра. Потому что пока живут на Земле такие как Анелия, добро обязательно будет побеждать зло не только в сказках.

Снова мы в каком-то маленьком городке. Сумерки окутывали город. Стучала в окно ветка каштана. Рядом на площади безостановочно шумела поливочная машина. Наступала тишина. Заночуем? Подумаем? Всего неделя проползла со скрежетом, но сколько событий, обнадеживающих, печальных, вместили эти растянувшиеся дни для усмирявших беду на АЭС. Год службы на войне шел за два. А как отсчитывается время в Чернобыле? Уже понимали — эвакуированы не на месяц, не на два. В те самые первые и самые жаркие майские дни мы не раз бывали в районе АЭС. Встречались и беседовали со специалистами. Их мнение практически едино. Авария, подобная Чернобыльской, могла случиться раз в миллион лет...

Год 1986-й и стал одним из этого миллиона годом.

Секрет Полишинеля: 9-го мая 1986-го устроили большие начальники праздник, не только Дню Победы посвященный. Из украшенного ресторана весть расползлась по гостиничным этажам. Добралась и до чутких журналистских ушей. Боялись взрыва, но его уже не будет. Успели, засыпали, скорректировали. А то бы ох как гулять мирному смертельному атому по миру. Чуть спал накрепко: пронесло. Оставалось справляться с громаднейшим, уже намертво нанесенным уроном.

Очень смешно вели себя иностранцы. Я этих крикунов и трусов в душе презираю. Их 15-го мая навезли в Киев в партийную гостиницу на целый этаж. Жаловались, что не пускают в зону, а когда, по высочайшему повелению, все же разрешали въехать, на честь сию одиноко

отозвалась ранним утром лишь красивая скандинавка. Меня, как знающего языка, попросили прихватить ее с собой. Шведка, или уж не помню кто, держалась бодро, достойно, в зоне задавала толковые вопросы, и расстались мы друзьями. Остальная иностранная пишущая рать набросилась на нее и на меня с расспросами. Шведка подробно отвечала, я же предлагал присоединиться к нам с Петром Положевцем завтра: в 9.00 в холле. Утром же — снова ни единого зарубежного коллеги.

А в Киеве, назовем все своими словами, — паника, бегство, темень. Выехать из города невозможно. Билет на Москву? Нам отказали и в ЦК комсомола, и даже в Верховном Совете. Лобановский и тот не смог мне помочь. Встретились с ним, и — Чернобыль Чернобылем, — а мы заговорили о футболе: скоро чемпио-

нат мира. Валерий Васильевич напоследок с редкой для него откровенностью сообщил, что собирается в ближайшее время Киев покинуть. Что и произошло впоследствии...

А мы с Андреем Иллешем из «Известий» тоже выбираемся из ада в столицу. Нас везет с собою в купе телекомментатор Саша Крутов. Приходят проверять билеты, и всеми узнаваемый тогда Крутов невозмутимо объясняет, кивая на нас двоих, необилеченных: «Это со мной, аппарата». Мы почему-то едем из Киева странным кружным путем, больше суток. Но спим без вина и водки тяжелым мертвым сном. Отец рассказывал, что так спали, когда вывозили с передовой, после кровавых боев в тыл.

И снова Кремль, Старая площадь, ЦК, приемная товарища Яковлева, куда меня вызывают. Считаю своим долгом поведать секретарю ЦК правду. Готовлюсь, набираюсь смелости. Но идеолог занят, принять не может. Интеллигентный помощник вдруг задает вопрос: «А как проявила себя в этих условиях гражданская оборона?» А черт его знает, мне даже стыдно, что в этом черномыльском кошмаре я о такой чуши не задумывался.

Неожиданно заболел воспалением легких, долго валялся под капельницей. Откуда все это взялось? Редакция пожалела меня и в 1987-м отправила собственным корреспондентом во Францию, где я и провел в благодатном парижском климате пять с лишним лет.

А теперь я — чернобылец, ликвидатор. С трудом обменял первый билет, быстро выданный «Минатомом», ибо при обмене идиотская бюрократия потребовала предъявить мое командировочное удостоверение с отметками о въезде в чернобыльскую зону. Представляете подобное издевательство? И еще приказали, чтобы мое присутствие в зоне засвидетельствовала украинская сторона. По гроб жизни буду благодарить Владимира Ивановича Холошу и Александра Петровича Бочарова, вспомнивших настырного корреспондента и нотариально засвидетельствовавших мои мытарства в зоне в мае 1986-го.

Но и на этом не закончилось. В МЧС, наделенном правом казнить

и миловать, выдавать документы ликвидатора — не выдавать, мне после года мытарств посоветовали обратиться в районный собес. Я не понял: ведь все собрано, как именно вами же и требовалось. Но мне объяснили: «Вы идите, идите...» И я пошел. Районный собес — особая зона, в чем-то поспорит в бессмысленной жестокости и с чернобыльской. Подтвердили, что все документы собраны правильно, приняли горы писанины и сообщили, чтобы позванивал: «Таких претендентов в ликвидаторы — много, а нас — мало. Звоните через месяц, лучше через полгода».

Полгода бесполезных звонков. Обида давила. И я рассказал о мытарствах Валерию Павлиновичу Шанцеву. Первый вице-мэр Москвы был

человеком поразительно работающим, знающим, суровым. Но на этот раз вечно занятый, спешащий Павлиныч спокойно выслушал своего помощника Евгения Муравьева, взял трубку. Спросил обо мне, все ли собрано правильно, нет ли в беседе каких-либо подозрений? Услышав ответ, вдруг грозно рыкнул: «Ну, если вы так все заняты, то давайте я с ним сам приеду, в очереди постою!»

Через полчаса я был в беседе. Меня ждали, протащили через зароптавшую очередь: «Где же вы? У нас уже все готово. Распишитесь вот здесь. Только билет не теряйте. Один раз на всю жизнь выдается. И зачем вот так, сразу, к первому вице-мэру? Да мы бы и сами». Сами с усами. Мне было ни капельки не стыдно. Получил честно выстраданное.

Я специально не хочу делать никаких обобщений, отказываюсь от высоких слов. 836 тысяч таких же, как я, пытались ликвидировать последствия катастрофы. У многих из них в знакомых совестливые начальники типа Валерия Павлиновича?

Сострадание

В 1991-м мы дней десять колесили с собственным корреспондентом «КП» по Беларуси Ольгой Егоровой на двух здоровых грузовиках с шоферами из Минска по широченным французским дорогам. Идею собрать лекарства, одежду, продукты для чернобыльцев подали мои друзья Франсуа и Мари-Лоранс Форы. Не слишком мне верилось, что несколько прижи-

мистые французы откликнутся на чужое горе.

Ошибся. Ни в одном из городов и городков мы не знали отказа. Из огромных магазинов в кузов вкатывали целые вешалки на колесиках с вещами. Аптеки отдавали нужные лекарства. Продуктов не жалели. Ночевали, на гостиницы денег не было, дома у волонтеров.

Оля Егорова радовалась больше моего. Каждое утро перед выездом она смотрела из окна, как заканчивается дождь. Это правда, во Франции дожди имеют обыкновение идти почему-то ночью, мало тревожа утром.

«Здесь даже дожди добрые», — повторяла Ольга.

А я боялся, что романтическая Оля не довезет наш бесценный груз. Или попадет он не в те руки. И успокоился только тогда, когда Егорова написала: «Все передано тем, кто нуждается. Сама следила за выгрузкой».

Слом

Уверен: Чернобыль сократил не только сроки жизни людей, к нему

прикоснувшихся. Теряющая мощь держава не смогла справиться с последствиями страшнейшей экономической катастрофы. Для укрощения взбунтовавшегося атома требовались миллиарды еще совсем не инфляционных рублей. Спешили под Киев эшелоны с самой современной техникой, чуть не моментально превращавшейся после соприкосновения с невидимым врагом в груды бесполезного и смертельно-фонящего грязного металла.

А вместе с металлом корежилась и обращалась в прах та вера в светлое, что хоть и дышала на ладан, но еще существовала. Верить во что-либо, клятвенно произносимое сверху, было после Чернобыля просто нельзя. Долгое замалчивание трагедии, попытка превратить одну из крупнейших катастроф XX века в эпизод областного масштаба обошлись дорого. Доверие было подорвано, а вернуть его, несмотря на многие потуги, не представлялось возможным. Идеологический коллапс оказался еще более разрушительным, чем экономический.

Заканчивалась старая эра... Думаю, именно Чернобыль, а не Горбачев с Бушем-старшим, не ЦРУ и не Солженицын положили начало настоящему распаду Страны Советов. Бедствие превратили в шабаш бесовестной наглой лжи. Тот месяц май побил все мыслимые и немыслимые рекорды вранья. И через несколько лет великая империя, эту ложь породившая, рухнула под сво-

ими же разрушительными потоками неправды...

Эпилог?

Завершаю тему на горькой ноте: о Чернобыле пытаются забыть. Но была, была трагедия, и людей, которые остались, выжили, которые в разной степени и в разных качествах боролись с чернобыльской катастрофой в закрытой зоне, да не только в ней, надо помнить. А о нас, о чернобыльцах, забыли. Еще в 1990-е приглашали в конце каждого апреля на концерты. Иногда вручали трогательные подарки. Мы виделись, общались, облегчали душу воспоминаниями.

А теперь все как-то исчезло. Если и встретишься с чернобыльцами, то

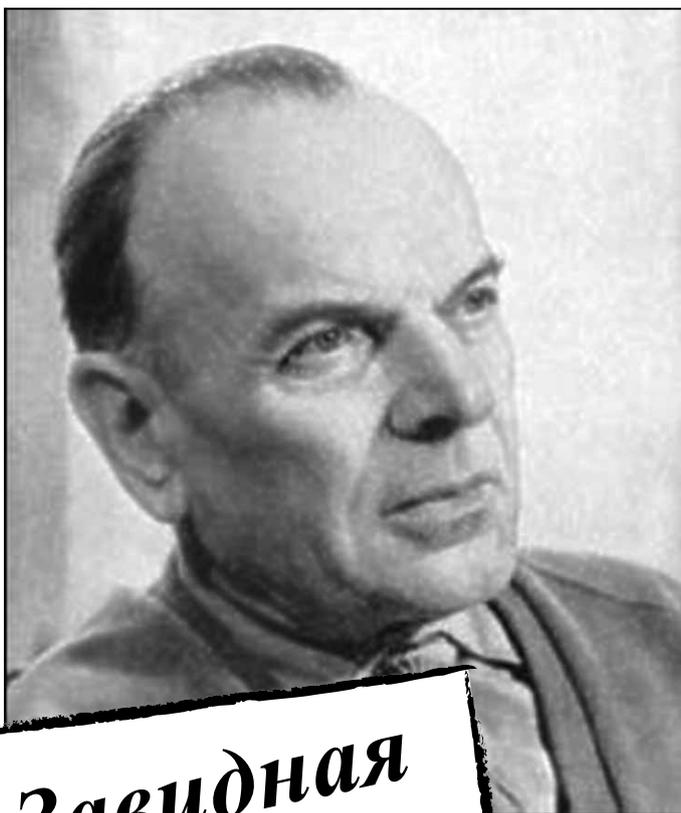
в годовщину трагедии в посольстве Беларуси. Мы, незнакомые, понимаем друг друга как братья. Наверное, такое было с фронтовиками. Мы знали досконально все детали катастрофы. Ведь вкалывали и получали дозы на одном и том же простреливаемом пулями пятачке.

Сотен тысяч из нас нет в живых. Я скорблю о них, моих друзьях по большой чернобыльской беде. Мне все равно, кто они — русские, украинцы, белорусы... Они — несчастные люди, судьбы которых Чернобыль разделил на «до» и «после». Мечтаю, чтобы оставшиеся боролись за каждый новый день этой пусть не всегда счастливой, но жизни.

А павшим — светлая память... □

К.Г. ПАУСТОВСКИЙ

**Завидная
жизнь**

В 1964 году на сцене Центрального Дома Литераторов (ЦДЛ) давала песенный концерт легендарная звезда мирового экрана Марлен Дитрих. Перед писателями великая актриса согласилась выступить бесплатно, но в качестве ответной любезности попросила устроить ей встречу с... Константином Паустовским. Дело в том, что однажды она, которой восхищались такие корифеи литературы XX века, как Ремарк и Хемингуэй, прочитала в каком-то сборнике английский перевод рассказа Паустовского «Телеграмма» и с тех пор мечтала увидеть его автора.

Студентом мне посчастливилось попасть на тот легендарный концерт, и я на всю жизнь запомнил 65-летнюю Марлен Дитрих с фигурой молоденькой девушки, в своем знаменитом переливающимся под светом софитов серебряном платье, характерным хрипловатым голосом исполнившую «Лили Марлен», которая

стала в годы войны культовой солдатской песней — и немцев, и англичан, и французов.

А затем на сцену поднялся высокий, элегантный и смущенный Константин Георгиевич Паустовский с букетом цветов. И не успел старый прозаик вручить букет актрисе, как она опустилась перед ним на колени, и ему пришлось поспешно нагнуться, чтобы протестующим движением по-прежнему сильных рук помочь ей встать на ноги...

«В комнатах с самого утра стояла по углам ноябрьская темнота, но было тепло... Катерина Петровна закрывала глаза, и из них выкапывалась и скользила по желтому виску, запутывалась в седых волосах одна-единственная слезинка...

«Вот!» — сказал Тихон, осторожно развернул телеграмму и протянул ее Катерине Петровне... «Дождитесь, выехала. Остаюсь всегда любящая дочь ваша Настя»...

Катерина Петровна с трудом отвернулась к стене, потом как будто уснула... Тихон вошел на цыпочках и всей пятерней отер лицо... «Не дождалась, — пробормотал Тихон. — Эх горе ее горькое, страданье неписаное!»

Паустовский прожил в литературе большую и очень достойную жизнь. Никогда не шел на сделки с совестью, не изменял своему высокому стилю, не потакал советской власти и, как мог, заступался за гонимых этой властью. Уединился под конец пути в живописной Тарусе, где приложил руку к изданию уникального литературного альманаха «Тарусские страницы», куда вместе с собственной повестью «Золотая роза» включил отвергнутые центральными издательствами и журналами произведения передовых собратьев по перу. И — оставил нам прекрасную прозрачную прозу, проникнутую любовью и состраданием к людям.

.....

Константин Георгиевич Паустовский родился в 1892 году в Москве в семье скромного железнодорожного статистика Георгия Максимовича Паустовского, в роду которого имелись и турки, и украинцы, и поляки. Считалось, что по

мужской линии он восходил к буйному малороссийскому гетману Сагайдачному. Однако, по словам писателя, отец не придавал этому факту серьезного значения. «Наши деды и прадеды пахали землю и были самыми обыкновенными

терпеливыми хлеборобами», — говорил он.

Семья часто переезжала, добралась из Малороссии до Москвы. Костя, его двое старших братьев и сестра жили дружно. В 1898 году родители вернулись с детьми в Киев, где Костя пошел в Первую классическую киевскую гимназию. Любимым его предметом там оказалась география, предвозвестница тяги будущего писателя к дальним странствиям.

Осенью 1908 года брак родителей все же распался, после чего Паустовский редко виделся с отцом. Незадолго до смерти тот по неизвестным причинам бросил службу на железной дороге и уехал в бывшее имение своего деда. Там его и настигла смерть. Получив телеграмму о болезни отца, Константин немедленно отправился в Белую Церковь, размышляя дорогой об этом вспыльчивом, самолюбивом, но добром человеке. Ему он посвятит затем главы «Повести о жизни», в которой отразит знаковые события своей киевской юности.

«Москвич по рождению и киевлянин по душе», он в общей сложности более 20 лет прожил на Украине. Именно там Паустовский состоялся как журналист и писатель. «Я вырос на Украине, — отмечал в автобиографической книге Константин Георгиевич. — Ее лиризму я благодарен многими сторонами своей прозы. Образ Украины я носил в своем сердце на протяжении многих лет».

Восстановившись в Александровской гимназии, юноша начал самостоятельную жизнь, зарабатывая на хлеб репетиторством. Поселился у бабушки по матери, переехавшей в Киев из Черкасс. В маленьком флигеле на Лукьяновке гимназист Паустовский написал первые рассказы, которые появились в киевских журналах. Но до профессионального литераторства лежал еще длинный путь. Он начинался в стенах Императорского университета Св. Владимира, на историко-филологическом факультете, куда Константин поступил после окончания гимназии, где проучился два года.

С началом Первой мировой войны юноша переехал в Москву к матери, сестре и брату и перевелся в Московский университет. Однако нужда вскоре заставила его прервать учебу и пойти работать. Будущему писателю довелось попробовать себя вагоновожатым и кондуктором трамвая, а потом хлебнуть военного лиха. Санитаром на тыловом и фронтовом санитарном поезде он исколесил места кровопролитных боев. Осенью 15-го отступал со своим полевым санотрядом вместе с русской армией от Люблина в Польшу до Несвижа в Белоруссии.

В один роковой день на разных фронтах погибли оба его брата. Паустовский вернулся в Москву, чтобы стать опорой матери и сестре. В том же тяжком для молодого человека году произошло, правда, и счастливое событие. Он встретил свою бу-

*Константин
Паустовский
в юности*

душую жену, Катю Загорскую, и на следующий год обвенчался с ней в деревенской церквушке под Рязанью — таково было ее желание. В тех же краях вырос сын писателя, Вадим, родившийся в 1925 году.

С первой женой Константин Георгиевич прожил 20 лет. Они расстались по обоюдному согласию, «устав друг от друга». Но именно за эти десятилетия брака с Екатериной Загорской, которые прошли для писателя в неустанных трудах, длительных странствиях, смертельных опасностях, поисках и свершениях, Паустовский стал выдающимся русским художником слова, обрел свои темы, свой неповторимый стиль.

Брянский металлургический завод в Екатеринославе, металлурги-

ческий завод в Юзовке, котельный завод в чеховском Таганроге, рыбацья артель на Азовском море — вот перечень «мест работы», которые успел сменить до Февральской революции беспокойный и пытливый молодой романтик. А то, что Паустовский даже в самые трудные минуты жизни оставался неисправимым романтиком, признает он сам в своей автобиографической прозе. С началом революции Паустовский уехал в Москву и наконец-то начал работать «по специальности» — газетным репортером. Там же в Москве он встретил Октябрьские события.

Гражданская война вновь погнала его на Украину, поскольку туда опять перебрались мать и сестра. Декабрь 18-го года замешал Паустовского в «кровавую оперетку», так ярко изо-

браженную Михаилом Булгаковым в романе «Белая гвардия». Сперва новоиспеченный газетчик был призван в «украинскую армию» гетмана Скоропадского, а вскоре, после очередной смены власти, — в Караульный полк Красной армии, набранный из бывших маховцев. Спустя несколько дней после появления в нем Паустовского один солдат застрелил командира, и полк расформировали...

Первая жена Екатерина Загорская

Оказавшись на воле, Константин Георгиевич отдался своей неизбежной страсти к путешествиям, на сей раз по югу России. На пару лет осел в теплой Одессе, сотрудничая в газетах «Станок» и «Моряк». Тогда же близко сошелся с И. Ильфом и И. Бабелем, Э. Багрицким и Л. Славиним. Из Одессы отправился в Крым, затем — на Кавказ. Из Батума переехал в Тбилиси, потом были Ереван и Баку. Умудрился побывать даже в северном Иране.

В Москву Паустовский вернулся в 1923 году, на время бросил здесь якорь и устроился на работу редактором РОСТА, где вовсю разворачивался Маяковский. Начался плодотворный период отдачи накопленных за годы странствий наблюдений творчеству. В этот период произошло также открытие для себя писателем средней полосы России, с которой отныне будут связаны его житейские привязанности и проникновенные пейзажи художественных произведений.

«Я не променяю Среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара, — писал он в поздние годы, уже успев поехать по границам. — Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки или за извилистую речонку Таруску — на ее скромных берегах я теперь часто и подолгу живу».

«Писательское дело — одинокое дело», — напомнил Э. Хемингуэй в своей нобелевской речи. Это утверждение в полной мере относится и к Паустовскому. Для него в 20-е журнастика и литература стали несовместимы. По заданию РОСТА он ездил в командировку на строительство Березниковского химкомбината, выпустил отдельной книжкой очерки, родившиеся в результате этой поездки, — «Великан на Каме». Однако все силы души отдавал тогда повести «Кара-Бугаз», начатой еще в Мо-

скве и продолженной в Березниках. Она посвящена первым советским геологам на берегах залива Кара-Бугаз, комбинату глауберовой соли, героям пустынных горизонтов. Повесть, дописанная в орловских Ливнах летом 31-го года, обозначила крутой перелом в судьбе Паустовского. После ее выхода он оставил службу в РОСТА и перешел на творческую работу, став профессиональным писателем.

судеб оказавшегося в начале 19-го столетия в Петрозаводске, сплетается с экспрессивными страницами из прошлого края. Вторая повесть живо и увлекательно рассказывает о самоотверженной борьбе жителей Онежского и Ладожского озер с интервентами Антанты в 1919 году.

Между разъездами по стране у писателя в ту пору завязался бурный роман с сестрой известного польского художника З. Валишевского

Б

рянский металлургический завод, завод в Юзовке, котельный завод в Таганроге, рыбацья артель на Азовском море — вот перечень «мест работы», которые успел сменить до революции беспокойный и пытливый юный романтик. А то, что Паустовский даже в самые трудные минуты жизни оставался романтиком, признавал он сам в своей автобиографической прозе. С началом революции он приехал в Москву и, наконец-то, начал работать «по специальности» — газетным репортером

Тем не менее, с публицистикой Константин Георгиевич расстался не сразу. В 32-м, побывав в Петрозаводске и работая над историей Онежского завода (тема была подсказана М. Горьким), он переплавил полученные впечатления в исторические повести «Судьба Шарля Лонсевиля» и «Озерный фронт». Это была уже прекрасная художественная проза, которая вслед за «Кара-Бугазом» сделала имя Паустовского широко известным.

В первой повести судьба пленного французского офицера, волею

Валерией Навашиной (по первому мужу), молодой красивой женщиной с каштановой челкой, которую он описал в своей автобиографической книге. Узнав об их связи, первая жена Константина Георгиевича подала на развод. Вторая, гражданская жена явилась вдохновительницей многих произведений Паустовского, таких, как «Мещерская сторона» и «Бросок на юг», с нее он писал образ главной героини. И с ней же благополучно прожил до 1948 года.

Вне зависимости от длины произведения повествовательная структура Паустовского строится «в подбор», когда эпизод следует за эпизодом и рассказ ведется от лица автора-наблюдателя. Причем одной из самых характерных черт его прозы является романтическая настроенность. Она, по мысли писателя, «не противоречит интересу к «грубой» жизни и любви к ней. Во всех областях действительности, — считал Паустовский, — за редкими исключениями, заложены зерна романтики. «Романтики» — так назывался ранний роман писателя, изданный в середине тридцатых.

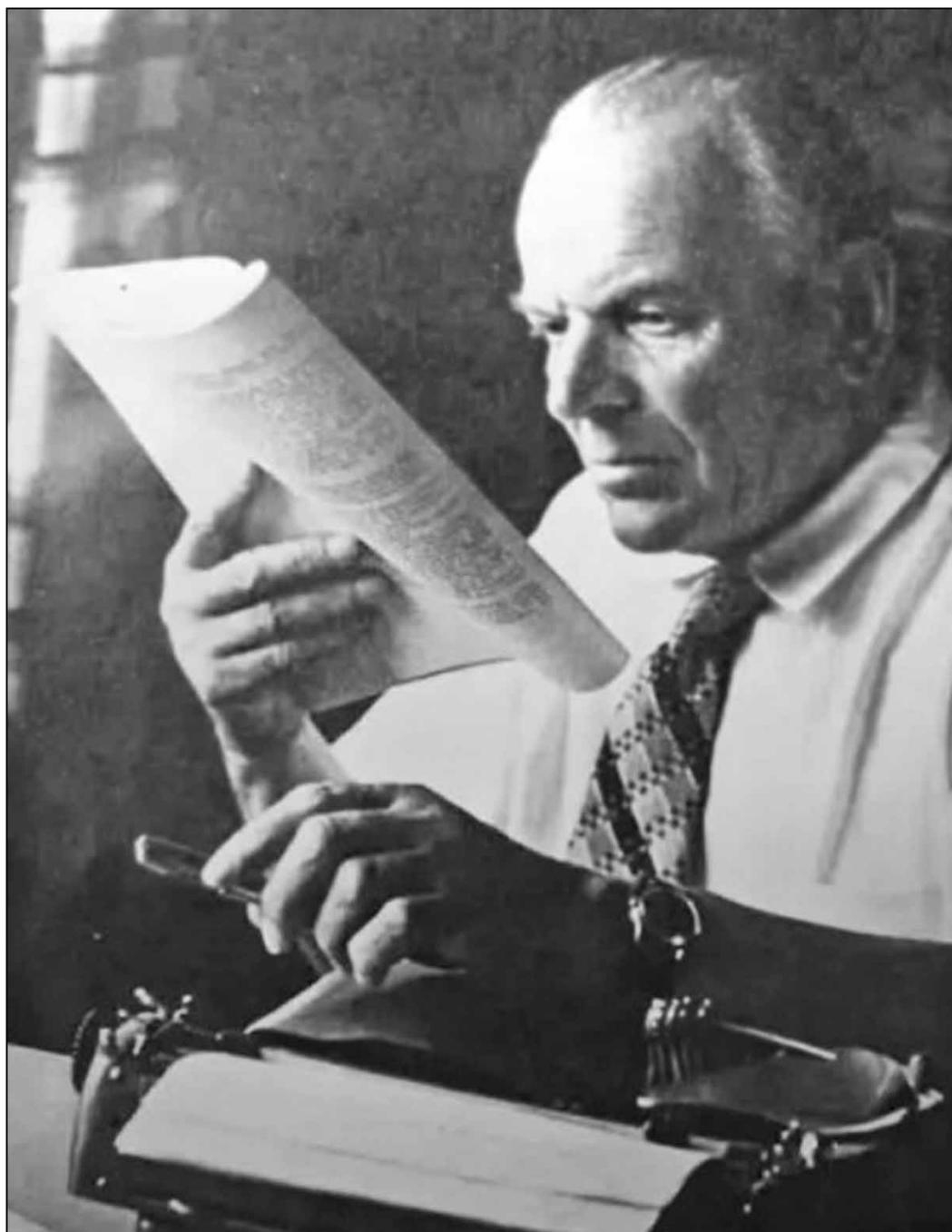
В 1928 году вышел первый сборник рассказов Паустовского «Встречные корабли», который сам писатель называл «первой моей настоящей книгой». В 30-е годы он продолжал наращивать художественный потенциал своих литературных произведений, хотя не расставался и с путевыми и производственными очерками.

Осенью 33-го увидела свет повесть «Колхида», которой предшествовала журналистская поездка автора в Мингрелию. Эта настоящая поэма в прозе, романтическая повесть, воспевающая красоту природы и подвиг человеческого труда на осушении малярийных колхидских болот. Она неоднократно переиздавалась и была переведена на многие языки, отличаясь богатством, чистотой и изяществом русского языка, что стало фирменным знаком Паустовского.

В Севастополе, где он специально на время поселился, была зимой 35–36-го года написана проникновенная повесть «Черное море», задуманная как «энциклопедия морского побережья». К ней стилистически примыкает «Северная повесть» (1939) и более поздняя «Повесть о лесах» (1948). Эта своеобразная трилогия, так или иначе, связана с именами композитора Чайковского, революционного лейтенанта Шмидта и декабриста Бестужева. О каждом из них в контексте лирического повествования писатель сумел рассказать глубоко и увлекательно.

В тридцатые годы его вообще захватила идея создания художественных биографий. Исаак Левитан, Орест Кипренский, Тарас Шевченко стали героями одноименных повестей Паустовского. В этот почетный список великих людей, подвергавшихся преследованиям и гонениям царского правительства, по праву попал и Александр Грин, которым Паустовский восхищался, с которым встречался лишь однажды и которого вывел под фамилией Гарт в повести «Черное море».

«Гарт был писателем. У своей фамилии Гартенберг он отбросил окончание, чтобы целиком слить себя со своими героями — бродягами и моряками, жившими в необыкновенных странах... Жизнь Гарта была необыкновенно печальной и горестной жизнью бродяги и отщепенца». Такова же оказалась и жизнь Александра Грина,

послужившего прототипом героя повести.

Совсем близко от Севастополя, в Ялте, Паустовский в 1936 году окончил одну из лучших своих повестей — «Созвездие Гончих Псов». «Всю осень дули ветры с океана. Воздух дрожал, и наблюдать по ночам звезды было очень трудно». Так

начинается повесть, написанная во время гражданской войны в Испании. Позднее в повести «Золотая роза», посвященной писательскому творчеству, прозаик замечал:

«Я жил тогда в Ялте. Когда я открывал окно, в комнату залетали сухие дубовые листья... По вечерам мы собирались около радио и слу-

шали сводки о боях в Испании. Мы ездили в Семейскую обсерваторию. Седой астроном показывал нам звездное небо... Изредка до Ялты доносилась учебная стрельба кораблей Черноморского флота... Ночью в небе рокотали невидимые самолеты. Я читал книгу о Сервантесе. Гайдар привел в наш дом огромную лохматую собаку со смеющимися глазами. Он говорил, что это горная овчарка.

Вот целый ряд подробностей тогдашней «текущей жизни». Из них

повести, новеллы, сказки, художественные очерки, эссе, тоже спаяна в смысловом внутреннем единстве, наполнена общей атмосферой и стилистическими особенностями. Ее специфику составляет авторская концепция единства мира и человека, концепция, которая окончательно сложилась в творчестве писателя к середине 30-х годов и больше уже не претерпевала существенных изменений. Она формировалась под влиянием идей русских философов-

С

возрастом, когда постоянные разъезды по стране сделались уже непосильными, Константин Георгиевич часами, причем в любую погоду, бродил вдоль зеленых берегов Таруски, а осенью любил сгребать и сжигать на костре палые листья. Вглядываясь в пляшущие язычки пламени, он словно пытался разглядеть в них минувшие события, описанные в его «Повести о жизни». Теперь Паустовский работал над другой книгой — «Золотая роза», размышления о тайнах литературного творчества

сложилась повесть «Созвездие Гончих Псов». В этой повести вы найдете все, о чем я упомянул выше: сухие дубовые листья, седого астронома, гул канонады, Сервантеса, людей, непоколебимо уверенных в победе гуманизма, горную овчарку, ночной полет и многое другое. Все это спаяно, конечно, в другом соотношении и вошло в определенный сюжет».

Так называемая «малая проза» Паустовского, включающая в себя

космистов А. Бердяева, В. Вернадского, К. Циолковского, а в художественном плане явилась продолжением литературной традиции Тургенева и Чехова.

Нередко Константина Георгиевича тянули в очередную поездку чувство неудовлетворенности собой, исчерпанность эмоций насиженного места, творческая пробуксовка, а то и просто семейные неурядицы.

В 38-м он вновь надолго оторвался от привычных писательских забот и дел и вновь пустился в путь. На сей раз — по северо-западу страны. Колыбель русской государственности, Новгород, Старая Русса Достоевского, суровый древний Псков, пушкинское Михайловское... В результате этой поездки родился прекрасный художественный очерк «Михайловские рощи», впервые напечатанный в журнале «Красная новь» за 1938 год. А в следующем году «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской литературы» писатель был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

С этим орденом на солдатской гимнастерке Паустовский после начала Великой Отечественной войны отбыл военным корреспондентом на Южный фронт и полтора месяца находился «на линии огня». Воевал бы и дальше, но был отозван в Москву и освобожден от воинской службы. В Кремле посчитали необходимым, чтобы он закончил для МХАТа пьесу «Пока не остановится сердце», призывающую к беспощадной борьбе с фашизмом.

Пьесу он дописывал в Алма-Ате, куда его эвакуировали с семьей. И там же работал над романом «Дым Отечества», серией рассказов. Они увидели свет после войны и принесли писателю международное признание. Он получил, наконец, возможность поехать по миру, побывал в разных странах. В 1965 го-

ду некоторое время провел, вслед за Горьким, на Капри. И стал одним из наиболее вероятных кандидатов на получение Нобелевской премии.

Ее, однако, присудили Михаилу Шолохову, потому что, как вскрылось позднее, советские власти начали угрожать Швеции экономическими санкциями, если бы Нобелевский комитет решил вручить премию Паустовскому. И все же он еще

Вторая жена Валерия Навашина

дважды номинировался на столь почетную награду в области литературы. В третий раз — в 68-м году, входил тогда в «шорт-лист», но умер, не дождавшись выборов.

За два года до смерти, уже задыхаясь от астмы, живя то в Москве, то на Оке в своей любимой Тарусе, Константин Георгиевич подписал

*С третьей
женой
Татьяной
Арбузовой
и сыном*

Справа:
*Константин
Паустовский
и Татьяна
Арбузова*

письмо двадцати пяти видных советских деятелей культуры, искусства и науки генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И.Брежневу против реабилитации Сталина. Акты гражданского мужества и неповиновения тоталитаризму этот сдержанный, осторожный человек проявлял не раз. Работавший у него литсекретарем В. Дружбицкий вспоминал, что Паустовский «ухитрился прожить время безумного восхваления Сталина и ни слова не написать о «вожде всех времен и народов». Ухитрился не вступить в партию, не подписать ни единого письма или обращения, клеймящего кого-нибудь».

Во время судебного процесса над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем Паустовский (вместе с К. Чуковским) открыто выступил в их поддержку. В 65-м подписал ходатайство о предоставлении Алексан-

дру Солженицыну квартиры в Москве, а затем поддержал его письмо IV съезду писателей с требованием отменить литературную цензуру. Это было в то время ох как небезопасно!

Так же небезопасно, как спустя пару лет не ругать пастернаковский роман «Доктор Живаго», удостоенный Нобелевской премии. А Паустовский не только не ругал роман, но и прилюдно не подал руки приближенному к верхам ортодоксальному критику, в пух и прах разносившему это бессмертное произведение в центральной прессе.

Незадолго до смерти тяжело больной Паустовский направил письмо председателю Совмина А. Косыгину с просьбой не увольнять главного режиссера Театра на Таганке Юрия Любимова. Не удовлетворившись письмом, нашел силы позво-

нить Косыгину и сказать: «С вами говорит умирающий Паустовский. Я умоляю вас не губить культурные ценности нашей страны. Если вы снимите Любимова, распадётся театр, погибнет большое дело». В результате, приказ об увольнении не был подписан.

Во всех поступках, чреватых для писателя серьезными последствиями, его безоговорочно поддерживала третья жена — Татьяна Алексеевна Евтеева, актриса театра им. Мейерхольда. Они встретились, когда она еще была супругой преуспевающего советского драматурга А. Арбузова, посвятившего ей популярную пьесу «Таня». До этого была замужем за рано ушедшим известным киноведем М. Шнейдеровым. А за Паустовского вышла замуж в 1950 году. Вот как он писал ей:

«Нежность, единственный мой человек, клянусь жизнью, что такой любви (без хвастовства) не было еще на свете... Пусть спокойно и счастливо бьется твое сердце, мое сердце! Мы все будем счастливы, все! Я знаю и верю...»

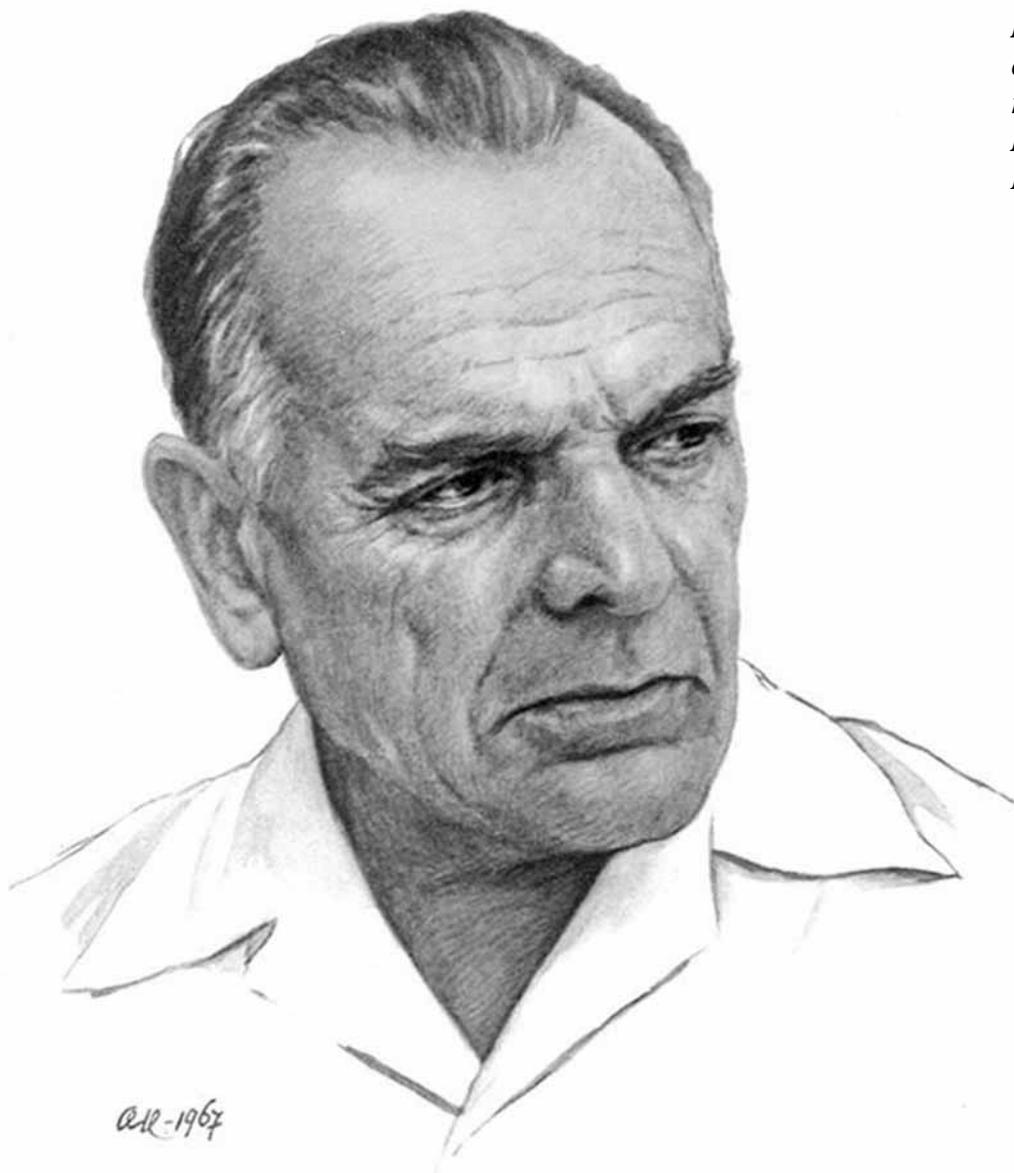
В последнее десятилетие жизни Константин Георгиевич открыл в себе два новых призвания — издательскую и преподавательскую деятельность. Об уникальном, быстро ставшем библиографической редкостью коллективном сборнике демократического направления «Тарусские страницы» (1961), который ознаменовал начало недолгой ли-

тературной «оттепели» хрущевской поры, говорилось выше. Не менее значителен и памятен аналогичный более ранний сборник «Литературная Москва» (1956), чьим составителем также выступил Паустовский.

«...он обладал редкостным талантом Учителя... умел создать особую, таинственно-прекрасную атмосферу творчества» — так отзывается о семинарах прозы Паустовского в Литературном институте И. Гофф. Среди его учеников — имена В. Тендрякова, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, Ю. Трифонова, Б. Балтера, И. Пантелеева. Причем не только к преподаванию, но и к обязанностям завкафедрой литературного мастерства Паустовский относился

Справа:
*Марлен Дитрих
опустилась
на колени перед
Константином
Паустовским*

с той же серьезностью и самоотдачей, что и к своему писательскому труду.

С возрастом, когда постоянные разъезды по стране сделались уже непосильными, Константин Георгиевич часами бродил в любую погоду зелеными берегами Таруски, углублялся в лесные заросли, по одному ему известным приметам безошибочно находя обратную дорогу к дому. Осенью любил сгребать на дачном участке костер из палых ли-

стьев, вглядывался в пляшущие язычки пламени, словно стараясь разглядеть в них минувшие события, свидетелем и участником которых ему довелось быть, и которые он описал в «Повести о жизни».

Теперь он писал другую книгу — «Золотая роза», размышления о тайнах литературного творчества. К этим размышлениям его побудили годы преподавания, весь огромный писательский опыт и стремление поделиться перед уходом со-

кровенными мыслями с грядущими собратями по перу.

«Замысел — это молния. Много дней накапливается над землей электричество... белые кучевые облака превращаются в... грозовые тучи, и в них из густого электрического настоя рождается первая искра — молния.

Почти тотчас же вслед за молнией на землю обрушивается ливень.

Замысел, так же как молния, возникает в сознании человека, насыщенный мыслями, чувствами и заметками памяти. Накапливается все это исподволь, медленно, пока не доходит до степени напряжения, которое требует неизбежного разряда. Тогда весь этот сжатый и еще несколько хаотичный мир рождает молнию — замысел. Для появления замысла, как и для появления молнии, чаще всего нужен ничтожный толчок».

...Приступ инфаркта застал его дома, в Тарусе. Он успел еще попрощаться с женой, близкими и умер в ясный июльский день 1968 года. Похоронили замечательного писателя на старом городском кладбище, что живописно расположилось на высоком поросшем лесом берегу речки Таруски. У подножия могилы поместили простой чугунный крест («крест деревянный иль чугунный завещан нам в грядущей мгле...») и мшистый валун. А изготовленный по заказу городских властей неприметный памятник с име-

нем покойного и датами его жизни поставили справа от могилы.

«Смерть пришла в летний день, когда над Москвой шумели теплые грозы. Он умер перед лицом всей полноты жизни, любимой неистово и упрямо, перед лицом сырой листвы, высокого неба, полевых трав, солнца, сверкающего над тучами и лесами». Это цитата из статьи Паустовского «Завидная жизнь» на смерть его старшего друга и учителя Максима Горького, напечатанная в «Литературной газете» 27 июня 1936 года. Эти же строки и само заглавие статьи с полным правом можно отнести и к кончине самого Константина Паустовского.

.....

Старый повар

В один из зимних вечеров 1786 года на окраине Вены в маленьком деревянном доме умирал слепой старик — бывший повар графини Тун. Собственно говоря, это был даже не дом, а ветхая сторожка, стоявшая в глубине сада. Сад был завален гнилыми ветками, сбитыми ветром. При каждом шаге ветки хрустели, и тогда начинал тихо ворчать в своей будке цепной пес. Он тоже умирал, как и его хозяин, от старости и уже не мог лаять.

Несколько лет назад повар ослеп от жара печей. Управляющий графини поселил его с тех пор в сторожке и выдавал ему время от времени несколько флоринов.

Вместе с поваром жила его дочь Мария, девушка лет восемнадцати. Все убранство сторожки составляли кровать, хромые скамейки, грубый стол, фаянсовая посуда, покрытая трещинами, и, наконец, клавесин — единственное богатство Марии.

Клавесин был такой старей, что струны его пели долго и тихо в ответ на все возникавшие вокруг звуки. Повар, смеясь, называл клавесин «сторожем своего дома». Никто не мог войти в дом без того, чтобы клавесин не встретил его дрожащим, старческим гулом.

Когда Мария умыла умирающего и надела на него холодную чистую рубаху, старик сказал:

— Я всегда не любил священников и монахов. Я не могу позвать исповедника, между тем мне нужно перед смертью очистить свою совесть.

— Что же делать? — испуганно спросила Мария.

— Выйди на улицу, — сказал старик, — и попроси первого встречного зайти в наш дом, чтобы исповедать умирающего. Тебе никто не откажет.

— Наша улица такая пустынная... — прошептала Мария, накинула платок и вышла.

Она пробежала через сад, с трудом открыла заржавленную калитку и остановилась. Улица была пуста. Ветер нес по ней листья, а с темного неба падали холодные капли дождя.

Мария долго ждала и прислушивалась. Наконец ей показалось, что вдоль ограды идет и напевает человек. Она сделала несколько шагов

ему навстречу, столкнулась с ним и вскрикнула. Человек остановился и спросил:

— Кто здесь?

Мария схватила его за руку и дрожащим голосом передала просьбу отца.

— Хорошо, — сказал человек спокойно. — Хотя я не священник, но это все равно. Пойдемте.

Они вошли в дом. При свече Мария увидела худого маленького человека. Он сбросил на скамейку мокрый плащ. Он был одет с изяществом и простотой — огонь свечи поблескивал на его черном камзоле, хрустальных пуговицах и кружевном жабо.

Он был еще очень молод, этот незнакомец. Совсем по-мальчишески он потрянул головой, поправил напудренный парик, быстро придвинул к кровати табурет, сел и, наклонившись, пристально и весело посмотрел в лицо умирающему.

— Говорите! — сказал он. — Может быть, властью, данной мне не от Бога, а от искусства, которому я служу, я облегчу ваши последние минуты и сниму тяжесть с вашей души.

— Я работал всю жизнь, пока не ослеп, — прошептал старик. — А кто работает, у того нет времени грешить. Когда заболела чахоткой моя жена — ее звали Мартой — и лекарь прописал ей разные дорогие лекарства и приказал кормить ее сливками и винными ягодами и поить горячим красным вином, я украл из сервиза графини Тун маленькое золотое блюдо, разбил его на куски и продал. И мне тяжело теперь вспоминать об этом и скрывать от дочери: я ее научил не трогать ни пылинки с чужого стола.

— А кто-нибудь из слуг графини пострадал за это? — спросил незнакомец.

— Клянусь, сударь, никто, — ответил старик и заплакал. — Если бы я знал, что золото не поможет моей Марте, разве я мог бы украсть!

— Как вас зовут? — спросил незнакомец.

— Иоганн Мейер, сударь.

— Так вот, Иоганн Мейер, — сказал незнакомец и положил ладонь на слепые глаза старика, — вы невинны перед людьми. То, что вы совершили, не есть грех и не является кражей, а, наоборот, может быть зачтено вам как подвиг любви.

— Аминь! — прошептал старик.

— Аминь! — повторил незнакомец. — А теперь скажите мне вашу последнюю волю.

— Я хочу, чтобы кто-нибудь позаботился о Марии.

— Я сделаю это. А еще чего вы хотите?

Тогда умирающий неожиданно улыбнулся и громко сказал:

— Я хотел бы еще раз увидеть Марту такой, какой я встретил ее в молодости. Увидеть солнце и этот старый сад, когда он зацветет весной. Но это невозможно, сударь. Не сердитесь на меня за глупые слова. Болезнь, должно быть, совсем сбила меня с толку.

— Хорошо, — сказал незнакомец и встал. — Хорошо, — повторил он, подошел к клавесину и сел перед ним на табурет. — Хорошо! — громко сказал он в третий раз, и внезапно быстрый звон рассыпался по сторожке, как будто на пол бросили сотни хрустальных шариков. — Слушайте. Слушайте и смотрите.

Он заиграл. Мария вспоминала потом лицо незнакомца, когда первый клавиш прозвучал под его рукой. Необыкновенная бледность покрыла его лоб, а в потемневших глазах качался язычок свечи.

Клавесин пел полным голосом впервые за многие годы. Он наполнял своими звуками не только сторожку, но и весь сад. Старый пес вылез из будки, сидел, склонив голову набок, и, насторожившись, тихонько помахивал хвостом. Начал идти мокрый снег, но пес только потряхивал ушами.

— Я вижу, сударь! — сказал старик и приподнялся на кровати. — Я вижу день, когда я встретился с Мартой и она от смущения разбила кувшин с молоком. Это было зимой, в горах. Небо стояло прозрачное, как синее стекло, и Марта смеялась. Смеялась, — повторил он, прислушиваясь к журчанию струн.

Незнакомец играл, глядя в черное окно.

— А теперь, — спросил он, — вы видите что-нибудь?

Старик молчал, прислушиваясь.

— Неужели вы не видите, — быстро сказал незнакомец, не переставая играть, — что ночь из черной сделалась синей, а потом голубой, и теплый свет уже падает откуда-то сверху, и на старых ветках ваших деревьев распускаются белые цветы. По-моему, это цветы яблони, хотя отсюда, из комнаты, они похожи на большие тюльпаны. Вы видите: первый луч упал на каменную ограду, нагрел ее, и от нее поднимается пар. Это, должно быть, высыхает мох, наполненный растаявшим снегом. А небо делается все выше, все синее, все великолепнее, и стаи птиц уже летят на север над нашей старой Веной.

— Я вижу все это! — крикнул старик.

Тихо проскрипела педаль, и клавесин запел торжественно, как будто пел не он, а сотни ликующих голосов.

— Нет, сударь, — сказала Мария незнакомцу, — эти цветы совсем не похожи на тюльпаны. Это яблони распустились за одну только ночь.

— Да, — ответил незнакомец, — это яблони, но у них очень крупные лепестки.

— Открой окно, Мария, — попросил старик.

Мария открыла окно. Холодный воздух ворвался в комнату. Незнакомец играл очень тихо и медленно.

Старик упал на подушки, жадно дышал и шарил по одеялу руками. Мария бросилась к нему. Незнакомец перестал играть. Он сидел у клавиатура не двигаясь, как будто заколдованный собственной музыкой.

Мария вскрикнула. Незнакомец встал и подошел к кровати. Старик сказал, задыхаясь:

— Я видел все так ясно, как много лет назад. Но я не хотел бы умереть и не узнать... имя. Имя!

— Меня зовут Вольфганг Амадей Моцарт, — ответил незнакомец.

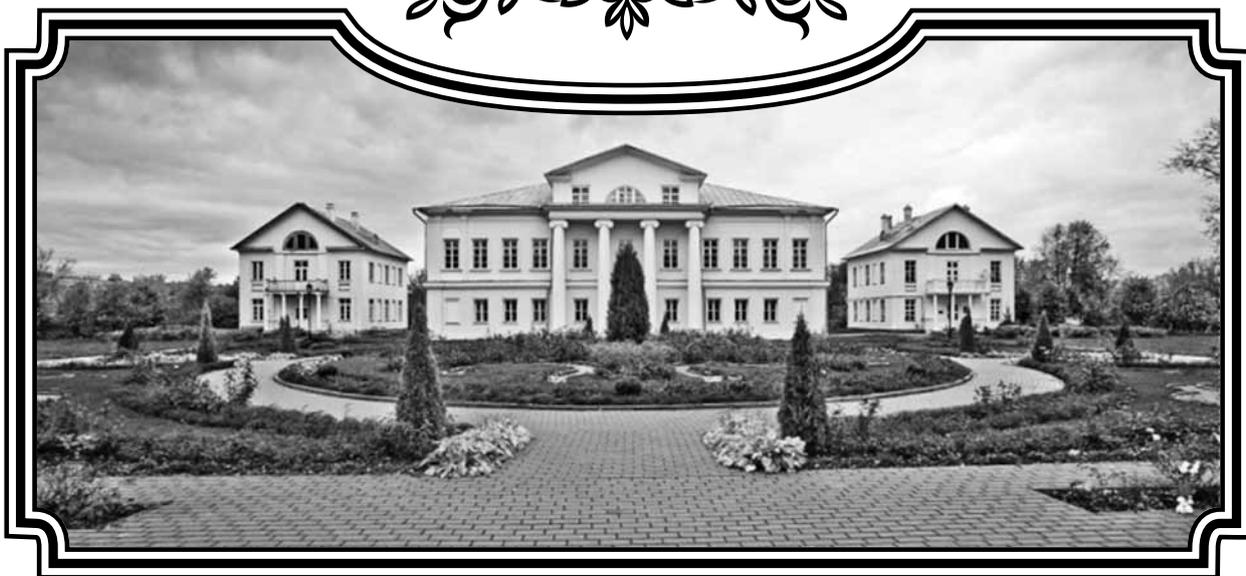
Мария отступила от кровати и низко, почти касаясь коленом пола, склонилась перед великим музыкантом.

Когда она выпрямилась, старик был уже мертв. Заря разгоралась за окнами, и в ее свете стоял сад, засыпанный цветами мокрого снега. □

Дмитрий Зелов

«ПРИЮТ МУЗ»

Столичный район Свиблово, что раскинулся вдоль берегов Яузы на северо-восточной окраине города, на редкость уютен. Несмотря на, казалось бы, спальную окраину огромного мегаполиса, в хитросплетениях его улиц то тут, то там сохранилась радующая взор малоэтажная застройка, а обилие зелени и близость воды только усиливают эффект притягательности. Да и положив руку на сердце: много ли в столице найдется мест, где можно насладиться журчанием прохладной воды из родника (из которого, по преданию, пил сам Петр I) или послушать ближе к ночи изумительные трели соловьев.

А какие здесь поэтичные наименования улиц... Вы только вслушайтесь в их музыку: Лазоревая и Вересковые улицы, Тенистый проезд. Они так и располагают к неге и полуденному отдыху, но в то же время как бы приглашают нас совершить путешествие во времени и пространстве. Прислушайтесь... и вы сможете различить веселый смех счастливого Николая Карамзина, будущего автора «Истории государства Российского» и его горячо любимой жены Лизоньки, бродивших в начале позапрошлого века по тенистым аллеям усадьбы...

Попытаемся же приоткрыть завесу над тайнами и загадками (а их весьма немало!) этой старинной местности, название которой — Свиблово.

Загадка названия

Кстати, а что значит само это слово — «свиблово»? Выясняя его происхождение, погрузимся в многовековую глубь отечественной истории и откроем для себя много нового, интересного и неожиданного. «Свибло» было прозвищем одного из ближайших сподвижников великого московского князя Дмитрия Ивановича, ставшего после Куликовской битвы Донским. Изображение Федора Свибло есть даже в Лицевом летописном своде, уникальном иллюстрированном памятнике русской средневековой истории. В древнерусском языке «свибло», это давно вышедшее из употребления понятие, означало «косноязычный» или «шепелявый». Но, несмотря на такую нелицеприятную подробность, боярин Федор Андреевич Свибло, обладавший, скорее всего, сиплым голосом («свиблый» в московском средневековом говоре обозначал эту особенность речи), оставил огромный след в русской истории. Его влияние на события общественно-политической жизни той эпохи было столь значительным, что имя его осталось не только в названии дарованной ему вотчины, но и длительное время сохранялось даже в названии одной из башен Московского Кремля. Выходящая прямо к Москве-реке Водовзводная башня Кремля одно время называлась Свибловой в честь Федора Андреевича, чей двор примыкал к ней изнутри крепости. Кстати, есть не лишняя оснований

версия историков о том, что именно Федор Свибло принимал деятельное участие в сооружении в 1366–1367 годах мощных белокаменных стен Кремля. И буквально на следующий год качество постройки было проверено на прочность: литовский князь Ольгерд не смог штурмом взять Москву, и был вынужден убраться во свояси. Так что название одной из башен Кремля в честь шепелявого боярина вполне оправданно.

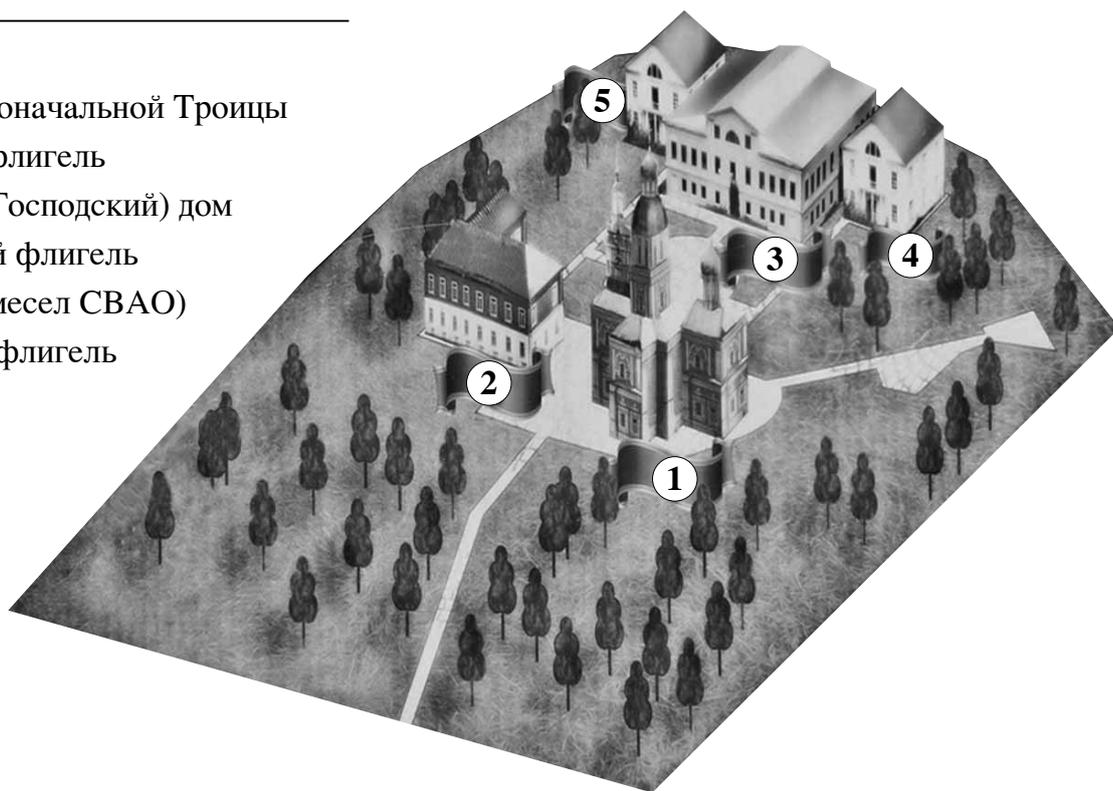
Людская слава что дым: ветрена и переменчива. Вот и фаворит Дмитрия Донского боярин Федор Свибло после смерти в 1389 году своего патрона недолго оставался в фаворе. В начале следующего столетия при сыне героя Куликовской битвы великом князе Василии I Федор Свибло был подвергнут опале, а его многочисленные имения (включая и Свиблово на Яузе) вместе с холопами одним росчерком пера конфискованы в казну. В чем провинился перед правителем Московии деятельный и инициативный боярин — до сих пор остается загадкой. Более того, власть-придержащие постарались даже стереть из памяти само название Свиблово, ничтоже сумняшеся переименовав в Тимофеевское бывшую вотчину Федора Андреевича. Но не получилось, людская память оказалась сильнее, и Свиблово сохранило свое прежнее название.

Тяжба за усадьбу

Шли годы, одно столетие сменяло другое. В начале восемнадцатого

План-панорама ансамбля Усадьбы Свиблово

- 1 Храм Живоначальной Троицы
- 2 Людской флигель
- 3 Главный (Господский) дом
- 4 Восточный флигель
(Центр ремесел СВАО)
- 5 Западный флигель

века, в Свиблово, которым владел дальний родственник Петра I по материнской линии, а по совместительству сподвижник русского царя Кирилл Нарышкин (именно в честь него один из бастионов Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге и носит имя Нарышкинского), была выстроена дворянская усадьба. Как и полагалось усадьбе той эпохи, в ней были главный каменный усадебный дом, а также мельница, солодовенный завод, поварня, хлебные амбары и иные хозяйственные постройки. В 1708–1709 годах в усадьбе появилась каменная церковь Троицы, одна из немногих сохранившихся до наших дней построек уникального московского стиля «нарышкинское

барокко». Вот только стал в 1704 году хозяином усадьбы Кирилл Алексеевич Нарышкин совсем не по праву.

Эта темная и некрасивая история заслуживает отдельного упоминания. По окончании Смутного времени, с 1620 и до конца столетия, Свиблово принадлежало знатному роду Плещеевых. На исходе века, в 1692 году, владелицей стала круглая сирота, совсем еще «младая летами» внучка первого хозяина из этого рода Мария, над которой установил опекунство ее дядя Кирилл Нарышкин. И все бы ничего, только Мария, будучи еще в довольно юном возрасте, неожиданно преставилась, а быстро подсуевившийся дядя, сославшись на устное завещание отдавшей Богу

душу хозяйки, быстро прибрал Свиблово к рукам.

А после Полтавской виктории в усадьбе зазвучала... шведская речь. Деятельно обустроивавший Свиблово Нарышкин вовсю использовал дармовую рабочую силу в виде пленных подданных Карла XII — «всяких разных мастеровых людей». Более того, владелец усадьбы настолько заполонил свой дом награбленным в Шведской Ливонии имуществом, что, как писал очевидец тех лет голштинский генерал-лейтенант на русской службе Вильгельм Берхгольц, «даже разукрашенные оконные рамы его свибловского дома сохраняли имена и гербы тех немецких баронов, из чьих замков были взяты».

Однако Плещеевы не сдались и на исходе Петровской эпохи дерзнули вступить в спор за права на Свиблово. Тем более что время благоприятствовало: лишившийся в 1719 го-

ду за многочисленные служебные прегрешения должности московского губернатора еще вчера всемогущий Нарышкин фактически оказался не у дел. Правда, у него оставались прежние связи и влияния, а также значительные, накопленные за петровское время богатства. Причем происхождение большинства из них было настолько несправедливым, а способы получения столь дерзки, жестоки и бесцеремонны, что поражали даже ко многому привыкших его современников.

Невероятно, но факт: Плещеевы смогли довести тяжбу за Свиблово до Юстиц-коллегии, высшего апелляционного суда империи. Ни деньги, ни посулы, ни угрозы Нарышкину не помогли, и в 1721 году усадьбу вернули в род Плещеевых! Но вконец разорившийся на судебных тяжбах Нарышкин решил напоследок отыгаться и перед приездом ново-

*Храм
Живоначальной
Троицы*

го владельца, Ивана Дмитриевича Плещеева, вывез из Свиблова все, что только было можно, вплоть до дверных ручек, оставив новому хозяину лишь голые стены! Так и не успокоившись от потери несправедливо нажитого имущества, опозоренный и разоренный, буквально через пару лет Кирилл Алексеевич Нарышкин скоропостижно скончался.

Приют муз

У нового владельца сил и средств восстанавливать усадьбу не было. Что же делать, где взять деньги? Извечный русский вопрос... Но тут неожиданно Свиблово, прельщенный красотой здешних мест, взял в аренду жених дочери Петра I Анны, голштинский герцог Карл Фридрих Голштейн-Готторпский и полностью обставил мебелью за свой счет. Гово-

рят, что в свибловской усадьбе дочери бывал и первый русский император. Впрочем, это только легенда...

А вот что достоверно известно, так это то, что в 1801–1803 годах в Свиблово снимал дачу литератор и писатель Николай Михайлович Карамзин. Именно здесь, в имении дальних родственников своей жены, в апреле 1801 года он решил провести свой медовый месяц вместе со своей любимой супругой, которую он, по собственному признанию, «тринадцать лет знал и любил» и с которой, наконец-то, сочетался браком. Вероятно, именно в честь Елизаветы Ивановны Протасовой и получила имя героиня его сентиментальной повести «Бедная Лиза». Но, увы, семейное счастье было недолгим. Через год жена подарила писателю дочь Софью, а спустя месяц умерла. Убитый горем Карамзин остался

*Окружающие
усадьбу парк
и пруды.
Виднеющаяся
вдалеке
беседка-
ротонда —
Храм Воздуха*

с дочкой-малюткой на руках и весь ушел в работу, став чуть ли не за творником. Именно в Свиблово он создал свою новую историческую повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода». По меткому выражению одного из современников, после дарования осенью 1803 года Александром I Карамзину звания придворного историографа, тот полностью оставил литературную деятельность, на которой снискал уже славу и признание, и «постригся в историки». Так что, возможно, замысел создания «История государства Российского» родился у бу-

дущего историка именно в здешних краях.

Шукшин в Свиблово

Еще полвека назад Свиблово, даром что столичный район, местами напоминало деревенскую пастораль. Сладкие, манящие ароматы фруктовых садов, пьянящий запах целебного разнотравья... По воспоминаниям соседей, рядом с домом №35, что на проезде Русанова, где с середины 60-х по начало 70-х годов обитало дружное семейство Шукшиных... паслись коровы! Впрочем, отчего ж

*Людской
флигель —
жилой дом
на тер-
ритории
усадьбы*

и не пастись, когда заливные, сочные луга Яузы прямо располагали к разведению домашнего скота хозяевами старых деревянных домов, которые в те годы еще сохранялись кое-где островками по соседству с московскими многоэтажками. Именно там, в обычной свибловской квартире, часто проходили кухонные посиделки творческой четы Василия Шукшина и Лидии Федосеевой, растивших двух очаровательных дочек Машу и Ольгу...

Операция «Ы», или где Шурик гонялся за хулиганом Федей...

Узнать сейчас в этих тихих и тенистых дворах на улице Седова пыльную стройку, на которой герой культовой советской комедии Леонида Гайдая студент Шурик в исполнении замечательного Александра Демьяненко гонялся за не менее

харизматичным хулиганом Федей в исполнении Алексея Смирнова, сейчас невозможно. Тем более что многие попавшие в кадр снимавшейся в 1964 году комедии пятиэтажки уже давно снесены. Между тем, это действительно так. Поэтому, когда будете пересматривать этот замечательный фильм, просто приглядитесь повнимательнее к деталям.

Вокзал и дорога, которых нет

За пару лет до Олимпиады в Свиблово пришло метро. Оформление этой станции московской подземки очень необычно: в верхней части стен размещены мозаичные изображения гербов северных русских городов. Всего 48 штук, по 24 с каждой стороны. Почему именно здесь, в Свиблово? Ларчик открывается просто: к все той же Олимпиаде на

поверхности хотели построить огромный автовокзал, который перетянул бы на себя часть маршрутов с Центрального Щелковского. Прежде всего, северных направлений. Оттого и соответствующая тематика мозаичных панно.

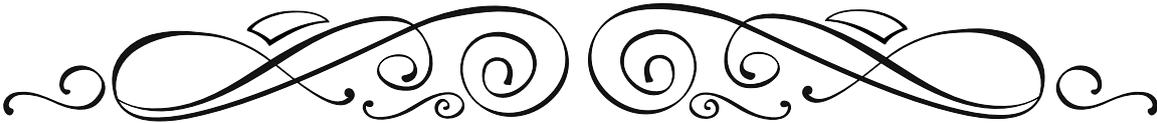
Гуляя вдоль Яузы, можно увидеть красивый пешеходный мост, форма которого, однако, выдает его недавнее железнодорожное прошлое. Это еще одна загадка Свиблово: до 1987 года через район проходила Бескудниковская ветка железной дороги. Местные старожилы уверяют, что в утреннем предрасветном тумане, поднимающемся из яузской низины, порой отчетливо слышны звуки приближающегося поезда. Все может быть... Символический памятник бывшей железной дороги в форме веселого детского паровозика был установлен уже в наши дни, в начале XXI века, в соседнем районе Отрадное.

Век XXI: возрождение старины

В начале XXI столетия Свиблово пережило свое второе рождение. Усадьба и церковь были восстановлены и благоустроены. При храме Живоначальной Троицы, ставшей патриаршим подворьем, в конце 2016 года был открыт уникальный музей колоколов, а в самой усадьбе часто проводятся литературно-музыкальные встречи. Был благоустроен и окружающий усадьбу парк на Яузе. Благодаря благоприятной экологической обстановке в нем даже поселились бобры (в пределах Москвы!), а возрожденная на небольшом островке посреди главного притока Москвы классическая беседка-ротонда стала единственным в России Храмом Воздуха. Хорошая и преображаясь на глазах, Свиблово хранит еще много тайн и загадок. А это значит, что и у вас есть шанс принять участие в их раскрытии. □

Светлана
Бестужева-Лада

ЧЕРНОГОРЦЫ И ЧЕРНОГОРКИ

Сейчас это небольшое балканское государство известно преимущественно как курорт на Средиземном море. Черногория заслуженно считается идеальным местом для отдыха. Прелесть этой маленькой страны заключается в ее живописных средневековых городах и селах, в удивительно красивых реках, озерах и горах, и, конечно же, в отличных горнолыжных курортах и великолепных пляжах Адриатического моря.

Но не всем известно, что славянские племена на территорию Черногории пришли в VI веке. До них в Черногории жили иллирийские племена, которых завоевали легионеры Древнего Рима. Племена черногорцев вначале были, конечно, язычниками, но посредством ассимиляции они приняли от римлян христианство.

Черногорцы утверждают, что Черногория была единственной страной на Балканах, которую не смогла завоевать Османская империя. Действительно, войска Османской империи часто вторгались в Черногорию, но так и не смогли ее окончательно покорить.

Основателем Черногорского государства принято считать Стефана Црноевича. С 1515 года по 1696 год это было теократическое государство, в котором правили епископы. А в 1852 году Черно-

рия стала светским государством (владыка Данило II из династии Петровичей-Негошей провозгласил себя князем Данило I; его наследник Никола — королем (1910)).

3 марта 1878 года по Сан-Стефанскому мирному договору Черногория увеличила свою территорию за счет бывших турецких владений и была признана 27-м суверенным государством мира с утверждением ее новых территориальных владений.

Пришла пора установления династических союзов с другими суверенными государствами. И в этой области Черногория, добившись существенных успехов, сыграла заметную роль в российских событиях, предшествовавших 1917 году.

Но обо всем по порядку.

Родился будущий король независимой Черногории в городке Негоши — родовом гнезде династии Петровичей-Негошей. Его отцом был Мирко Петрович-Негош, брат правящего князя-митрополита Данилы I Петровича. В 1854 году правивший страной Данило Петрович-Негош отказался от епископского сана ради вступления в брак с красавицей Даринкой Квекич, дочерью сербского купца из Триеста. Черногория стала чисто светской державой, а Данило объявил себя первым светским правителем страны, князем Данило I.

3 августа 1860 он был убит из личной мести Тодором Кадичем. Позднее, по приказу унаследовавшего престол племянника Никола I, Кадич был выслежен, похищен и убит.

За четыре года до этого Никола поступил в Лицей Людовика Великого (Louis-le-Grand) в Париже. На этом настояла княгиня Даринка — большая поклонница французской культуры. Принц завершал там курс, когда 13 августа 1860 года, после убийства дяди Данилы I, он был провозглашен князем Черногории. В ноябре того же года молодой князь женился на дочери черногорского воеводы Петра Вукотича, Милене.

Княжеская чета жила дружно, в любви и согласии, произведя на свет двенадцать детей — трех мальчиков и девять девочек. Сыновья — Данило II Александр, наследник престола, принц Мирко Дмитрий Петрович-Негош, впоследствии великий воевода Грахова и Зеты, женившийся на внучке Анны Обрено-

*Князь,
затем король
Черногории
Никола
Петрович-
Негош —
отец Милицы
и Станы*

вич, происходившей из сербского княжеского и королевского дома. При заключении брака была достигнута договоренность с сербским правительством о том, что князь Мирко будет провозглашен наследным принцем Сербии в случае, если брак короля Александра Обреновича и королевы Драги окажется бездетным. Младший же сын Петр женился на актрисе неясного происхождения Виолетте Вегнер и в престольных играх не участвовал.

Жизнь дочерей черногорского князя сложилась не менее удачно, чем у их братьев.

Раннее детство княжны провели на родине в семье родителей, где складывался их характер, и где от своих родителей они получили основные представления о жизни. Десятилетнюю Милицу и девятилетнюю Стану черногорский князь отправил получать образование в Петербург, в Смольный институт. Годом позже к ним присоединились и три другие сестры — Зорка (будущая жена сербского короля Петра Карагеоргиевича), Елена (будущая итальянская королева) и Мария, которая, к сожалению, скончалась на шестнадцатом году жизни, не выдержав холодного

*Милена
Петрович-
Негош —
мать Милицы
и Станы*

петербургского климата и трудных условий институтской жизни.

Девочки были отправлены в Россию не случайно, их будущее Никола Петрович-Негош планировал связать именно с ней. Хорошее образование они могли получить и в Черногории, где еще в 1869 году при всесторонней помощи России был открыт аналог петербургского Смольного института — Цетиньский Женский институт имени императрицы Марии Александровны. Институт существовал на русские деньги, преподавание велось русскими учителями и по учебникам, присылавшим-

ся из России, а русский язык здесь изучался наравне с сербским.

Учебное заведение сразу завоевало широкую славу и авторитет не только в Черногории, но и на Балканах в целом, о чем писали русские путешественники и дипломаты в Черногории.

Но князю Николе нужны были более тесные отношения с Россией — родственные.

Окончив Смольный институт, Милица и Анастасия, как стали звать Стану в России, получили хорошее образование, русский язык стал для них вторым родным. Не хуже они

владели и французским. На нем черногорские княжны переписывались с отцом и даже друг с другом, вставляя то сербские предложения, то русские словосочетания. Княжны отличались тягой к знаниям, Милица впоследствии даже выучила персидский язык, о чем писала: «Очень легко!»

В 1889 году на званом ужине в честь черногорского князя Николы Петровича император Александр III произнес знаменитый тост: «Пью за

Милица и Стана (Анастасия)

единственного моего друга, князя черногорского». На этом же ужине было объявлено о помолвке черногорской принцессы Милицы Николаевны и великого русского князя Петра Николаевича. В скором времени стало известно и о втором династическом союзе Петровичей с Романовыми — княжна Анастасия Николаевна (Стана) была помолвлена с гер-

цогом Георгием (Юрием) Лейхтенбергским.

Бракосочетания черногорских принцесс и представителей дома Романовых готовились заранее. Милица и Стана давно уже были вхожи в семью императора, их приглашали на завтраки и ужины, где они сидели «одна по правую руку императора, другая — по левую».

Этот знаменитый тост и последовавшие брачные союзы произвели эффект разорвавшейся бомбы. Во всем мире заговорили о Черногории и ее династии Петровичей-Негошей, представительницы которой породнились с Романовыми. Это являлось признанием равнородности черногорской династии. Именно после этого и итальянский дом Савойских решил принять в свою семью представительницу Петровичей-Негошей. Уже упоминавшаяся сестра Милицы и Станы, принцесса Елена, стала женой итальянского престолонаследника Виктора Эммануила. Их встреча, кстати, произошла в Москве.

Сам факт брачных союзов Петровичей-Негошей и Романовых, безусловно, был политическим ходом. Россия показала таким образом всему миру, что она покровительствует Черногории — именно этой балканской стране. Напомним, что по итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 годов три славянских государства на Балканах получили независимость и увеличение своих территорий.

Подорванный авторитет российской дипломатии и усилия австро-венгерской дипломатии способствовали отдалению от России Болгарии и Сербии, которые стали менять свой политический курс, более не прислушивались к российским советам. Чтобы не потерять влияние на Балканах, Россия устремила свое внимание на Черногорию. С этим и была связана активизация русско-черногорских отношений в этот период, что выразилось и в династи-

стом по фортификационным сооружениям. Здесь он проводил довольно много времени из-за слабого здоровья, в то время как Милица Николаевна часто путешествовала по Европе, посещая и свою малую родину.

Придворное окружение отмечало, что черногорки были близкими подругами императрицы Александры Федоровны. О том, как зародилась эта дружба, мы находим упоминание в мемуарах министра финансов С.Ю. Витте. По его словам, Милица

Раннее детство княжны провели на родине в семье родителей, а затем десятилетнюю Милицу и девятилетнюю Стану черногорский князь отправил получать образование в Петербург, в Смольный институт. Годом позже к ним присоединились и три другие сестры — Зорка, Елена и Мария, которая, к сожалению, скончалась на шестнадцатом году жизни, не выдержав холодного петербургского климата и трудных условий институтской жизни

ческих браках между двумя странами.

Брак Милицы и Петра оказался счастливым, в нем родилось трое детей: Марина, Роман и Надежда. Супруги имели в Крыму свое имение Дюльбер. Оно было построено в восточном стиле, тогда еще малоизвестным в России.

Эскизы сделал сам Петр Николаевич, он увлекался гражданской архитектурой, будучи по образованию военным инженером и специали-

и Стана «выбрали подходящий момент, чтобы втереться в доверие к императрице, когда она заболела какою-то желудочною болезнью. Они не отходили от нее, ухаживали за больной, устраняя горничных и сами добровольно принимая на себя эту неприятную в подобных болезнях обязанность. Так они вошли фавор императрицы и стали ее «первыми подругами».

Витте отмечает их влияние и на императора. Императорская чета ча-

сто бывала в компании Милицы и Станы, собираясь на чаепития, приезжая друг к другу в гости, устраивая спиритические сеансы. В одну из таких встреч черногорки и познакомили царскую чету с неким месье Филиппом, которого они специально выписали из Парижа.

Это произошло 26 марта 1901 года. Изначально услугами месье Филиппа пользовалась Анастасия, пытаясь спасти свой несчастливый брак с Георгием Максимилиановичем. На момент свадьбы герцогу было 38 лет, он был вдовцом, привык-

ные обязательства стали его тяготить, и он стал все чаще совершать поездки во Францию под предлогом поправления здоровья, но, как писал С.Ю. Витте, на самом деле герцог ездил к своей любовнице французенке.

Ярый защитник семейных ценностей, Александр III однажды не сдержался и довольно грубо высказался о поведении герцога Лейхтенбергского, находившегося в то время в Биаррице: *«А, и он там полоסקал свое поганое тело в волнах океана»*.

При дворе отмечали, что черногорки были близкими подругами императрицы Александры Федоровны. Имели они влияние и на императора. Императорская чета часто бывала в компании Милицы и Станы, собираясь на чаепития, приезжая друг к другу в гости, устраивая спиритические сеансы. В одну из таких встреч черногорки и познакомили царскую чету с одним спиритистом, неким месье Филиппом, которого специально выписали из Парижа

шим уже вести легкомысленный образ жизни. Но по указанию Александра III ему пришлось связать себя узами брака с молодой черногорской княжной. Первые два года супружеской жизни он был увлечен молодой и красивой женой-балканкой и отзывался о ней, по словам Петра Николаевича, «мило и сердечно, даже больше чем сердечно». Но вскоре жена ему наскучила, семей-

Однако после спиритических сеансов месье Филиппа в их семейной жизни наступило временное потепление. Но это длилось недолго. Вернуть мужа в семью Анастасии так и не удалось. На вопрос, любил ли он свою жену, герцог прямо отвечал: «Ни одного дня»!

А ведь все могло случиться иначе — тогда, в 1889 году, герцог Лейхтенбергский был не единственным

*Черногорские
княжны
Милица
Николаевна
и Стана
Николаевна
Петрович-Негош
(Романовы)*

кандидатом в мужа только что окончившей Смольный институт черногорской княжны. Вторым был великий князь Дмитрий Константинович, брат известного писателя великого князя Константина Константиновича (писал под псевдонимом КР).

Получив отказ черногорки, Дмитрий Константинович возненавидел всех женщин и так и остался холо-

стяком. Хотя брак Анастасии Николаевны и Георгия Лейхтенбергского был несчастливым, в нем родилось двое детей: Сергей, крестным которого стал престолонаследник Николай Александрович, и Елена. Часто бывая в доме своей сестры Милицы, Анастасия познакомилась там с великим князем Николаем Николаевичем. Взаимная симпатия переросла в сильные чувства.

Николаша (так великого князя называли в семье) звал Анастасию своим «ангелом». *«Она читала ему Флобера, пела французские романсы, играла по вечерам на гитаре. Великий князь всегда и всему восторгался и умилялся, порой до слез...»* Более того, великий князь даже порвал многолетнюю связь с актрисой Александринского театра Марией Потоцкой.

Анастасия Николаевна стала прилагать все усилия, чтобы расторгнуть свой брак с герцогом. В частых беседах с императрицей она плакалась на несчастливый брак,

разыгрывая «роль мученицы», и просила помочь с разводом. Поначалу Александра Федоровна не поддавалась на уговоры, но в результате сдалась. В 1907 году Анастасия Николаевна официально получила развод.

Событие, которое еще при Александре III было просто невозможным, вызвало ощущение вседозволенности среди других представителей дома Романовых и вызвало волну подобных прошений к Николаю II. Эту «моду на разводы», которая пошла после скандального бракоразводного процесса Анастасии и Георгия, французский посол в Петербурге Морис Палеолог назвал «общественной язвой».

Для заключения нового брака Анастасии и Николаю Николаевичу нужно было добиться разрешения Святейшего Синода, ведь по законам церкви два родных брата не могут жениться на родных сестрах. Но дружба с императорской четой дала о себе знать — влюбленные сумели обойти и «Учреждение об Императорской Фамилии», ведь императрица и император лично дали свое согласие и благословение.

Уже 13 апреля 1907 года Стана и Николаша уехали в Крым, где провели медовый месяц в южнобережном имении Анастасии Николаевны Чаир. Примечательно, что небольшой дворцово-парковый ансамбль Чаир, построенный в неогреческом стиле, был подарком великого кня-

Слева:

*Петр
Николаевич
Романов —
муж Милицы*

*Великая
княгиня
Милица
Николаевна
Романова*

зя Николая Николаевича, который он сделал Стане еще в 1902 году. Популярное тогда танго «В парке Чаир распускаются розы» было навеяно красотой великокняжеской коллекции роз, высаженных в парке и саду.

Именно благодаря постройке Дюльбера и Чаира и дружеским свя-

зям черногорок с императорской четой архитектор Краснов получил заказ от Николая II и там же, в Ливадии, построил последний императорский дворец, что принесло ему такие почести, как пожалование в архитекторы высочайшего двора, орден Святого Владимира 4-й степени, а через два года Петербургская академия ху-

*Великая княгиня
Анастасия
Николаевна
Романова
(Стана)*

Справа:
*Первый муж
Станы —
Георгий Макси-
милианович
герцог
Лейхтенбергский*

дожеств единогласно избрала Краснова своим академиком.

После смерти месье Филиппа появился Распутин. Уже 1 ноября 1905 года в дневнике императора появляется запись о знакомстве императорской четы с «человеком Божьим Григорием». Придворное окружение обвиняло Милицу и Анастасию в насаждении при дворе «фанатического мистицизма», спиритизма и прочего негативного влияния. Однако не стоит забывать формулу: «спрос рождает предложение». Существует даже

мнение, что Милица своей «религиозно мистической деятельностью» преследовала чисто коммерческую цель, которая заключалась в получении от Николая II «многочисленных и значительных сумм».

Действительно, «черногорка №1» (Милица) и «черногорка №2» (Стана), как их называл Витте, часто обращались по финансовым вопросам к Витте, Коковцову, Гирсу. Великие княгини «постоянно хлопотали о всяких денежных субсидиях своему княжескому родителю», черно-

горскому князю (а с 1910 года королю) Николе Петровичу-Негошу. Отметим, что Россия выплачивала Черногории ежегодные субсидии, в первую очередь на модернизацию черногорской армии (около миллиона рублей к началу Первой мировой), на содержание учебных заведений, на содержание черногорского Двора и лично Николе Петровичу.

Однако этих средств Черногории постоянно не хватало, и Никола часто ездил в Россию с просьбой уве-

После смерти месье Филиппа появился Распутин. В ноябре 1905 года в дневнике императора появляется запись о знакомстве императорской четы с «человеком Божьим Григорием». Придворное окружение обвиняло Милицу и Анастасию в насаждении при дворе «фанатического мистицизма» и прочего негативного влияния

личить субсидирование страны. Черногорки не только совершали визиты к министрам, но и организовывали аудиенции у императора для своего отца, передавали письма Николая черногорского Николаю II через Александру Федоровну.

Фактически обе великие княгини являлись неофициальными дипломатическими представителями Черногории в России. Они пытались вести политическую линию своего отца. Особенно в этом преуспела Милица. «Черногорка №1» писала тро-

гательные и милые письма своему другу, императору Николаю II, щедро снабжая их политическими идеями о будущем Черногории. Она постоянно упоминала о «вопросах важных в глазах своего отца», о «поручении отца», «желании отца».

При дворе, по свидетельствам современников, великие княгини часто пытались давать царю советы, «постоянно выдвигали политические предложения», их собственные дворы часто служили местом горячих политических споров. Черногорки

пристально следили за политической обстановкой на Балканах.

Дружба их с императорской четой была весьма сильна, а доверие Николая II и Александры Федоровны к ним почти безгранично. Они посвящали Милицу и Стану даже в самые личные, семейные дела, в которые, учитывая особую закрытость и узость семейного круга императора, посторонние люди не посвящались.

Считая «дорогую Милицу» неким проводником, посредником Бога, император разделял с ней радость рождения сына:

«Не хватает слов, чтобы достаточно благодарить Господа за Его великую милость. Пожалуйста, передай каким-нибудь образом нашу благодарность и радость.....Ему».

Однако теплая дружба с императорской четой неожиданно сменилась холодной озлобленностью. О причинах этого разлада в мемуарах современников не говорится прямо, часто их авторы сами этого не знали. Можно предположить, что черногорки, «первооткрыватели» Распутина, пытались влиять через него на мнение императора и таким образом проводить желаемую им политику. Распутин, по-видимому, отказался быть «орудием» в их руках, Милица и Стана начали мстительно злословить против него, а он — против них.

После разлада отношений с императорской четой, произошедшего приблизительно в 1908 году, великие княгини черногорки более не могли

пользоваться приоритетным правом встреч с императором и императрицей и с их помощью лоббировать черногорские интересы. Но это не отменяло общественную деятельность, которую великие княгини должны были вести в соответствии со своим статусом.

Как представительница дома Романовых, Милица вела переписку с вдовами, помогала им и советами, и оказывала материальную помощь, получала прошения от крестьян, поздравления от простого народа, состояла в Обществе русских ориенталистов. Помимо этого Милица Николаевна не забывала и о своей малой родине — Черногории. Здесь она действовала в образовательном направлении, поспособствовала открытию детского сада в столице княжества — городе Цетинье.

«Будучи всегда чуткой к нуждам и потребностям родного ей черногорского народа, Милица Николаевна выделила сумму денег на покупку "домика с садом" и приняла на себя все содержание этого заведения со включением жалования двум воспитательницам. Здесь детей учили пению, молитвам, чтению, стихам, ручному труду, садоводству и шитью».

Помимо этого великая княгиня выделила денежные средства на открытие в Цетинье питьевого источника. Первый стакан выпил сам черногорский князь со словами:

— За здоровье великой княгини Милицы!

*Второй муж
Станы —
Николай
Николаевич
Романов
(младший)*

Великая война, как тогда называли Первую мировую, началась для России с успешных военных действий и побед на фронте. На фоне стабилизации обстановки и затишья на Балканских фронтах Россия продумывала возможный раздел территорий на Балканах по планируемым итогам войны. Ввиду того, что Черногория не имела своего официального дипломатического представителя в России, его функции великая

княгиня Милица Николаевна в это время взяла на себя.

Именно она четко изложила императору в своем письме от 5 апреля 1915 года те границы, в которых, по ее мнению и мнению черногорского короля, должна находиться Черногория. Речь шла о Черногории в границах от Далмации до Албании, включающих части этих земель, также некоторые территории Боснии и Герцеговины. Тем самым буквально созда-

*Елена
Николаевна
Петрови-
ч-Негош —
королева
Италии*

валась «Великая Черногория» — заветная мечта черногорского короля.

Однако с 1915 года начались неудачи на фронте, русская армия терпела поражения, что отражалось на настроениях народных масс. На волне таких настроений Милица и Стана развернули в Киеве деятельность по увеличению популярности великого князя Николая Николаевича, верховного главнокомандующего. Так, народу раздавались портре-

ты великого князя перед Казанским собором во время чтения там молитв за русского императора.

«Благодаря такой обдуманной подготовке, популярность великого князя Николая Николаевича не упала после падения Галиции и Польши и снова возросла после кавказских побед...» Об этой активности черногорок писали многие современники, часто опасаясь ее последствий. Больше всех опасалась сама императри-

ца, которая полагала, что «черногорки» вынашивают план по возведению на российский престол Николая Николаевича и устранению ее в монастырь, о чем Александра Федоровна с ужасом писала императору.

Тогда, по настоянию Распутина, Николай II взял на себя верховное главнокомандование русской армией.

Роковая ошибка вследствие чрезмерной активности «черногорок».

енный министр Сухомлинов также усматривал их причастность к войне. Он считал, что они *«домогались такого влияния, может быть, подходящего в споре из-за похищенного стада баранов, но не для крупной политики государства, занимающего шестую часть земной поверхности и граничащего с двенадцатью другими государствами»*.

Тем не менее, великие княгини были весьма не глупы, они играли на

Дружба черногорок с императорской четой была весьма сильна, а доверие Николая II и Александры Федоровны к ним почти безгранично. Однако неожиданно эта теплая дружба сменилась холодной озлобленностью. О причинах разлада почти ничего не известно, но можно предположить, что черногорки пытались через Распутина влиять на мнение императора и таким образом проводить желаемую им политику. Распутин отказался быть «орудием» в их руках, и тогда Милица и Стана начали мстительно злословить против него, а он — против них

В чем только не обвиняли черногорских сестер! Александра Федоровна их обвиняла в заговоре против императора; министр финансов Витте — вообще во всем плохом, что случилось с Россией, особенно в проматывании средств русской казны и насаждении мистицизма, историк русской журналистики М.К. Лемке приписывал черногоркам роковую роль в развязывании Первой мировой войны, русский во-

настроении народа, в котором крепла ненависть ко всему немецкому, а это отражалось и на отношении к императрице.

Александра Федоровна писала императору: *«Я боюсь Милицы и ее лукавства...»*

Своими опасениями насчет реальности заговора делились и великие князья. Так, великий князь Николай Михайлович писал Николаю II, что действия великих княгинь чер-

ногорок по поднятию популярности Николая Николаевича «вовсе не идет на пользу престола или престижа императорской фамилии, а только к муссированию мужа великой княгини, славянки, а не немки, а равно как и его брата и племянника Романа. При возможности всяких смут после войны надо быть начеку и наблюдать зорко за всеми ходами для поддержания сей популярности».

Многие опасались, что весьма дерзкий и дальновидный план по возведению на российский трон великого князя Николая Николаевича мог удасться. Тогда престолонаследником становился бы сын Милицы Роман Петрович (напомним, внук черногорского короля Николы Петровича, племянник сербского короля Петра и двоюродный брат будущего короля Югославии Александра). Возможно, что именно возведение на российский престол Романа Романова и было целью этой продуманной деятельности черногорок в Киеве.

Так или иначе, волна революции не пощадила Романовых. С приходом к власти большевиков семьи Петра и Николая Николаевичей успели перебраться в Крым, откуда вместе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной в 1919 году на корабле «Мальборо» навсегда покинули Россию. Подобная же участь ждала и отца великих княгинь, короля Николу, который был вынужден покинуть родину и умер в изгнании. Такова была судьба второго и последне-

го светского правителя Черногории, ее единственного короля, ярко отражавшая трагедию падения монархического режима и судьбу его представителей.

Поначалу Милица и Анастасия с мужьями и всеми детьми жили в Италии, в гостях у своей сестры, итальянской королевы Елены. В 1922 году они переехали во Францию. Николай Николаевич по многочисленным просьбам русской эмиграции принял на себя звание председателя «Зарубежного союза русских военных инвалидов» и до самой своей смерти в 1929 году претендовал на российский престол.

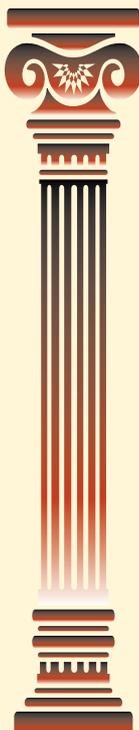
В 1931 году не стало великого князя Петра Николаевича, а в 1935-м скончалась и великая княгиня Анастасия Николаевна. Милица с детьми переехала к сестре, королеве Елене, в Италию, а после свержения монархического режима и там вместе с ней бежала в Египет, где и скончалась в 1951 году.

Отличительной чертой черногорских женщин всегда являлось умение в любой ситуации вести себя достойно. Что же касается остального, сколько черногорок — столько и характеров. Но не случайно Черногория оказалась единственной балканской (славянской!) страной, независимой от Османской империи, а десять лет назад получила, наконец, вожделенную независимость.

Но это уже другая история. □

Ирина Опимах

ПАРМИДЖАНИНО

*Два портрета,
а между ними — жизнь*

Мы знаем два автопортрета этого художника. Один был написан в 20 лет, и на нем он молод, свеж, красив, как ангел. А второй — в 37, перед самой его смертью. 37... Роковая цифра для многих гениев, а Франческо Маццолла из Пармы, прозванный Пармиджанино, «маленьким пармцем», был настоящим гением. Ведь только гениям удается создавать свой мир, быть Демиургом, Творцом, а у него это получилось, причем великолепно. В этом его мире живут прекрасные женщины с невероятно длинными шеями и большими глазами, чудесные животные, смотрящие на нас как-то очень по-человечьи; сильные и благородные мускулистые мужчины, а еще — удивительные белые лошади, похожие на жирафов...

В 1523 году Папой Римским стал Джулио Медичи, племянник Лоренцо Великолепного и сын Джулиано Медичи, коварно убитого 26 апреля 1478 года могущественными врагами Медичи, членами клана Пацци в главном храме Флоренции Санта Мария дель Фьоре. Климент VII — так теперь звали Джулио Медичи — был истинным флорентинцем и истинным Медичи. Он, как и его дядя Лоренцо, чувствовал искусство и ценил настоящих мастеров. Вот почему после его воцарения на святом престоле в Рим устремились художники со всей Италии в надежде найти достойные заказы и достойное вознаграждение. Приехал в Рим и юный пармец Франческо Маццола — ему тогда было всего 20 лет, сопровождали его два дяди — художники Микеле и Пьетро Иларио Маццони. Они помогали юноше, учили его всему, что умели сами, ведь у мальчика отца не было, он осиротел в два года. Дядья-художники рано распознали в племяннике талант и приобщили его к живописи — показывали, как смешивать краски, как работать кистью, как добиваться нужного оттенка, и Франческо впитывал их науку с огромным интересом, проводя в мастерской все свободное время. Он достиг больших успехов — уже в 20 лет ему поручали самостоятельные, причем крупные работы, к примеру, росписи в церкви Сан-Джованни Евангелиста. Писал он и неплохие портреты, пользовавшиеся популярностью у пармцев. Но разве жизнь в тихой

Парме могла сравниться с тем, что происходило в Риме? К тому же здесь работали лучшие мастера тогдашней Италии, к примеру, Рафаэль и Микеланджело, и увидеть их работы для молодого художника было очень важно — лучше всякой школы! Вот почему дяди повезли Франческо в Рим.

В столицу Франческо приехал не с пустыми руками — он вез подарок самому Папе! Это были четыре его работы, причем одна из них — автопортрет. Все четыре картины Клименту чрезвычайно понравились, но особенно — этот самый автопортрет. Да и как было не восхититься сей удивительной картиной! Пармиджанино (так теперь стали называть Франческо) изобразил свое отражение в сферическом зеркале. Как же ему это удалось? Он заказал деревянный шар размером зеркала, затем распил его на две полусферы и на выпуклых поверхностях «с большим искусством воспроизвел все, что увидел в зеркале» (Вазари). Понятно, что при этом он нарушил естественные пропорции, и его изящная рука на первом плане кажется огромной по сравнению с головой, а стена с окном словно падает на героя картины. Можно представить, какое впечатление произвело это полотно на тогдашних ценителей искусства! Папа-Медичи, обожавший всякие необычные вещи, пришел в восторг, принял все дары от талантливого пармца, а потом преподнес его автопортрет известному всем в Риме поэту и насмешнику, приятелю

*Франческо
Маццола
(Пармиджанино).
Автопортрет
в выпуклом зеркале*

Тициана Пьетро Аретино — уж тот-то мог по достоинству оценить мастерство юного художника! (Картина хранилась у Аретино до самой его смерти, он очень дорожил этим подарком Папы.)

А между тем Климент увидел в Пармиджанино нового Рафаэля и поручил ему расписывать Зал понтификов в Ватиканском дворце — большая честь и знак настоящего признания таланта юного художника.

Впереди у Франческо было всего 17 лет жизни, но за эти годы он успел сделать очень много. Почти каждая его картина становилась шедевром.

И в каждой была какая-то загадка, тайна, какое-то послание потомкам, которое искусствоведы разгадывают до сих пор.

Вот, к примеру, «Видение святого Иеронима» — Иоанн Креститель смотрит на нас, а рука его указывает на Мадонну с младенцем — она прекрасна и вполне реалистична, да и сам младенец тоже совсем не похож на святого — обычный живой мальчик. Только вот все пропорции в этой картине нарушены, и Мадонна с младенцем написаны не так, как это следовало бы по правилам. Они — видение, они возникают во

*«Обращение
Савла (святого
Павла)»*

Справа:
*«Видение
святого
Иеронима»*

сне Иеронима, они не подчиняются земным законам...

Вся картина удивительно красива — и по цвету, и по композиции, недаром Вазари рассказывает о ней замечательную историю (возможно, это легенда, а может, и нет, и искусство действительно способно творить чудеса и трогать души даже

самых грубых, неотесанных солдат (фон). Итак, в 1527 году, когда войска Карла V вторглись в Вечный город и подвергли его страшному разбою, в мастерскую Пармиджанино ворвались императорские ландскнехты. Художник тогда как раз заканчивал работу над картиной и, увлеченный, даже не замечал ужаса, тво-

рившегося на улицах Рима. Увидев картину, солдаты замерли в восхищении, а когда Франческо подарил им пару своих рисунков, покинули мастерскую, не причинив никакого вреда ни художнику, ни его творениям.

А вот еще одна странная картина Пармиджанино — «Обращение святого Павла». Эту картину художник написал в Болонье, куда все-таки решил уехать из беспокойного Рима. Т.К. Кустодиева, известный российский специалист по искусству Возрождения, утверждает, что «в истории европейской живописи нет более странной, изысканной и экстравагантной картины на этот мистический сюжет», хотя его с успехом использовали в своем творчестве многие художники. Итак, Савл, ярый преследователь христиан, отправляется в Дамаск, дабы уничтожить последователей этого вредоносного учения. А потом Савл ослеп, но обрел способность видеть после крещения, уверовав в Христа. Так он превратился в Павла и верного последователя Спасителя. Эта картина, написанная по заказу для д'Альбио, болонского врача, лечившего художника, считалась шедевром уже при жизни художника. О ней пишет Вазари, о ней говорит и Пьетро Ламо в книге, изданной в 1560 году и посвященной искусству и архитектуре Болоньи. У этой картины Пармиджанино непростая судьба. Поначалу, по свидетельству Ламо, она хранилась в доме доктора мессира Джан Андреа д'Альбио, а затем попала в коллекцию Помпео Леони,

скульптора, медальера, собирателя, жившего в Мадриде. «Доска с упавшим навзничь святым Павлом, который смотрит на небо, подняв левую руку, а другая — на земле; с прыгающим жирафом или лошадей и с пейзажем; в золоченой раме; руки Пармиджанино, 120 дукатов», — так описал коллекционер картину в ин-

вентаре своих сокровищ. В конце XIX века это полотно оказалось в венском Музее истории искусства, где его долгие годы приписывали кисти Никколло делль Абате. Только в 1950 году картина была атрибутирована как работа Пармиджанино и реставрирована, после чего посетители музея смогли увидеть потрясающую, яркую живопись. Главная фигура здесь — конь-жираф, зверь из сказки, прекрасный, сильный, неудержимый. А Савл лежит на земле в состоянии экстаза — только что он почувствовал присутствие Господа, увидел волшебный золотой свет, разрывающий облака. Видит его и зритель, а еще он видит розовую тунику Савла, серо-голубые тона на бедре коня, золото меча, вы-

павшего из рук. И яркий пейзаж с синими горами на заднем плане... Перед нами — чудо: язычник Савл превращается в апостола Павла. Но и сама картина — настоящее чудо: она наполнена глубоким смыслом духовного перерождения и, ко всему прочему, невероятно красива!

Есть в творчестве Пармиджанино еще одна загадка — тайна женского портрета, получившего название «Антея».

Кто эта очаровательная девушка, словно закованная в свои роскошные, тяжелые одежды, до сих пор не знает никто. В XVII веке говорили, что на картине — римская куртизанка по имени Антея, и Пармиджанино был в нее страстно влюблен. А может быть, художник просто создал на полотне идеальный женский образ, мечту настоящего мужчины...

Некоторые современные искусствоведы полагают, что на портрете — Оттавия Камилла Байарди, племянница одного из пармских покровителей Пармиджанино. О ней известно, что в 14 лет ее выдали замуж за кузена, графа Манфрино Беккария. И ее богатое одеяние — свадебные одежды: и этот передник, украшенный жемчугом, и рубиновое кольцо, и мех куницы. Но, похоже, счастливой себя эта девушка, кем бы она ни была, не чувствовала...

В Болонье Пармиджанино занимался не только живописью — его вдруг увлекла гравюра. Но в граверном деле необходим помощник, и он нанимает молодого способного мастера Антонио из Тренто. Тот, увы,

Слева:
«Антея»

«Паллада
Афинская»

оказался не совсем чистым на руку. Да и соблазн был настолько велик, что устоять было трудно. Уж очень Антонио захотелось, чтобы Пармиджанино хоть немного «поделился» с ним своими богатствами, ведь, по местным меркам, художник был далеко не бедным, заказчики платили ему вполне достойные деньги. И вот однажды, когда Пармиджанино крепко заснул после трудов праведных, Антонио, прихватив рисунки и гравю-

ры, бежал из города. К счастью, гравюры вскоре нашлись — видно, Антонио не отличался умом и осторожностью, а потому оставил их у своих болонских приятелей. Однако после этой истории Франческо как-то потерял интерес к прежнему увлечению и снова, взяв в руки краски и кисти, вернулся к живописи.

В 1531 году Пармиджанино решил вернуться в свою родную Парму. Он уже совсем не тот юный начинаю-

щий художник, каким когда-то в сопровождении своих дядьев отправился в Рим. Его хорошо знают в Италии, у него много заказчиков, неплохое состояние и репутация блестящего мастера. В 1535 году он приступил к работе над самым значительным и знаменитым полотном — «Мадонна с длинной шеей». (Картина поразительной красоты, глядя на которую, словно слышишь тонкую, щемящую, кристально чистую и совершенную мелодию. Вспомните о ней, когда будете смотреть на красавиц Модильяни).

Но вдруг что-то произошло в его жизни — искусство отходит на второй план, а главным для него становятся занятия — алхимией!

Почему-то его идеей фикс стала заморозка ртути. Он был уверен, что,

заморозив ртуть, тут же разбогатеет, обретет счастье. Франческо тратил почти все свои сбережения на покупку необходимого оборудования — разнообразных колб, горелок, горнов и тому подобного, в результате у него получилась одна из лучших лабораторий того времени. Работа над росписями была забыта — он полностью отдавал себя, свое время и свои силы алхимическим опытам. «Забив себе голову этим, а не думами о прекрасных вымыслах и не мыслями о кистях или красках, он проводил весь день в хлопотах об угле, дровах, стеклянных колбах и тому подобной чепухе, на которую в один день тратил больше, чем зарабатывал в капелле Стеккаты за неделю. А так как других доходов у него не было, а жить было нужно, он постепенно и разорился с этими своими горнами», — рассказывает Вазари.

Возмущенные священники подали в суд за срыв сроков работы, и Франческо грозили большие неприятности вплоть до тюрьмы. Его действительно посадили, к счастью, ненадолго, после чего он покинул Парму и перебрался в городок Казальмаджоре. (Это версия Кустодиевой. А по версии Вазари, «члены сообщества Стеккаты, видя, что он совершенно забросил работу, а они, как полагаются, случайно ему переплатили, возбуждали против него тяжбу. И он, сочтя за лучшее удалиться, однажды ночью бежал в Казальмаджоре...»)

Ему нужны были деньги, и он написал несколько картин, однако жи-

Слева:
«Мадонна
с младенцем»

«Мадонна
с длинной шеей»

вопись ненадолго завладела им — его мысли и мечты все так же были связаны с алхимией.

«В конце концов, Франческо, все еще увлекаясь этой своей алхимией, превратился, как и все другие, однажды на ней помешавшиеся, из человека изящного и приятного в бородатого, с волосами длинными и

всклокоченными, опустил и стал нелюдимым и мрачным, на него напала тяжелая горячка», — рассказывает Вазари.

Вот тогда Пармиджанино и написал последний в своей жизни автопортрет, а может, и вообще последнюю свою работу. (Парма, Национальная галерея). Странная шляпа

в красных тонах, спутанная борода, взгляд в пустоту... Как же не похож этот человек на ангелоподного юношу с портрета, который когда-то так понравился Клименту VII, на красавца, не так давно восхищавшего общество своими обходительными манерами и чудесной игрой на лютне!

Занятия ртутью не проходят даром никому. Франческо потерял аппетит, страдал бессонницей. Появились боли во всем теле... 24 августа 1540 года живописца не стало. По его желанию, похоронили его в базилике Ла Фонтана близ Казальмаджоре.

Возможно, ртуть не только подточила здоровье Франческо, но и свела его с ума — Пармиджанино завещал положить себя в гроб обнаженным, но с архипастырским крестом на груди.

Он прожил совсем недолго, но сумел сделать очень много и, как говорит выдающийся американский историк искусств и художественный критик Бернард Беренсон, стал одним из самых «действительно ренессансных художников Северной Италии». «...Он обладал непреодолимой склонностью к элегантности, — пишет Беренсон, — но эту элегантность Пармиджанино выражал с такой искренностью и пылом, что создал свой подлинный... стиль утонченной грации и хрупкой изысканности».

Сегодня искусство Пармиджанино нисколько не потеряло своего значения — его картины также прекрасны и также заставляют посетителей музеев надолго останавли-

ваться перед полотнами «маленького пармца».

Известно, что мастера фейков, подделок занимаются только настоящими гениями — обычные ремесленники мало кого интересуют, и только на гениях можно сделать хорошие деньги. Подделывают и Пармиджанино — и это еще одно своеобразное доказательство того, что его творчество действительно относится к величайшим достижениям мировой живописи. Так, совсем недавно все газеты писали о громком деле, в котором был замешан французский арт-дилер Джулиано Руффини, чье имя уже звучало ранее в связи с подделками старых мастеров.

Итак, в январе 2012 года некий коллекционер по имени Лионель де Сен Донат-Пурьер выставил на продажу полотно «Святой Иероним» кисти Пармиджанино, приобретенное у Джулиано Руффини. Вскоре картина была продана на аукционе Sotheby's в Нью-Йорке за вполне достойную цену — 842 500 долларов. Четыре года картина не вызывала никаких подозрений и с большим успехом демонстрировалась в нью-йоркском Метрополитен-музее и в венском Музее истории искусств — естественно как оригинал. Однако в 2015 году покупатель вернул картину — эксперт компании OrionAnalytical Джеймс Мартин, изучая полотно, нашел в более чем 20 местах современный синтетический зеленый краситель фталоцианин. Sotheby's попросил Пурьера вернуть полученные

*Гравюра
«Любовная пара»*

деньги, однако тот потребовал повторную экспертизу. И она была проведена — теперь уже итальянским экспертом Маурицио Серачини, и тот в свою очередь обнаружил под красочным слоем синтетическую смолу, полученную химиками после 1930 года. Заключение Серачини было таково: картина — фальшивка, написанная на доске XVI века; прежняя, старая картина была со-

скоблена или стерта, и поверх нее написан лже-пармиджанино.

А настоящие картины «маленького пармца» Франческо Маццоли сегодня украшают собрания самых лучших музеев мира. Великого итальянца не забывают, его творчество по-прежнему живо и является предметом самых разных исследований — и историков искусства, и специалистов по подделкам. □

Дмитрий Марин

*«Я — артист и должен многому
и постоянно учиться»*

Дмитрий Марин — молодой, талантливый, обладающий яркой индивидуальностью артист академического Малого театра России. Сегодня зрители могут увидеть его в прекрасных спектаклях знаменитого театра: «Молодость Людовика XIV» — автор А. Дюма-отец, постановка Юрия Соломина, в пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор» в роли Хлестакова, надолго запоминается его Аполлон Мурзавецкий в «Волках и овцах» А.Н. Островского. А еще Дмитрий снимается в кино и на телевидении. Он играл в фильмах «Легенда о Кощее» и «Папа», в телесериалах «Любовь моя», «Аннушка», «Грач», «Участковый», «Универ», «Страж закона», «Филфак», «Чужие крылья», «Тайны Института благородных девиц» и других.

— Дмитрий, наверное, артистом вы хотели стать еще в детстве?

— С раннего возраста мне нравилось посещать кружок кукольного театра, я учился с удовольствием в театрално-хоровом классе общеобразовательной школы. Занимался в нашем псковском детском муниципальном театре «Бенефис», в спектакле «Ромео и Джульетта» играл Меркуцио, а в постановке «Трамвай «Желание» у меня была роль Стива. С «Бенефисом» мы ездили по всей России на театральные фестивали. Этот детский театр известен в России и в зарубежье, лауреат конкурсов и фестивалей, в 2015 году коллективу исполнилось двадцать лет. О поездке в Москву в детстве я даже и не мечтал, потому что в девя-

ностые годы моей семье это было недоступно.

По окончании школы, после участия в фестивале молодых театров в Щелыково, я отправился в Москву поступать в театральный вуз и, если можно так выразиться, «пролетел» мимо школы-студии МХТ, Щукинского училища, а вот в Щепкинское театральное училище удалось поступить, и я был счастлив. Учился на курсе В.М. Бейлиса и В.Н. Иванова, за годы учебы играл в студенческих спектаклях: «Гроза», «Чудная ночь», «Старший сын».

— По окончании училища в 2005 году вы были приняты в легендарную труппу Малого театра... Сегодня вас можно увидеть в спектаклях: «Ревизор» — вы

играете Хлестакова, «Молодость Людовика XIV» — у вас роль Мольера, «Вишневый сад» — Епиходов, «Горе от ума» — господин Н, «Правда хорошо, а счастье лучше» — Мухоморов, «Король Лир» — Эдгар, «Волки и овцы» — Мурзавецкий... А вы помните свои первые роли на сцене Малого театра?

— Я начинал играть со второго состава, с массовки, а первая большая роль — это Карандышев в спектакле «Бесприданница». Каждый выход на сцену, в любой роли — всегда для меня большая ответственность.

— Юрий Мефодьевич Соломин — строгий художественный руководитель?

— Юрий Мефодьевич — великий артист, прекрасный режиссер, личность, могу сказать о нем только хорошие слова. Он всегда ясно и четко объясняет актерские задачи, причем умеет делать это лаконично — буквально двумя словами.

— Какую роль вам хотелось бы сыграть?

— Мне всегда хотелось сыграть князя Мышкина... Ричарда Третьего...

— В спектакле «Село Степанчиково и его обитатели», по Федору Михайловичу Достоевскому, вы сыграли роль Видоплясова. Этот персонаж, как писала пресса: «стал одной из заметных удач спектакля»...

— Это постановка талантливого режиссера Антона Яковлева, роль Видоплясова режиссеры всегда считают маловажной и иногда «вырезают». Антон оставил в спектакле этот персонаж, и в результате получился очень интересный образ. Для каждой роли можно придумать что-то особенное, то, что еще никто не сделал, в рамках классики, конечно. Я многому у Антона научился.

— Кто ваш учитель в профессии?

— Встретится интересный человек — он и учитель. Первый учитель — это Елена Григорьевна Шишло — режиссер театра «Бенефис»...

В Щепкинском училище — Солнцева Римма Гавриловна, Дмитриева

Евгения Олеговна, художественные руководители: Владимир Михайлович Бейлис, Виталий Николаевич Иванов.

Я — артист, и должен многому и постоянно учиться, актеру всегда нужно быть в тренинге. Летом у нас в театре большой перерыв — два месяца, и меня всегда тянет работать.

— В кино с кем хотелось бы поработать?

— С Юрием Быковым, в авторском кино. Он мастер своего дела — режиссер, артист, продюсер, композитор. Сейчас время сериалов, но хотелось бы сняться в настоящем художественном кино.

— Ваша жена — актриса Малого театра Полина Долинская, дочь замечательного актера Владимира Долинского, вы выходите вместе на сцену?

— С Полей не могу вместе играть в спектакле, не понимаю почему, но я начинаю нервничать на сцене, как первокурсник, когда мы рядом на сцене. Мы с ней познакомились еще в Щепкинском училище, тогда я выпускался, а она только поступила, потом встретились уже в Малом театре, начали встречаться...

— Вы считаете театр своим домом?

— Театр — есть театр, это моя работа, это творческая лаборатория, а дом — это дом. Мы так с женой для себя обозначили. Когда приходим домой, нас обязательно встречает и приветствует наша любимица — кошка Ева.

— Дмитрий, правда ли, что вы умеете хорошо готовить?

— Не столько умею, сколько очень люблю! Особенно на даче, не так давно, например, научился готовить в тандыре курицу, говядину, баранину, мясо получается сочное, с хрустящей корочкой.

Вообще на даче я все делаю с удовольствием! Раньше я удивлялся, почему садоводы так восторгаются своими кустарниками и цветочками, а теперь я их понимаю. Мы с Полей перекопали весь участок, работали до седьмого пота, до боли в спине, и до захода солнца, но зато, когда видишь результат, то понимаешь, к чему все эти муки! Каждый куст для нас — это рождение шедевра. Я думаю, что очень важно, когда ты посадил дерево или растение, и уважаю людей, которые работают с землей, сажают цветы, создают красоту своими руками!

— Какие качества в людях вам не нравятся?

— Чрезмерное самолюбие, самолюбленность, я очень не люблю, когда люди красуются, может быть, они и хорошие по своей сути, но я

не понимаю чрезмерное увлечение селфи в Интернете, мне кажется, что надо к себе проще относиться...

— Что пожелаете зрителям, которые отправляются в театр?

— Проявлять уважение к театру. Я не говорю, что надо богато одеваться — нет, но не нужно приходиться в театр в шортах и модных «рваных» джинсах... Всему свое место и предназначение.

Очень мешают артистам включенные мобильные телефоны. Играем сцену, подводим мысль, должны сейчас донести ее до тысячи человек, сидящих в зале, и тут... звонит телефон... Режиссер и актеры работают над ролями, шьются костюмы, придумываются декорации, много служб задействовано — кассиры, администрация, все создается для зрителей, которые приходят в театр, чтобы увидеть спектакль, и вдруг в тишине зала раздается телефонный звонок! И этот один звонок способен разрушить атмосферу спектакля...

— А вы любите путешествовать?

— Обожаем! На машине в прошлом году объездили, можно сказать, пол-Европы: всю Испанию, Португалию, Австрию, Италию... У меня есть мечта — собрать экспедицию и на машинах проехать по всей нашей стране! Это было бы так увлекательно! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Ставки сделаны, ставок больше нет

*Боги жаждут новых развлечений.
Берегитесь, люди: боги жаждут!*

Владлен Бахнов

1

Нью-Йорк. Демонстрационный павильон корпорации «SA»

На стоянке у входа в футуристический павильон, архитектурные формы которого намекали на структуру атомного ядра, затормозила уважаемая черная машина. К ней сразу подошел высокий белокурый человек лет тридцати в строгом деловом костюме. Внешностью и манерами он больше напоминал гида на промышленной выставке, чем инженера солидной фирмы.

— Мистер Джулиан Стил? — обратился он к прибывшему в черном автомобиле.

— Совершенно верно. А вы мистер Николас Клейтон?

— К вашим услугам, сэр. Приветствую вас от имени руководства корпорации «Staying Alive» («Оставаясь в живых» — англ.)

Клейтон провел мистера Стила к стеклянным дверям, украшенным огромным сияющим логотипом с переплетенными буквами SA. Створки гостеприимно распахнулись, и они вошли в обширный зал под высоким сводчатым потолком. По обеим сторонам над вычурными постаментами парили голографические образцы продукции, представленные в различных масштабах изнутри и снаружи.

— Итак, мистер Стил, — заговорил мистер Клейтон приятным баритоном с располагающими интонациями, — вас интересуют противоатомные убежища. Да-да, понимаю, что ж поделаешь! Увы, мир становится все более беспокойным. Еще не так давно ядерным оружием располагали только две сверхдержавы, и ни одной из них не было выгодно развязывать войну, в которой и самим уцелеть невозможно. Иное дело теперь, когда это оружие находится в распоряжении многих стран, причем порой руководимых не слишком ответственными правительствами... Э, да что там правительства! Атомная бомба — не такая хитрая штука, как некоторые думают. Того и гляди, в Интернете начнут продавать расщепляющиеся материалы с подробными инструкциями, как соорудить ядерный боезаряд у себя на кухне за пару часов. Кто гарантирует, что это оружие не попадет в руки террористов, а то и вовсе каких-нибудь маньяков... Никто не гарантирует. Бабах! И пошло-поехало! Кто там станет разбираться, кем нанесен первый удар? Надо быть готовым к любой перспективе, дорогой мистер Стил, надо... И мы рады, что предусмотрительные люди в Америке и за ее пределами заботятся о собственной безопасности и о безопасности своих семей. Наша корпорация предоставляет широкие возможности. Не угодно ли начать осмотр?

— Я для того и приехал, — кивнул Джулиан Стил.

— Ну что же, начнем с простого. Перед вами изображение пластикового модуля «Кэнофф», восемь метров в длину и два в высоту. Перевозится в разобранном виде на любом грузовике, полностью монтируется за четыре часа.

— Пластик? — удивился Стил.

— Сверхпрочный пластик, разработанный нашей корпорацией, — уточнил Клейтон. — Такое убежище, заглубленное в грунт метров на двадцать, уберет вас от большинства поражающих факторов ядерного взрыва. Если, конечно, не рванет прямо над ним... Девять тысяч восемьсот долларов со скидкой и бесплатной доставкой.

— А какие еще модули есть? — спросил Стил.

— Вот более серьезная модель, для людей среднего достатка. Бункер из железобетона. Конечно, не обычного, армированного специальными мощными стальными каркасами. Перекрытия способны противостоять землетрясению до восьми баллов по шкале Рихтера или ударной волне относительно близкого ядерного взрыва. Сверху идут слои гидроизоляции и защитных материалов. Встроенные медные сети превращают изделие в подобие клетки Фарадея, поглощающей электромагнитный импульс. Покрытие стен радикально нейтрализует гамма-излучение. Двадцать четыре тысячи, но монтаж вам придется оплатить отдельно.

— Можно посмотреть и другие?

— Я так и думал, дорогой мистер Стил, я так и думал. Вы — особый клиент, и вас, безусловно, заинтересуют особые предложения. Прошу сюда. Вот «Дип Дайвер». Это настоящий подземный дом, где вы сможете прожить, с комфортом и ни в чем не нуждаясь, целый год и даже больше, пока там, наверху, все не успокоится. Системы энергопитания и регенерации воздуха и воды полностью автономны. Для выхода на поверхность служат два шлюза со стальными люками, массой в одиннадцать тонн каждый. Помимо лифтов, которые ведь могут и отказать, предусмотрены лестницы. Четыре этажа, общая площадь — 878 квадратных метров. Имеются отсеки для дезактивации. Специальным образом устроенные зеркала создают эффект расширения пространства. За виртуальными окнами вы сможете увидеть любой пейзаж по вашему желанию. Управление осуществляется из компьютерного центра на втором этаже — вот он, я сейчас сделаю покрупнее. Камеры наружного наблюдения, приборы для измерения уровня радиации, коротковолновое радио, сканеры полицейской волны и прочее по нашим каталогам. Базовая стоимость проекта — семьсот тысяч долларов. Готовность под ключ через десять месяцев, но, с учетом ваших дополнительных пожеланий, может быть и несколько дольше.

— Мне нравится, — пробормотал Стил, всматриваясь в медленно кружащуюся голограмму.

— Если угодно, могу предложить эксклюзивный проект. Мы выкупили у министерства обороны списанную ракетную базу Деймон в горах Шердэн. Оборудуем там подземную крепость. Полторы тысячи квадратных метров, укрепленный периметр на случай вторжения на территорию, двадцатитонные двери шлюзов. Около двух миллионов долларов, но...

— Благодарю, — решительно проговорил Джулиан. — Я сделал выбор, «Дайвер» меня устраивает. Завтра у вас будет мой юрист для обсуждения подробностей и заключения контракта. Но так как мы пришли к соглашению, могут ли ваши специалисты прибыть на мое ранчо уже сегодня, чтобы начать промеры для подготовительных работ?

— Разумеется, мистер Стил, — широко улыбнулся Клейтон.

2

Ранчо Стил. Год спустя

Роскошный лифт, отделанный полированным деревом, доставил семью Стил на второй этаж бункера, расположенного в ста двадцати метрах под

землей. Помимо самого мистера Джулиана Стила, гордого владельца неприступного сооружения, на лифте прибыли пятеро. Дети Джулиана — двадцатидвухлетняя Барбара и двадцатичетырехлетний Стивен, новоиспеченный муж Барбары красавчик Майлз, жена Стивена Дженнифер и брат Джулиана, Роберт.

— Прошу, — торжественно провозгласил Джулиан, распахивая дверь центра управления. — Отныне и навек мы в полной безопасности! Что бы ни творили эти безумцы там, наверху...

— Отец, — с легким удивлением разглядывая экраны, произнес Стивен, — а тебе не кажется, что ты напрасно истратил столько денег? Была бы жива мама, она бы точно нашла деньгам лучшее применение. Не такие уж они все безумцы. Есть же люди, которые позаботятся о том, чтобы ничего не случилось...

— И кто эти люди? — фыркнул Джулиан. — ЦРУ, АНБ, Белый дом? Они, каждый по-своему, заняты только и исключительно тем, чтобы не слететь с высоких постов, а там — хоть трава не расти... Ну и пусть заботятся о себе, а уж мы как-нибудь сами о себе позаботимся... — Он уселся в кресло перед главным пультом. — Теперь я вам покажу, как все это работает... Начнем с наружных камер. Вот, посмотрим отсюда на наше ранчо...

Экраны высветили красивый деревянный дом, при взгляде на который сразу вспоминались буколические поместья из фильма «Унесенные ветром». Садовник подстригал розы в парке, белоснежная беседка у истоков хрустального ручья звала к романтическим свиданиям. При виде этой мирной картины, так хорошо знакомой присутствующим, но впервые явившейся им на экранах с разных сторон, все невольно заулыбались.

— А сейчас, — продолжал Джулиан, — переключаю... Стоп, что такое?

Свет на мгновение погас и тут же зажегся. Экраны полыхнули красным. Когда изображение появилось снова, вместо садовника показался обугленный труп среди догорающих ветвей, а развалины дома, сметенного страшным ударом, полыхали как адский костер.

— Что это... — побледнев, прошептал Джулиан и включил коротковолновый приемник.

В комнату ворвалось разноязыкое тревожное бормотание тысяч голосов. «Атомный удар по Соединенным Штатам Америки... Мы не понимаем, что происходит... Всем, кто меня слышит, это Си-Кью, ответьте же кто-нибудь... Роки Маунтин, Шайенн, база Эндрюс, отвечайте... Война... Президент погиб... Слушайте обращение государственного секретаря на волне...» И вдруг — все стихло.

— Что это такое? — Джулиан понапрасну вертел ручку приемника. — Господи... Неужели...

— Да нет, — спокойно сказал Роберт, невозмутимый как всегда. — Это вроде учебной тревоги. Привет от твоих «Staying Alive». Просто решили показать, что и в таком случае нам ничто не угрожает. Включи полицейскую волну и убедишься, что мир по-прежнему существует, как ни в чем ни бывало.

Джулиан Стил нажал несколько клавиш. Снова послышалось многоголосье. «Чарли один, я Чарли два, отвечайте... Роджер, слышу вас хорошо... Я к востоку от Пятой Авеню... Там почти ничего не осталось... Двенадцатый, где вы, где вы... Направляю машины на Пайнкрест-Драйв... Бруклин в огне... Эмпайр Стейтс Билдинг нет... Госпиталь на Серенити-Холл, принимайте... Патруль, мы видим огни в небе... Господи, спаси нас...»

И вновь молчание, только пламя и разрушение на экранах.

— Нет, — медленно проговорил Джулиан, поднимаясь с кресла. — Это не учебная тревога и не привет от корпорации, Роберт. Это война. И может быть, мы одни из немногих уцелевших.

3

Аудиодневник Стивена Стила. Еще полгода спустя

«... Вот уже шесть месяцев, как мы живем в этом подземном ужасе. Счетчики радиации показывают запредельные цифры. Нет никакой надежды подняться на поверхность, даже в защитных костюмах. Да и зачем туда подниматься? Там больше ничего нет. Некоторые камеры по-прежнему работают и по-прежнему не показывают ничего, кроме выжженной пустыни. Никто не спешит на помощь... Наверное, потому, что некому спешить. Отец продолжает обшаривать эфир на коротких волнах. Молчание. Однажды мы поймали короткий обрывок передачи из Новой Зеландии. Ничего вразумительного, просто несколько слов о всеобщем бедствии... Неужели и до них докатилось? Мы все на пределе. Вчера я заметил, что у Майлза кое-как забинтована рука. А на стене в ванной я увидел выведенные кровью три шестерки... Число Зверя. Я уверен, что Майлз разорвал себе руку, чтобы написать эти цифры кровью... Дженнифер и Барбара почти не спят. Мы даем им снотворное, но это мало помогает. Роберт не разговаривает ни с кем, что-то пишет на клочках разорванных им же книг... Я подобрал один из оброненных им листков. Что-то неясное о всадниках Апокалипсиса...

Еще через неделю

«...Никто из нас и приблизительно не представляет, какое сегодня число. Никто не смотрит в календарь. наших припасов хватит еще надолго, но надолго ли хватит нас? Вчера Роберт попытался покончить с собой. Ввел себе огромную дозу транквилизатора, мы с отцом едва его откачали. Но сколько это может продолжаться?»

И еще через неделю

«...Дженнифер бросилась на Барбару с ножом. Глубокие порезы, но, кажется, ничего серьезного. Майлз ушел и заперся у себя. Когда мы взломали дверь, он лежал на столе с рассеченными венами. Отец насмешливо объяснил ему, что, если он хочет умереть, вены нужно резать в ванне, иначе кровь свернется. Я так больше не могу! Разрезать вены или отравиться у меня не хватит мужества. Я открываю шлюз. Люки задраю за собой, чтобы остальным не угрожала лучевая болезнь и эта ядовитая дрянь, в которую превратился воздух снаружи. Простите меня все! Выхожу!»

4

Ослепительные лучи солнца ударили Стивену в глаза. Он зажмурился на миг, а когда открыл их, не мог поверить тому, что видит. Старый дом на ранчо Стил, парк, беседка и журчащий ручей... Галлюцинация? Стивен снова зажмурился и снова открыл глаза. Нет, все на своем месте... А как же война? Как же радиоактивная пустыня?

Шатаясь, он побрел к дому, распахнул незапертую дверь. Все здесь осталось так же, как в тот день, когда они все вместе спустились в бункер... Стивен поднялся по лестнице на второй этаж, цепляясь за перила. В кабинете отца, за рабочим столом, сидел белокурый человек лет тридцати.

— Здравствуйте, Стивен, — пристально глядя на вошедшего, произнес он.

— Что... — Стивен не мог говорить, из глотки вырывался только хрип. — Что здесь происходит? Кто вы такой? — с трудом выдавил он из себя.

— Сядьте и успокойтесь. Не происходит ровно ничего страшного, для вас, по крайней мере. Вот коньяк, выпейте. А на ваш второй вопрос я отвечу. Меня зовут Николас Клейтон.

— А, этот, — Стивен поперхнулся поднесенным коньяком, но допил до конца. — Из «Staying Alive»...

— Он самый. И вы нас весьма интересуете в некоторых аспектах.

— Послушайте, мистер Клейтон! — Стивен упал в кресло и жестом потребовал еще коньяку. — Или вы немедленно мне все объясняете, или...

— Или что? — вежливо осведомился Клейтон, наполняя бокал.

— Или... Тьфу, ты, черт, действительно, что...

Клейтон снова уселся за стол Джулиана Стила и спокойно заговорил:

— Выслушайте меня, Стивен. Вероятно, вы удивлены... Но в то же время и не очень. Вы ведь догадывались, что война не настоящая, не так ли?

— Нет, не так. Это Роберт решил, что учебная тревога и так далее. Но потом... Это радио, полицейская волна... Такое не подделаешь...

— Да? Гм... Но, тем не менее, вы вышли наверх.

— Я вышел, чтобы умереть.

— О нет, Стивен. Вы сами не отдаете себе отчета, между тем тщательнейший анализ вашей психики доказывает обратное. Умереть можно проще. Не умирать вы шли, а разрешить ваши сомнения...

— Допустим. — Стивен, на которого коньяк начал оказывать просветляющее действие, храбро посмотрел на Клейтона: — Так помогите мне их разрешить.

— Потому я и здесь. Это игра, Стивен.

— Игра?

— Да. Правда, не совсем обычная. Но и «Staying Alive» — не совсем обычная строительная компания. Это игровая корпорация.

— Я не понимаю.

— Мы действительно строим противоатомные убежища, и они действительно надежны. Но не в этом главное направление нашей деятельности. Мы придирчиво исследуем личность каждого обратившегося к нам клиента и его окружение. И если большинство параметров совпадают с нашими требованиями — добро пожаловать в игру!..

— Да в какую игру, мистер Клейтон? Кто ее ведет, по каким правилам, с какой целью?

— Не будьте же так нетерпеливы, — поморщился Клейтон. — Сейчас вы все узнаете. Видите ли, игра в той или иной форме — одно из древнейших установлений человечества. Порой по очень высоким ставкам! Это щекочет нервы, не так ли? Но есть категория людей... которым уже никаких ставок не хватает. Они готовы платить за изысканные развлечения...

— Подождите! — перебил его Стивен. — Так, значит... Вы строите эти убежища, потом убеждаете людей, что началась война, и они лишь немногие из выживших? А игроки делают ставки на то, как они себя поведут в такой ситуации? Так?

— В общем и целом так, Стивен. Но не совсем. Видите ли, «Staying Alive» — коммерческая организация. Нас, по большому счету, не интересует ничего кроме денег. Нам заплатили — мы сделали. Эти же... Назовем их игроками... Находятся на таких высотах, что любые деньги для них — не более чем фишки.

— На что же они играют?

— На судьбы целых стран. Это игроки мирового уровня. Придет ли к власти в той или иной стране то или иное правительство, как изменится геополитика при том или ином исходе игры — все это решают только они. А решение зависит от того, чем окончится игра, организованная для них нами. От того, кто выиграет.

— Выиграет... Угадает, кто первым покончит с собой в этих созданных вами и пронизанных ужасом подземных микросообществах?

— Нет. Вы очень упрощаете, Стивен. Будь это так, проще было бы играть на ипподроме, какая лошадь придет первой... Их игра невообразимо сложна. Тончайшие сплетения психологических нюансов... Поведение людей, связанных между собой семейными или другими узами, в таких условиях, до едва уловимых оттенков, полутонов... Что-то вроде шахматной партии, но неизмеримо более утонченной.

— Но как это может быть, мистер Клейтон? Не в Интернете же они играют?

— Не в Интернете, — усмехнулся Клейтон. — Существует и другая сеть, не параллельная и не перпендикулярная, а просто другая. Созданная нами, корпорацией «Staying Alive». И не обольщайтесь, никто посторонний ее никогда не обнаружит. Уверяю вас, как один из создателей этой сети.

— Но ведь даже... Смотрите... Какая-то семья или группа людей... Пропала в этом бункере... Этих людей начнут искать, интересоваться, что с ними стало...

— Ну и что? — пренебрежительно пожал плечами Клейтон. — Разве мы живем не в двадцать первом веке? Любознательному будет отправлено сообщение от имени того, кем он интересуется, — в нашем случае, например, Джулиана Стила или вашего... Можно и видеоконференцию организовать, это нетрудно... Виртуальный двойник с успехом сыграет роль оригинала. А уж если кто станет особенно настаивать на личных встречах, найдутся средства убеждения... Не волнуйтесь, поначалу ненавязчивые.

— Но потом! Что с ними... с нами будет потом?!

— По-разному бывает... — задумчиво взглянул на Стивена Клейтон. — Кто-то заканчивает взаимоотношениями... Другие совершают коллективные самоубийства...

— Все эти люди исчезают навсегда! Какие там могут быть конференции?!

— Не все. Некоторые возвращаются, но они молчат. И для них средства убеждения находятся, не всегда суровые... Впрочем, это уж зависит от ситуации.

— Но большинство ведь исчезают!

— Исчезновения тоже можно объяснить, Стивен. Есть ряд сценариев... Но мы отклонились от темы. Так вот, третьи развязывают внутреннюю борьбу за власть... Четвертые придумывают новые религии, вот это особенно любопытно... Пятые, вот как вы...

— Да, — перебил Стивен. — Такие, как мы. Что же происходит с такими?

— Я вас одного имел в виду. Поверьте, наблюдение за игрой ведется самым внимательным образом. Психологи отслеживают грани вашего восприятия... И вот, мы решили, что именно вы можете быть весьма полезны нам. Ведь в противном случае мы могли бы заблокировать замки люков, и вы никогда не вышли бы оттуда. Но нас занимает другое. Ваша психика, например, позволила вам сейчас без внутреннего сопротивления и лишних истерик воспринять правду, как мы и предвидели. Подобное дано далеко не каждому, и нам необходимы такие люди. Мы приглашаем вас в команду. Для начала на многое не рассчитывайте, но поверьте моему опыту, у вас есть серьезные шансы стать одним из ведущих специалистов, магистров игры.

— Отлично! — сказал Стивен. — Но что будет с остальными? С моей семьей?

— Вы сами решите. Если захотите, эта партия будет прекращена. Ваши близкие получат доступное объяснение и такое материальное возмещение, которое позволит им удовлетворять все их желания до конца жизни.

— Я настолько важен для вас?

— Да, Стивен. Вы даже не представляете, насколько важны, насколько редки люди вашего психотипа. Мы очень нуждаемся в таких людях, как вы.

— Ну а если наоборот?

— Что наоборот?

— Если я вас разоблачу? Вытряхну все ваше грязное белье? Расскажу во всеуслышание, как вы тут играете людьми ради утоления прихотей пресыщенных кукловодов? О такой альтернативе вы не задумывались?! Что будет, если я прямо сейчас, отсюда, отправлюсь в офис первой попавшейся телекомпании или в редакцию любой газеты?

— Да ровно ничего не будет, Стивен, — с легкой грустью покачал головой Клейтон.

— Да? Может, убьете меня? Но у меня есть свидетели — моя семья! Ладно, убьете их тоже, скроете все следы... А сколько таких бункеров в Соединенных Штатах, и скорее всего, не только здесь? И найдутся, найдутся люди, которые...

— Стивен, — умиротворяющим тоном перебил его Клейтон. — Никто не собирается вас убивать, никто не собирается препятствовать вам идти в газеты или на телевидение, распространять ваши фантазии в Интернете самому или с их помощью, как хотите. Пожалуйста, делайте. И никто не намерен удерживать близких вам людей в заложниках. Они свободны и вольны поступать, как им заблагорассудится. Ничего иного не будет.

Уже направившись, было, к двери Стивен остановился на пороге и оглянулся.

— Я не понимаю вас.

— Да, не понимаете, — многозначительно улыбнулся Клейтон. — Вы еще не понимаете всего до конца.

5

Стивен не успел дойти до подъезда редакции ежедневной утренней газеты «Манхэттен Хэдлайнер», как его окликнули из притормозившей неподалеку машины:

— Мистер Стил!

Притворяться, что он не расслышал, не было никакого смысла. Если это они (а это они, кто же еще), достанут обязательно, как ни выкручивайся. Стивен постарался придать себе как можно более бравый вид и подошел.

— Садитесь, пожалуйста, — раздался голос из глубины салона.

Задняя дверца распахнулась, и Стивен оказался лицом к лицу с пожилым господином самой заурядной внешности. Тот был одет далеко не от лучших кутюрье, да и этот костюм не блистал новизной. Тем не менее, от этого человека веяло некоей аурой тайной власти.

Водитель вышел из машины и остановился поодаль.

— Что же вы, мистер Стил, — ворчливо начал незнакомец, — сразу в массмедиа побежали... Вам так уж хочется рассказать всему миру правду об игре?

— Да, хочется! — запальчиво воскликнул Стивен. Терять-то ему все равно было нечего...

— А как же вы расскажете о том, чего не знаете?

Стивен растерялся. Он ожидал чего угодно, но не такого вопроса.

— Ну, хорошо, — терпеливо проговорил незнакомец. — В редакцию вы всегда успеете, а пока попробуйте рассказать правду мне. Вашу правду, Стивен. Так, как вы ее понимаете.

— Расскажу, почему бы и нет? — Стивен набрал воздуха в грудь, как перед прыжком в холодную воду, и начал: — Существует группа мировых богачей, или политических манипуляторов, или хозяев мира, или сукиных сынов, как хотите, называйте. Эта банда пухнет от денег и вседозволенности. Им скучно, им больше нечего желать. Они могут разделать мир, как моя бабушка рождественский пирог. Предрешить исход выборов в одной стране? Пожалуйста! Переверот в другой? На здоровье! Демократия в третьей? Извольте! Война между четвертой и пятой? Сколько хотите! А может, этого диктатора пересадить туда, а того сюда? И это запросто... Слишком скучно! Да и какая разница... И вот они придумали игру. Точнее, не они сами придумали, а поднесла им в готовом виде корпорация «Staying Alive». Игра не человеческими жизнями только — это старо как мир и давно никому не интересно. Игра человеческими страданиями, болью, безумием, одиночеством, страхом и смирением... Игра, увлекательнее которой не может быть в мире...

— Минуту! — подняв руку вверх, остановил поток красноречия Стивена незнакомец. — Вы ошибаетесь.

— В чем?

— Вы были там, в этой игре. Пусть не игроком, фишкой, но были. За вами наблюдали. За каждым вашим шагом, каждым вашим вздохом даже во сне. В этом и заключалась суть игры, не так ли?

— Гм... Ну да, конечно.

— И, по-вашему, это самое увлекательное? Вы бы остановились на полпути?

— О чем вы?

— О наблюдении за наблюдателями.

— Ох! — Стивен сел бы, если бы и так не сидел в автомобиле.

— Вижу, вы догадались, — тонко улыбнулся незнакомец.

— Да...

— Это и есть игра. Самое сердце игры. Те, кто думает, что играет, — всего лишь такие же объекты наблюдения для нас, как для них вы, узники бункеров «Staying Alive».

— Но... — у Стивена перехватило дыхание. — Они... Они настолько сильны, что и на деньги им играть смысла нет, они играют на судьбы стран... На что же играете вы?

— Мы? — Уголки губ незнакомца чуть сдвинулись вверх. — Ни на что. В отличие от них, нас не интересуют никакие реальные ставки. Смысл азарта — азарт, смысл игры — игра. Ну, разве что интересно, кто из них первым проиграется настолько, чтобы развязать реальную атомную войну...

— И вы сделали такую ставку?

— Лично я? Да нет. Но посмотреть все же занятно...

— Но как бы вы ни были могущественны и всесильны... С Земли вам все равно никуда не деться, не инопланетяне же вы!

— А никуда деваться и не надо. Вы забыли о корпорации «Staying Alive»? Перед вами ее основатель и фактический владелец. Можете называть меня мистер Смит. Неужели вы думаете, что для себя мы не выстроили пару-другую уютных подземных городов? И вам там место найдется... И всем тем, кого вы захотите видеть рядом.

— Но что же станет с нашей планетой?!

— Откуда я знаю?.. Наверное, все начнется с начала, с самого начала. Во всяком случае, после войны ни одной телекомпании на Земле точно не останется, и это уже радует. Может быть, хоть тогда новое человечество сумеет отличить существо бытия от бессмысленного нагромождения дорогостоящих и бесполезных машин...

Стивен отвел взгляд. Он смотрел сквозь стекло на решетчатые башни телевидения и радио «Манхэттен Хэдлайнер» и ничего не мог ответить. Ему нечего было сказать. Вся современная цивилизация вдруг представилась ему тем, о чем и говорил Смит — гигантской вавилонской башней, стремящейся к неизвестно каким небесам, и с каждым новым надстроенным этажом все более хрупкой, все более уязвимой. Рано или поздно она, так или иначе, рухнет и раздавит своих создателей. Все ее существование зависит от высоких технологий, только от них. Любой глобальный сбой, и конец... Но даже если и не рухнет. Тотальное господство информационных медиамонстров ведет к тотальному оглуплению людей. А это тот же конец всего, что называлось человеческим достоинством, сущностью и разумом. Ничуть не лучше техногенной катастрофы, в каком-то смысле даже хуже. Неужели человечество жило напрасно? Не лучше ли и в самом деле разом покончить со всем этим и все начать сначала?

— Я должен подумать, — проговорил он.

— О, думайте сколько угодно, — покладисто согласился Смит. — Я вас не тороплю.

6

Два года спустя

Стивен закрыл и запер дверь. Он был один в этом огромном зале, в окружении многочисленных пультов и мерцающих экранов, в сердце Игры. Оставаться здесь в одиночестве не позволялось никому и никогда,

но Стивен теперь мог позволить себе и это. Он создал третью сеть, третий уровень Игры. Свой собственный, о котором и подозревать не могли игроки первого и второго уровней. Они станут фишками в ЕГО игре, игре Магистра. Смит и ему подобные наблюдают за наблюдателями? Отлично, а как им понравится наблюдение за ними самими? Впрочем, они об этом не узнают.

Усевшись в кресло перед клавиатурой, он посмотрел на дисплей обратного отсчета. Цифры вспыхивали и гасли, приближая момент вызова.

00:05 00:04 00:03

Он представил себе сосредоточенные лица людей, очень немногих людей, ЕГО игроков, сидящих сейчас в ожидании перед экранами.

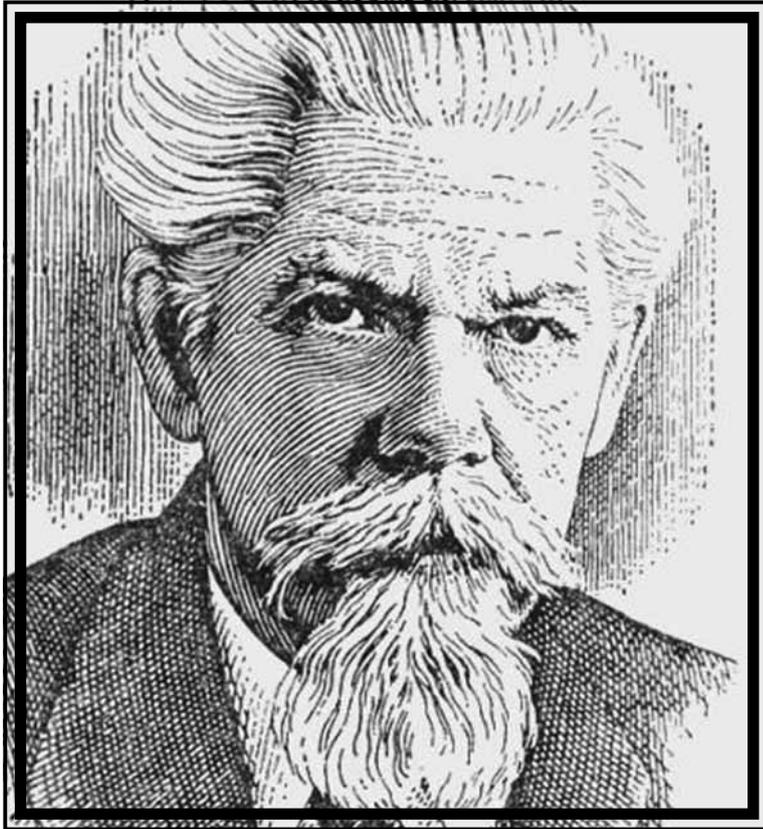
00:02 00:01 00:00

Пальцы Стивена забегали по клавишам.

«Добрый вечер, джентльмены! Надеюсь, вы хорошо отдохнули, потому что нам предстоит увлекательное и трудное путешествие в глубины человеческой низости. Добро пожаловать в Игру. Каждый из вас мог познакомиться с нашим интерфейсом, так что сложностей с управлением возникнуть не должно. Но если все же возникнут, или вы затруднитесь сделать очередной ход, нажмите значок подсказки в левом нижнем углу. Я приду на помощь. Итак, мы начинаем. Ставка — существование всех информационных сетей на планете. Удачи, господа!»

Цифры на дисплее показывали теперь отсчет нового времени, времени новой игры. □

С.И. ОЖЕГОВ

В поступок превративший слово...

70 лет назад
в СССР вышел
в свет ныне
всемирно известный
**«Словарь
русского языка»**
Сергея Ивановича
Ожегова

В библейской истории недвусмысленно сказано: в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Первый перевод этого евангельского утверждения на славянский язык осуществили на заре веков наши просветители и создатели славянской азбуки святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий. Сергей Иванович Ожегов, наш современник и создатель «Словаря русского языка», этот неоспоримый евангельский постулат целенаправленно и преднамеренно расширил и довел до всеобщего житейского понимания: Слово было и в начале, и в конце, и в середине. Слово — в нас, в наших и грешных, и праведных душах. «Все мы, по сути, ходячие словари», — шутливо заявлял ученый. И была в этой шутке не доля, а именно вся правда. Ведь Ожегов был уникальным человеком эпохи, а в метафорическом смысле — человеком-словарем энциклопедического масштаба.

Книга для всех и на все времена

Первое издание «Словаря русского языка» предварялось разъяснением «От редакции», где читателю сообщалось: «Настоящий краткий (50 000 слов. — В.В.) словарь русского языка представляет собой общедоступное пособие, которое призвано содействовать повышению культуры речи широких народных масс, изучению и пониманию современного русского литературного языка».

В этом редакционном заявлении каждое слово — знаковое! Ведь хорошо известна принципиальная позиция выдающегося ученого: словарь должен быть *«краткий, популярного типа, стремящийся к активной нормализации литературной речи»*.

От издания к изданию Сергей Иванович перерабатывал словарь, стремясь как можно лучше отразить современное литературное словоупотребление, сделать его универсальным. В словаре Ожегова отсутствуют редкие термины, исключены малоупотребительные в общей речи иностранные слова, а также многие просторечные и арготические элементы.

В СССР при жизни Ожегова вышло шесть изданий «Словаря русского языка». Второе и четвертое — переработанные, остальные — стереотипные. И тиражи были гигантскими! В кругу близких ему людей Сергей Иванович иронично шутил, что по тиражам он сравнивался с классиками марксизма-ленинизма.

Сегодня можно уверенно утверждать: замечательный словарь-рабочая до сих пор в ходу не только в России, но и на всем постсоветском пространстве, его по праву считают эталоном массового пособия по культуре речи и нормативному словоупотреблению. Этот компактный однотомник широко известен и в странах дальнего зарубежья, его тщательно подобранный словник лег в основу многих переводных словарей. В миллиардном Китае, например, скрупулезно — слово в слово! — перевели весь уникальный ожеговский текст. Многогранную эту работу проделала Ли Ша — удивительная Елизавета Павловна Кишкина. Русская девушка из старинного дворянского рода попала в Китай, выйдя замуж за китайского коммуниста, в годы «культурной революции» оказалась в тюрьме, потом в ссылке. И в 1992 году, уже в преклонном возрасте, все-таки осуществила мечту всей своей жизни — подготовила и издала «Новый русско-китайский словарь», по которому жители Поднебесной теперь успешно осваивают наш «великий и могучий».

На роду было написано

Со своими коллегами и знакомыми я не раз проделывал такой нехитрый эксперимент: предлагал придумать ассоциации к словам «фрукт», «поэт», «словарь»...

Ассоциации были изначально очевидными: рядом с яблоком и Пушки-

ным неизменно возникал Ожегов. Только если Пушкин был еще и Александром Сергеевичем, то Ожегов, как правило, оставался безымянным. Вот и получалось, что знаменитым был словарь, а не его автор — выдающийся языковед, лексикограф и лексиколог, историк русского языка. А ведь этот талантливый человек жил рядом с нами, в одно, считай, время.

Такое ощущение, что ему просто было предопределено стать создателем уникальной книги, и судьба смолodu хранила его для этого подвижнического дела. И не только его одного, но и весь род Ожеговых.

Ожегом (с ударением на первом слоге) в старину на Урале называли специальную палку, с помощью которой определяли степень готовности расплавленного металла. Чудом спасся предок Сергея Ивановича, демидовский крепостной, из затопленных подвалов Невьянского завода. Кто смотрел фильм «Петр I», помнит эту страшную сцену затопления...

Достоверно известно, что дед Сергея Ивановича более полувека работал на Екатеринбургском заводе, вырастил четырнадцать сыновей и дочерей, и все они получили высшее образование. Можно утверждать, что тяга к знаниям — фамильная черта Ожеговых.

«В нашем роду обнаруживаются и «колокольные дворяне», — рассказывал мне сын автора Словаря — Сергей Сергеевич Ожегов, человек

самодостаточный, доктор архитектуры, профессор Московского архитектурного института, автор первого в России учебника по истории ландшафтной архитектуры. — Предками были и династии псковского духовенства — Дегожские, Опоцкие. В роду и известный философ-богослов Герасим Павский, который вместе со своим приятелем Александром Пушкиным частенько бывал в доме Опоцких. У Пушкина было там даже свое место за самоваром красной меди...

Моя бабушка и, соответственно, мать Сергея Ивановича, Александра Федоровна (в девичестве Дегожская), приходилась Герасиму Петровичу Павскому (1787–1863) внучатой племянницей. Его *«Филологические наблюдения над составом русского языка»* были удостоены Демидовской премии и дважды изданы Императорской Академией наук».

Вот так все удивительно переплетено в российской истории.

Не те употребил чернила...

Летом 1918 года Ожегов окончил гимназию и поступил в Петроградский университет. Учиться, правда, в нем не стал: в декабре 1918 года его зачислили в Красную Армию. И здесь «молодого командира» едва не расстреляли, поскольку один из документов он подписал красными чернилами. А по убеждению полкового комиссара, делать это могли исключительно большевики. Но больше-

виком Ожегов не был, более того — в революционные дни непродолжительное время «прислонялся» к партии эсеров.

Позже Ожегов, ровесник XX века, в своих дневниках напишет о «революционных событиях» в Петрограде, что он их... не заметил: не видел октябрьского решительного штурма Зимнего дворца, не слышал «исторического залпа» Авроры и зажигательных речей Ильича. Просто все вдруг резко изменилось, и жизнь стала тусклой...

но здесь, в «коммуналке» на Смоленском бульваре, Сергей Иванович задумал и начал писать свой знаменитый «Словарь русского языка», создавал «Словарь к пьесам А.Н. Островского», трудился над «Ушаковским» четырехтомником. (Вернее, в ряду забот молодого ученого этот четырехтомник значился на первом месте.) Советское правительство потребовало тогда «стабилизировать нормы русского литературного языка путем создания нормативного пособия, которое помогало бы читате-

Сегодня можно уверенно утверждать: замечательный словарь-работяга до сих пор в ходу не только в России, но и на всем постсоветском пространстве, его по праву считают эталоном массового пособия по культуре речи и нормативному словоупотреблению

Филологический курс университета Ожегов окончил в 1926 году, но еще до этого стал «своим» в небольшом кругу ленинградских лингвистов, завел знакомства и с московскими коллегами. После аспирантуры Института истории литературы и языков Запада и Востока Сергей Иванович ряд лет преподавал в ленинградских вузах, работал в Институте языка и мышления АН СССР по словарному отделу. В 1936 году Ожегов вместе с семьей переехал в Москву, которая, как известно, «слезам не верит», но дает большие перспективы «понаехавшим». Имен-

лю освоить лексические, грамматические и произносительные нормы русского языка». Действительно, вопрос не просто созрел, но и перезрел. Ведь еще В.И. Ленин достаточно цинично спрашивал: «Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького. Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?» В начале тридцатых годов было даже принято специальное партийно-правительственное решение об ускорении работы над «Толковым словарем рус-

ского языка». И коллектив ученых (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков) немедленно стал ускоряться и устанавливать «произносительные нормы». «Словарь Ушакова», вышел в обозначенные властью (1935–1940 гг.) сроки. И даже «красноармейского пайка» не потребовалось.

О вкладе Ожегова в дело выполнения «ответственного правительственного задания» главный редактор словаря профессор Дмитрий Николаевич Ушаков всегда отзывался с уважением, признавая его ведущее место и называя «основным двигателем» этого большого научного и общекультурного предприятия. Подсчитано, что Ожегову принадлежало 33,5 процента текста всего четырехтомника.

Один с сошкой, а семеро с ложкой...

История «Словаря русского языка», который сегодня накрепко и по праву связан с именем Сергея Ивановича Ожегова, началась незадолго до Великой Отечественной войны. Работая в «коллективе Ушакова», Ожегов поделился с коллегами идеей создания компактного однотомника. Массового, народного. Естественно, главным редактором нового издания предполагался сам Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегову отводилась роль соредактора, в авторский коллектив должны были

войти еще шесть ведущих лингвистов страны.

Значительные коррективы в работу над словарем сразу же внесла начавшаяся война. Во-первых, весь «авторский синклит» оказался в эвакуации в Ташкенте, единственный Ожегов оставался в Москве и даже некоторое время исполнял обязанности директора института. Во-вторых, в 1942 году скоропостижно скончался Д.Н. Ушаков. В-третьих, самоустранившиеся «соавторы» на призывные письма Ожегова, пытавшегося организовать совместную работу, не отвечали. С горечью он обращался к Г.О. Винокуру, одному из «соавторов»: *«Зная отношение ко мне некоторых ташкентцев, я и к Вашему молчанию склонен относиться подозрительно! Меня ведь винят и в болезни Ушакова, и за отказ ехать из Москвы, и за создание в Москве "общества" лингвистического, как там, кажется, называют, и еще за многое...»* Сегодняшнему юному читателю необходимо объяснить, что за создание «общества» в те времена можно было легко оказаться значительно северо-восточнее Ташкента. Где-нибудь в районе Колымы...

Об этом времени и своем тогдашнем житье-бытье рассказывает сам Сергей Иванович. Читаем его дневник:

«В комнате чисто и холодно. Курева нет, отвыкаю. Телефона давно нет — как в избе посередь поля. Положение с продуктами в Москве ужасное. Все запасы разграблены и расхищены.

В половине декабря испортилась канализация. Потом последовательно водопровод вышел из строя, затем стало гаснуть электричество, и лопнули трубы отопления. Я спал на буфете, с которого снял верх. Бань в Москве осталось несколько. Хожу грязным...»

Тяготы быта Сергей Иванович воспринимал иронично, главным в жизни была работа. Он справлялся с невероятной грудой дел: научно-общественной и лингвистической деятельностью, чтением лекций в университете и Педагогическом институте. Может, упоенное «погружение в словарь» давало силы? Страшная весть пришла из Ленинграда. В блокадном городе погибли практически все родственники Ожегова.

Он писал своей тете, Зинаиде Ивановне Ожеговой, в Свердловск: *«Дорогая тетя Зина! Наверное, не получила ты моего последнего письма, где я писал о смерти Бори 5 января. А на днях получил еще, новое горестное известие. В середине января умер Борин сын Алеша, 26 января мама скончалась, а 1 февраля Борина жена Клавдия Александровна. Никого теперь у меня не осталось».*

В самом конце войны — еще один удар! Коллеги, вернувшиеся из Ташкента, обвинили Ожегова в том, что он не уехал в эвакуацию только потому, что... ждал прихода немцев. К счастью, это фантазмагорическое утверждение особых последствий не имело.

С первым изданием нового словаря тоже вдруг возникли осложнения.

Издательство Академии наук СССР отказалось его печатать, ссылаясь на недостаток средств. В подвешенном состоянии вопрос находился несколько лет, и только в 1949 году в Государственном издательстве иностранных и национальных словарей великий труд Ожегова материализовался, наконец, в знаменитый однотомник.

...И позавидовал товарищ Сталин

Словарь Ожегова вышел в очень непростое время. Страна торжественно отмечала семидесятилетний юбилей «великого вождя всех времен и народов» И.В. Сталина, и это событие, естественно, затмевало любое другое. Хотя... Книгу Ожегова сразу же заметили: газета «Культура и жизнь» опубликовала «рецензию-кляузу» с убийственным названием — «Об одном неудачном словаре».

Знал ли вождь о работе Ожегова? Уверенно утверждаю: да! На закате своей жизни генералиссимус Сталин решил стать еще и большим ученым. Не то чтобы очень уж захотелось получить степень кандидата или даже доктора филологических наук, а вот потянуло вдруг недоучившегося семинариста в научные дебри, и взялся он объяснить соотечественникам «кое-что по вопросам языкознания».

Свою «научную работу», часть которой впервые была опубликована 20 июня 1950 года в газете «Правда», вождь хоть и назвал без особых пре-

тензий — «Марксизм и вопросы языкознания», — но с первых же строк (подчеркнуто скромных) дал читателю понять — разговор будет иметь планетарный масштаб.

Вряд ли сегодняшнего читателя заинтересует пересказ давних воззрений вождя на языковые проблемы, но тогда шум вокруг его работы организовали большой. «Марксизм и вопросы языкознания» тут же перевели на английский, японский, другие языки. Этой работе была посвящена специальная сессия всех отделений общественных наук АН СССР.

Между тем некоторые сталинские пассажи, обнаруженные в тексте «гениального произведения», не смогли объяснить и прокомментировать даже подхалимствующие академики. Например, Сталин пишет: *«Он (язык — В.В.) рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе*

со смертью общества. Вне общества нет языка». И никто не спрашивает у товарища Сталина: *«А как же латынь? Или древнегреческий? Или древнеславянский?»* Языки ведь остались, объективно существуют, хотя породившие их общества давным-давно почили...

А его утверждение, что мысли неразрывны со словами и возникают исключительно на базе языкового материала? Поскольку Сталин сам потребовал энергичного продолжения «филологической дискуссии», то случилось так, что у него вдруг спросили: *«А как же быть с глухонемыми? Ведь они не имеют языка?! На какой же базе возникают их мысли?»* В откровенно дурацкой ситуации оказался тогда Иосиф Виссарионович. И прекратил дискуссию!

Причины обращения Сталина к «вопросам языкознания» так и остались до сих пор не проясненными.

Можно предположить, что сказалось его неодолимое стремление первенствовать во всем, в данном случае — объявить себя теоретиком в новой области знаний, не разработанный основоположниками марксизма.

...А «Словарь русского языка» начал свое торжествующее шествие по миру. И Сергея Ивановича Ожегова выдвинули на Сталинскую премию! Премию не дали, но присвоили степень доктора филологических наук без защиты диссертации. Парадоксально, но решающую роль в этом сыграл скандально-знаменитый академик и любимец Сталина Трофим Лысенко. На заседании ВАКа он заявил: «У каждого из нас, академиков, словарь Ожегова является настольной книгой. Мы учимся у него. Так неужели наш учитель не достоин докторской степени?»

...В последние годы жизни Сергей Иванович работал чрезвычайно интенсивно. Совместно с С.Г. Бархударовым и А.Б. Шапиро редактировал «Орфографический словарь русского языка» АН СССР, был инициатором создания и редактором академического словаря-справочника «Правильность русской речи», автором-составителем «Словаря языка Пушкина». Под его редакцией выходили авторитетнейшие сборники «Вопросы культуры речи», по которым «учились грамоте» дикторы радио и телевидения тех лет. В Институте русского языка имени Виноградова Ожегов организовал «Справочную», где любой мог получить (да-

же по телефону!) немедленную консультацию по языковым вопросам. А еще за пару лет до смерти Сергея Ивановича семья переехала из «коммуналки» в отдельную квартиру...

Пиратский абордаж окончился провалом

Событие, которое случилось в российском книгоиздательском мире в самом начале «лихих девяностых», скандальной сенсацией тогда не стало и внимания широкой общественности не привлекло. Книга, неожиданно появившаяся в магазинах, внешне выглядела вполне благопристойно — солидный том со всеми необходимыми атрибутами: обозначением издательства, наличием знака копирайта и так далее. Кроме того, издание было вызывающе прикрыто авторитетной «крышей» — на титульном листе «Толкового (?) словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (?) уверенно значилось: «Институт русского языка имени Виноградова РАН, Российский фонд культуры». Попробуй, тронь с такой «охранной грамотой»!

Впрочем, сомнений в подлинности нового издания ни у кого и не возникло: мало ли, из каких спецхранов извлекли, на радость читателям, неизвестный труд великого Ожегова! И по поводу неожиданного соавтора и нового непривычного названия книги вопросов тоже не было. Мы все тогда уже хорошо знали, что «рукописи не горят», но еще не

ведали, что из ничего они не возникают...

Мне приходилось читать удивительную по своей наивности и противоречивости записку Н.Ю. Шведовой «В судебные и другие органы города Москвы и Российской Федерации». В ней доктор филологии пытается доказать, что ее работа «в качестве ответственного редактора» дает ей право считать себя соавтором С.И. Ожегова. И еще. Цитирую дословно: «С.И. Ожегов назван мною в качестве соавтора только на том

включены даже нецензурные слова, против которых Сергей Иванович выступал категорически. То есть словарь стал принципиально «другим», а покупателя попросту дурачили, заманивая авторитетом Ожегова...

Имя Н.Ю. Шведовой действительно двадцать лет значилось на титульном листе словаря Ожегова: в 1972 году издательство «Советская энциклопедия» поручило ей «научно редактировать» очередные издания «Словаря русского языка». О претензиях на «соавторство» быв-

И

стория «Словаря русского языка» началась незадолго до Великой Отечественной войны. Работая в «коллективе Ушакова», Ожегов поделился с коллегами идеей создания компактного однотомника. Массового, народного. Ее дружно поддержали, но в работу над словарем внесла значительные коррективы начавшаяся война...

основании, что новый однотомный словарь опирается на те же научные идеи и принципы построения словарной статьи, что и "Словарь русского языка" С.И. Ожегова...»

Пришлось тогда напомнить академику, что самовольную «опору на научные идеи и принципы» обычно называют плагиатом и посягательством на интеллектуальную собственность. Как появилось новое издание? Да очень просто! Классический словарь С.И. Ожегова самовольно «дополнили» и нахально выдали за «совместную работу». В книгу были

включены даже нецензурные слова, против которых Сергей Иванович выступал категорически. То есть словарь стал принципиально «другим», а покупателя попросту дурачили, заманивая авторитетом Ожегова...

Имя Н.Ю. Шведовой действительно двадцать лет значилось на титульном листе словаря Ожегова: в 1972 году издательство «Советская энциклопедия» поручило ей «научно редактировать» очередные издания «Словаря русского языка». О претензиях на «соавторство» бывшая аспирантка Сергея Ивановича тогда, конечно же, и не помышляла. Чрезвычайно неприятно вспоминать эту постыдную историю, тем более что иных ее действующих лиц уж нет, а те далече. Нравственная сторона вопроса очевидна: ни при каких обстоятельствах непозволительно через три десятилетия после смерти выдающегося ученого идти по пиратски на абордаж его гениальной работы и объявлять себя соавтором.

Помнится, когда я попросил прокомментировать ситуацию ректора Литературного института имени

А.М. Горького писателя Сергея Есенина, тот с трудом подбирает слова, избегая нецензурных. Потом прибегнул к исторической аналогии: *«Представляю, какой бы разразился скандал, если бы профессор Бодуэн де Куртенэ, редактировавший 3-е издание словаря Владимира Ивановича Даля и тоже кое-что туда внесший, поставил бы свое имя рядом с именем исконного автора...»*

Впрочем, лично я всегда был убежден, что доктор филологических наук, профессор, действительный член Российской академии наук Н.Ю. Шведова, человек преклонного возраста, была несамостоятельна в своих действиях. Кукловодами в этой бессовестной истории выступали совсем другие люди. Кто? Как ни печально сегодня об этом говорить, но следы привели... в Институт русского языка имени Виноградова. Один из тогдашних руководителей этого института, являясь еще и владельцем частного издательства (знающие люди утверждали, что не одного!), виртуозно раскрутил аферу с изданием словаря С.И. Ожегова в «новом варианте» и в «соавторстве». Остап Бендер бы позавидовал: более десяти лет существовала виртуозная схема «законного» отъема денег!

Мои возмущенные публикации в центральных СМИ о беспрецедентном посягательстве на имя Ожегова, в конце концов, заметила Генеральная прокуратура РФ и поручила прокуратуре Москвы провести соответствующую проверку. По ее «итогам»

заместитель прокурора города мне гордо сообщил, что меры к нарушителям (перечислялись издательства «Азбуковник», «Кирилл и Мефодий», «Азъ») приняты строгие, и бюджет государства пополнился почти на три миллиона рублей неуплаченных ранее налогов.

Что сказать по этому поводу? К сожалению, наши правоохранители «ленивы и нелюбопытны»: вопросами неучтенных тиражей, ценообразования и тем более «авторства-соавторства» прокуроры заниматься попросту не стали...

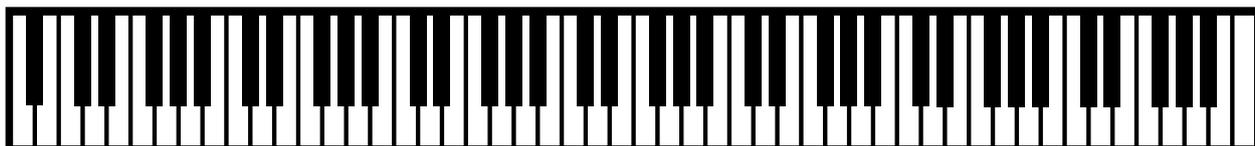
И только в 2004 году Тверской районный суд города Москвы после многолетнего разбирательства, основываясь на экспертизе Института лингвистических исследований РАН, поставил точку в постыдной истории, постановив запретить издательству и лично академику Н.Ю. Шведовой использовать имя Ожегова. И 24-е, исправленное, издание «Словаря русского языка» вышло в свет уже без «соавтора-прилипалы», под общей редакцией действительного члена Академии российской словесности, доктора филологических наук, профессора Л.И. Скворцова — ученика Сергея Ивановича Ожегова. На сегодняшний день вышло уже три десятка изданий этой книги.

Вот она лежит на моем рабочем столе — «Словарь русского языка» С.И. Ожегова. Ему — 70 лет. Смешные, детские, можно сказать, годы по сравнению с грядущей вечностью. Ведь русский язык вечен! □

ШЭПОХА

Евгения
Белогорцева

Шостаковича

В начале шестидесятых годов Анна Ахматова подарила композитору свою книгу с посвящением: «Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу, в чью эпоху я живу на земле». Гениальная поэтесса сама признавала себя величиной меньшей. Но и пальму первенства она отдала человеку, которого называли «великой эпохой русской и мировой музыки».

Дмитрий Шостакович родился в Санкт-Петербурге в 1906 году в семье инженера Дмитрия Болеславовича Шостаковича и пианистки Софьи Васильевны, в девичестве Кокотулиной. Именно мать посадила сына за инструмент и дала первые уроки игры на фортепиано. Однажды с классом Дима попал на «Сказку о царе Салтане» Римского-Корсакова. И музыка произвела на него столь шокирующее впечатление, что уже тогда

он решил, что будет заниматься ею, только ею, и ничем другим. Когда мальчику исполнилось 11 лет, родители отдали его в частную музыкальную школу, где преподаватели сразу отметили в ребенке абсолютный слух, великолепную память и усидчивость, столь несвойственную его возрасту.

Изменения в стране мало коснулись Шостаковичей, и в 1919 году Дмитрий поступил в консерваторию — уже Петроградскую — по классу фортепиано, а через два года — на факультет композиции.

В 1922 году умер отец, оставив семью практически без средств к существованию. Дмитрию нужно было помогать матери и сестрам, и он периодически подрабатывал тапером в кинотеатре. Но даже здесь он не механически играл, а старался выстроить сюжет кинофильма, дать каждому персонажу свою мелодию, собрать всю историю воедино. Впоследствии он использовал эти наработки в своих произведениях.

Публика, правда, не была высокого мнения о музыканте: порой из зала доносились крики «Долой пианиста!» — и в Шостаковича летели гнилые яблоки...

Еще учась в консерватории, семнадцатилетним юношей, он начал работу над Первой симфонией, которая стала его дипломной работой. Премьера состоялась в 1926 году в Ленинграде. Успех был колоссальным, Шостаковича вызывали на поклонь пять раз.

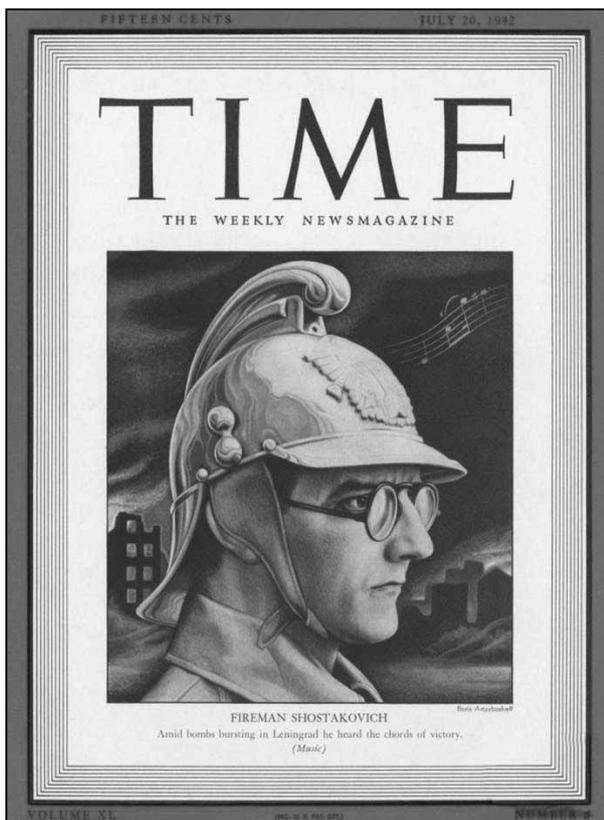
На следующий год он отправился со своей Первой симфонией на Меж-

дународный конкурс пианистов имени Шопена в Варшаве. Этому предшествовала, с одной стороны, смешная, а с другой — очень грустная история. Перед поездкой за границу требовалось прослушать курс марксистского музыковедения. Но Шостакович не отнесся к этому серьезно. И когда другого студента попросили объяснить различия в творчестве Листа и Шопена с общественно-экономической точки зрения, Дмитрий расхохотался. Сам он экзамен провалил. Ему разрешили переэкзаменовку, и он, честно отбарабанив положенное, на конкурс все-таки поехал. Однако усвоил — есть в стране вещи, с которыми шутить не стоит.

Симфония была очень тепло принята, а дирижер и композитор Бруно Вальтер попросил Шостаковича прислать ему в Берлин партитуру. Благодаря этому симфонию стали играть оркестры Германии, а впоследствии и США. Так она разошлась по всему миру.

Первая симфония не была юношеским сочинением, несмотря на молодость автора. Казалось, что написал ее человек, уже проживший долгую и драматичную жизнь.

Впрочем, кое-какие драматичные события в его жизни уже успели случиться. В 1923 году Дмитрий познакомился с Татьяной Гливенко и влюбился в нее со всей страстью, на которую был способен. Их отношения длились почти 10 лет, однако выйти замуж Шостакович Татьяне все не предлагал, и девушка, которой хотелось семью и детей, вскоре приняла предло-

жение другого мужчины. Когда Шостакович опомнился и попытался вернуть возлюбленную, она уже ждала ребенка от мужа и довольно жестко попросила прекратить всякое общение...

Прежде чем снова погрузиться с головой в работу, Дмитрий Дмитриевич сделал неожиданный шаг — женился на своей давней знакомой Нине Васильевне Варзар, ученице самого Иоффе. Нина была астрофизиком, но после замужества решила посвятить себя мужу и детям, которых у супругов было двое — Галина и Максим.

Устроив таким образом личную жизнь, Шостакович снова вернулся к главному — к музыке. Не останавливаясь на одних лишь симфониях — за свою жизнь композитор напишет их пятнадцать — он взялся за еще

более трудный жанр. В 1932 году Шостакович написал оперу на произведение Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». При постановке название было изменено на «Катерину Измайлову». Премьера состоялась в 1934 году, играли «Катерину...» в Москве, Ленинграде, а впоследствии в Европе и Северной Америке. И везде она шла с аншлагами.

До тех пор, пока ее не посмотрел лично Сталин. И занавес упал. В «Правде» вышла статья «Сумбур вместо музыки», а опера в мгновение ока стала «антинародной». Естественно, все это отразилось и на авторе. Количество постановок почти сошло на нет, а запланированную на осень 1936 года премьеру Четвертой симфонии Шостакович и вовсе отменил.

Спустя год состоялась премьера Пятой симфонии, где Дмитрий Дмитриевич, по словам критиков, учел все высказанные ему замечания. А Сталин назвал ее «деловым творческим ответом советского художника на справедливую критику». Причиной такой уступчивости Шостаковича был вполне объяснимый и понятный страх. Он никогда не считал себя борцом с режимом — во всяком случае, не публичным. А вот своими произведениями он доказывал, что даже «образец соцреализма в симфонической музыке», как критики писали о Пятой, может быть гениальным.

В 1937 году Шостакович стал профессором консерватории. Во время войны он оставался в Ленинграде и, продолжая работать, служил в добровольной пожарной дружине —

Слева:
*пожарный
Дмитрий
Шостакович
на обложке
журнала
«Time»*

*С первой
женой
Ниней
Варзар*

тушил зажигалки на крышах. Портрет великого композитора Шостаковича в пожарной каске даже украшал обложку журнала «Time».

И, несмотря на войну, он все же находил силы и время, чтобы писать Седьмую — она же Ленинградская — симфонию. Закончил ее он уже в эвакуации в Куйбышеве, куда его едва ли не насильно вывезли из Ленинграда. Про эту симфонию он говорил: «Не знаю, как сложится судьба этой вещи. Досужие критики, наверное, упрекнули меня в том, что я подражаю «Болеро» Равеля. Пусть упрекают, а я так слышу войну».

Поскольку в Куйбышеве же располагался эвакуированный оркестр Большого театра, ему и довелось первым исполнить Ленинградскую симфонию в марте 1942 года.

А уже в августе того же года она прозвучала в блокадном Ленинграде, городе, который вдохновил автора. Поскольку партитура предполагала двойной состав оркестра, музыкантов отзывали с фронта — в самом Ленинграде их не хватало.

Концерт, проходивший в филармонии, транслировали по радио, и Седьмая симфония Шостаковича звучала даже на фронте. Чтобы музыку, которую восприняли как ответ нацистской угрозе, услышали везде, партитуру через Тегеран, Каир и Южную Америку передали в Нью-Йорк.

А в нью-йоркском «Time», том самом, что вышел с композитором в пожарной каске на обложке, было написано: «Пожарный Шостакович. Среди разрывов бомб в Ленинграде услышал аккорды победы».

Но такой успех не означал, что и по окончании войны все будет гладко. В 1948 году Шостаковича отстранили от преподавания в консерватории по классу композиции с абсурдной формулировкой: «в связи с несоответствием профессорской квалификации». Мстислав Ростропович вспоминал, что, прочитав этот приказ на доске объявлений, испытал унижение, какого больше никогда не испытывал.

Наряду с Шостаковичем в том же году в «формализме», «буржуазном декадентстве» и «пресмыкании перед Западом» обвинили также Сергея Прокофьева и Арама Хачатуряна.

Дмитрий Дмитриевич вновь встал на условно «патриотический» путь, и через год ему разрешили преподавать, а затем отправили в Америку в составе деятелей культуры Советского Союза. Такое «отречение» вызывало разное отношение к Шостаковичу со стороны коллег, однако он объяснял свою позицию тем, что в противном случае ему просто не дали бы работать.

В 1954 году скончалась Нина Васильевна. Шостакович довольно быстро и странно женился во второй раз — на некой Маргарите Кайновой, сотруднице ЦК ВЛКСМ. Все окружение Дмитрия Дмитриевича было крайне удивлено этим браком — новая жена композитора была совсем «из другого теста». Этот брак вскоре распался, и Шостакович женился в третий раз — на Ирине Антоновне Супинской, главном редакторе журнала «Советский композитор». Она, как и первая супруга, посвятила свою жизнь заботе о музыкальном гении.

Едва ли жизнь с ним была легкой. Так, первая жена Шостаковича до замужества очень любила играть на фортепиано, но после перестала, потому что «Дмитрий Дмитриевич не любит дилетантства». Однако отцом он был хорошим. По воспоминаниям сына, он проводил много времени с детьми, водил их к врачам и даже играл на пианино во время детских праздников.

В 1957 году Дмитрий Дмитриевич стал секретарем Союза композиторов СССР, и вскоре советские оркестры вернулись к исполнению его произведений. Помимо балетов, опер и симфоний, он также писал музыку к кинофильмам и мультфильмам. Через некоторое время, в 1960-м, ему предложили вступить в партию, и он, скрепя сердце, это предложение принял. Максим Шостакович вспоминал, что всего дважды видел, как отец плакал: когда умерла Нина Васильевна и когда пришлось вступить в партию.

О Шостаковиче может сложиться мнение, что это был человек сухой и педантичный, живущий исключительно музыкой и своей гениальностью, однако это было не так. Он, правда, по словам дочери, бывал порой «одержим чистотой и порядком». А еще мог сочинить в голове симфонию целиком и лишь потом записать ее на бумагу. Но зато, случалось, отправлял письма самому себе, чтобы проверить, как работает почта.

Дмитрий Дмитриевич был настоящим фанатом футбола. В шестьдесят шестом году, сразу после инфаркта, даже собирался ехать на матч, но внял запрету врачей и остался смо-

треть футбол по телевизору. Он скрупулезно вел тетрадь учета всех игр и голов.

Другим увлечением композитора были карты — он любил раскладывать пасьянсы и играть — причем только на деньги.

Создавая собственную музыку, Шостакович «прикладывал» свой талант и к работам других авторов. Так, в 1958 году он создал оркестровку «Хованщины» Мусоргского, и именно эта версия оперы стала самой популярной на последующие десятилетия.

В 1971 году Шостакович написал последнюю — Пятнадцатую — симфонию, дирижировал которой его сын Максим.

Бесконечные «качели» — то признание власти, то полное забвение —

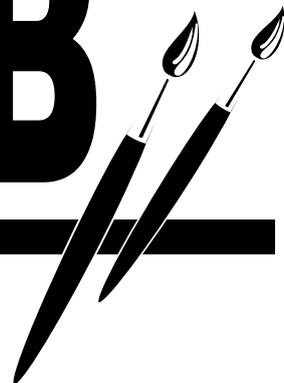
не могли не сказаться на здоровье Дмитрия Дмитриевича. К концу его жизни он болел, казалось, всем, чем только можно, включая сердце, рак легких и болезнь мышц ног, которую определить и вылечить так и не смогли.

Не стало композитора в августе 1975 года. Похоронили его на Новодевичьем кладбище. В честь Шостаковича после его смерти была переименована Ленинградская (теперь Санкт-Петербургская) государственная филармония, а с 1996 года Международным благотворительным фондом Юрия Башмета присуждается ежегодная премия имени Дмитрия Шостаковича за выдающиеся достижения в области мирового музыкального искусства. □

МОЙ Иван Переверзин

ГЛАЗУНОВ

13

В самом центре первопрестольной, рядом с восставшим из пепла и огня, а на самом деле заново построенном на народные деньги величественным, белокаменным, увенчанным позолоченными куполами храмом Христа Спасителя, в прекрасно и со вкусом отреставрированном (по чертежам и эскизам самого художника), красуется трехэтажное, голубого цвета, здание Государственной картинной галереи имени Ильи Сергеевича Глазунова. После долгих реставрационных, изнурительных для самого мастера работ, с установкой в подвальном помещении всего сложного технического оборудования для постоянного поддержания на необходимом уровне влажности и температуры воздуха, открытие музея произошло в торжествен-

ной обстановке с участием многих государственных, церковных, общественных деятелей, при огромном стечении народа 31 августа 2004 года. В большом зале, за номером 2, где нашли свое достойное вечное место четыре самых больших на то время полотен, эпохально рассказывающих не только о нашей богатой на судьбоносные события истории, но и о современных негативных проявлениях так называемого дикого рынка. А следующий зал был посвящен тем жизненным эпизодам, на которые не мог не отозваться гений художника, в том числе и личного характера. Как раз в нем и было решено устроить банкет, где друзья, родные, ученики и, конечно, высокопоставленные чинуши в адрес Ильи Сергеевича произносили свои праздничные речи. От приветственной речи я отказался, но, не выходя из-за празднично сервированного стола, прочитал стихи, которые называются «Глазунов»: *«Вот гений, — но при нем пусть не*

Продолжение. Начало в №№11–12, 2018 и №1–3, 2019

охватит нас/ глубокое, как ров, то самое волнение,/ когда не в силах мы отметить без прикрас/ ни взгляда глубины, ни красоты реченья.../ Он послан к нам с небес по воле Божьих сил/ в годину страшных бурь и горьких испытаний, — / не хватит в сердце сил, в чернильнице чернил,/ чтоб описать его безмерные страдания.../ Не выдержав Судьбы ударов лобовых,/ одни ушли во тьму, другие — в снег и холод...? А он, оплакав всех в молениях ночных,/ построил из картин и книг свой вечный город./ Огромные дома, как сфинксы, вознеслись/ превыше ярких звезд, глядящих в мрак глубокий./ И сердце бьет в набат, но силой правит мысль,/ и смерти подлой нет, но жизнь полна тревоги/ И Царское село, и церковь на Нерли,/ и зоревой Кронштадт, и Кремль златоголовый/ художника не зря из тьмы на свет вели, —/ под стать, без спора, им — величье яви новой». Так я постарался выразить в стихах тот многогранный образ великого художника, который к тому времени уже навсегда сложился в моей душе. В ближайшем будущем и вторая очередь музейного комплекса распахнет двери перед миллионными поклонниками творчества русского гения, с нетерпением ждущими данное событие. Это второе здание также построено по индивидуальному проекту художника.

Говоря об этих необыкновенных, единственных в своем глубоко национальном роде музеях, надо обя-

зательно отмечать, что в качестве ответного благодарного и одновременно сверхщедрого жеста Илья Сергеевич Глазунов подарил русскому народу не только все свои основные картины, но и все, до последней, старинные иконы, которые он всю жизнь упорно собирал и бережно хранил не только в своей небольшой квартире, но и по чужим углам, даже сараям и гаражам многие годы, и которые в музее по праву заняли целую половину третьего этажа, являясь свидетелями всех радостей и бед в развитии русской церкви и русского государства на протяжении многих веков! Но гений пошел еще дальше — он подарил государству и все имевшиеся у него в собственности великие полотна художников двадцатого и начала двадцать первого столетий — Жуковского, Васнецова, Врубеля, Шишкина и многих, многих других! Всего общим количеством более сорока работ! А неповторимое народное прикладное искусство? И оно щедро пошло в дар народу России! Переоценить, нет, оценить всего художественного богатства, находящегося сегодня в глазуновском музее, для будущих поколений просто невозможно, ибо каждое гениальное творение рук человеческих бесценно!

Эй, вы, «штатные» и просто по дури клеветники гения! Назовите мне хотя бы еще одно имя, которое по душевной щедрости, по глубине любви к родному отечеству, к любимому народу, можно было, пусть

даже и с сильной натяжкой, сравнить с русским духовным великаном?! Не напрягайте ни сознание, ни память, ибо не назовете! И не потому, что не желаете, а потому, что такого просто-напросто в настоящее время в человеческой природе не существует. Но будем вдохновенно, ради сохранения преемственности в области величайшей живописи всех времен и народов, надеяться, что все-таки, может быть, в отдаленном будущем засверкает всеми гранями своего великого таланта кто-нибудь еще!

Как на небосклоне русской классической поэзии Александр Сергеевич Пушкин — наше все, так и в российской современной классической реалистической живописи имя Ильи Сергеевича Глазунова — не менее наше все, для тех, кто всем сердцем любит многострадальную и многонациональную, и потому — великую Россию.

Вскоре после эпохального, при огромном стечении приглашенных, считай, публичного открытия глазуновского музея, как-то вечером заезжаю в гости к хозяину «Русского посольства». За неспешным распитием чая после обсуждения живописных работ, выставленных дипломниками на ректорский просмотр, который, кстати, удался, как никогда, Ильи Сергеевич, как бы между прочим, посетовал, что нечем торговать в киоске, построенном без лишних архитектурных изысков сразу у входа — для удобства не только любителей

живописи, пришедших набраться русского патриотического духа от бессмертных полотен гения, но и для тех, у кого свободного времени хватает только на то, чтобы заскочить в музей с целью купить что-нибудь из репродукций любимого художника. Я от самого художника знал, что для ускорения реставрационных и строительных работ, чтобы, наконец-то, спустя семь лет после принятия решения о создании музея, открыть, по выражению Глазунова, центр русского самосознания, он все личные деньги, выручаемые за написание заказных портретов, потратил на оплату тех же отделочных работ, покупку штор, для оформления картин и так далее. Кстати, только на то, чтобы приобрести багет для изготовления более трехсот солидных рам, ушло свыше тридцати миллионов рублей!

Глубоко в душе проникнувшись озабоченностью художника, я, ни секунды не сомневаясь, так сказать, сходу, из сотворенного за многие годы упорного, титанического труда предложил ему за свой счет издать что-нибудь на данном этапе крайне необходимое, не требующее большого времени на исполнение. Илья Сергеевич очень обрадовался моему порыву и, заметно оживившись, деловито сказал:

— Было бы хорошо для небогатых, из животворящей глубины простонародья людей — поклонников моего творчества — издать репродукции полотен в виде открыток, а еще лучше — буклетов!

— Буклетов так буклетов! — согласился я. — Но возникает очень важный вопрос: каким тиражом издать цветные открытки?

— Знаете, Иван Иванович, — ответил Глазунов, — было бы хорошо массовым! Ведь вы сами не раз были свидетелем, что в музей по выходным дням из провинции люди приезжают целыми поездами!

— Что верно, то верно! Пятьсот тысяч хватит?

— Конечно! В наше скудное время такое количество открыток — можно сказать, предел моих мечтаний! Но коли вы оплачиваете издание полностью, то я хотел бы, чтобы и вы тоже вместе с нами, я имею в виду себя и Инну Дмитриевну, приняли самое активное участие в подборе самых значительных слайдов и в составлении буклетов! Не против?

— Буду только рад!

— В таком случае, чтобы не оттягивать издание, давайте завтра вечером соберемся в музее и там не спеша поработаем...

Так и поступили. С самого начала, рассевшись поудобней в просторном музейном директорском кабинете за довольно большим продолговатым с округлыми углами столом и выложив на него все принесенные слайды, мы, как и договаривались, втроем, я, Инна Дмитриевна и Илья Сергеевич, дружно посоветовавшись, решили подойти к составлению буклетов тематически таким образом, чтобы любитель живописи при желании мог за небольшие деньги озна-

комиться со всем творчеством любимого художника. Поскольку Глазунов в основном работал в пяти направлениях — это портрет, пейзаж, графика, исторические и современные картины, то и буклетов должно быть пять, по десять открыток в каждом. Мы с Инной Дмитриевной подбирали слайды и передавали их Илье Сергеевичу, по-обычному курившему одну сигарету за другой, на утверждение. Те слайды, которые, по его твердому усмотрению, необходимо было напечатать, он раскладывал по стопкам, а остальные невозмутимо возвращал нам, и мы вновь вдохновенно уходили с головой в работу — и так до тех пор, пока, наконец, все пятьдесят нужных слайдов не были тщательно отобраны. С какими-то внутренне я был согласен, с какими-то нет, но, как говорится, дело хозяйское! — и мне оставалось только подчиниться чужой воле и вкусу. Забрав пакеты со слайдами и тепло распрощавшись с четой Глазуновых, я, с решимостью как можно скорее найти подходящего издателя, отправился домой.

Назавтра, вдохновленный возможностью помочь другу, звоню своему новому московскому знакомому, не только известному прозаику, но и хозяину книжного издательства «Голос» Петру Алешкину:

— Дорогой товарищ, привет!

— Здравствуйте!.. А, Иван, это ты?!

— Он самый!

— Какими судьбами?!

— Да есть у меня к тебе одно очень серьезное дело, но, прежде чем о нем говорить конкретно, ответь мне на прямой вопрос: это верно, что ты совсем недавно выпустил в свет солидную монографию Льва Колодного «Любовь и ненависть Ильи Глазунова»?

— Вернее не бывает!

— В таком случае, как ты смотришь на то, чтобы принять и без писательской, привычной, тебе волокиты выполнить еще один, сразу замечу, очень ответственный, можешь считать, от самого Глазунова заказ?!

— Очень даже положительно!

— Ну, так вот, дорогой писатель-издатель, надо напечатать, причем как можно дешевле, поскольку речь идет о потенциальных покупателях из числа простонародья, как сам знаешь, в наше дикое, рыночное время еле сводящего концы с концами, в счет первой очереди не менее пятисот тысяч открыток, но объединенных в буклеты, по десять штук в каждом. Повторяю: заказ крайне ответственный! И должен быть исполнен в самые возможные краткие сроки! Не подведешь?

— Ну, конечно, нет! — тотчас отреагировал Алешкин. — Тем более что я еще раньше известной колодновской монографии выпускал большой альбом репродукций глазуновских картин. Только совсем дешево, извини, не получится, поскольку цветная печать, сам должен пони-

мать, во всем мире серьезных денег стоит.

— И все-таки, я прошу тебя войти в положение людей, благодарных читателей таланта Глазунова, а значит, и всего национального, многие из которых, повторяю, совсем не богатые.

— Ладно, ладно, что-нибудь придумаем...

— Значит, можешь сразу, как только составишь смету, подъехать ко мне для заключения соответствующего договора.

Через две недели я передал ему тщательно отобранные и рассортированные по буклетам все необходимые цветные слайды. И с нетерпением стал ждать выхода из печати открыток. Месяца через два, наконец, слышу в телефонной трубке довольный голос издателя Петра Алешкина:

— Иван! Можешь бежать в магазин за бутылкой — обмывать будем только что привезенные из типографии буклеты. Кстати, куда их везти, к тебе на работу или сразу в музей, к Глазунову?

— За добрую весть — благодарю, а обмывочный коньяк уже ждет тебя больше месяца в служебном холодильнике. Буклеты пусть пока полежат на складе, думаю, места много не займут, а после одобрения нашего с тобой доброго дела Глазунов сам ими распорядиться! А вот несколько экземпляров, если не трудно, привези ко мне прямо в кабинет, и как можно скорее, — словно пред-

чувствуя что-то недоброе, настойчиво попросил я.

— Договорились...

И все-таки мне хватило терпения, прежде чем, получив долгожданные открытки, пулей лететь к Глазунову, выпить с другом-издателем пару рюмок дорогого коньяка «Хеннеси», обсудить ряд вопросов по возрождению издания за счет Литфонда России серийной «Библиотеки поэта» современных поэтов, продолжающих работать в классическом стиле, да еще под редакцией самого выдающегося поэта современности Юрия Кузнецова! Может быть, за второй пришлось бы выпить и третью, и четвертую рюмку, но я вовремя посмотрел на часы и ахнул, поскольку они показывали конец рабочего дня! Торопливо попрощался с Петром Алешкиным, помог ему побыстрее одеться и вместе с ним вышел на улицу, где его ждал старенький, но вполне исправный верный «мерседес», а сам, махнув на метро, пешком от сквера имени Николая Гоголя отправился напрямик к Илье Сергеевичу домой на Новинский бульвар.

Никогда не забуду — стоял зимний вечер, московский воздух, насквозь пропитанный выхлопными, ядовитыми газами легковых и грузовых автомобилей, отравлял душу и вдыхался с трудом. Еще несколько дней назад выпавший снег, так и не убранный нерадивыми столичными хозяйственниками, превратил тротуары в сплошной ледовый каток. Каждый шаг по нему давался

с трудом, многие пешеходы, особенно пожилые, поскользнулись и больно падали, поднявшись, сначала вскрикивали, потом, поняв, что руки, ноги и голова, слава Богу, целы, поносили градоначальника. Низкое небо, сплошь затянутое промозглыми, черными тучами, грозило новым, еще более сильным снегопадом. Нахрапистый ветер, если вдруг злобно, словно собака, сорвавшаяся с цепи, и налетал, то ненадолго. А вот вороны противно и скрипуче неустанно каркали с утра до ночи по всем городским паркам и дворам, где одиноко ютились стайки голых берез и тополей, лишь на некоторых ветках, каким-то чудом уцелев в зимней заварухе, как маленькие сердца, трепетали светло-желтые листочки. А тут еще, на быстром ходу, огибая телеграфный столб напротив американского посольства, огражденного, как тюрьма, поверх высокой кирпичной, темно-красной стены, противопехотной колючей проволокой, я, поскользнувшись, всем телом грохнулся на «лужковский» каток — и об палку с острым концом, намертво вмерзшую в землю, порвал рукав только что купленной любимой женой в подарок меховой куртки. Но не столько душой расстроился, сколько увидел в этом дурной знак!

Илья Сергеевич, по-домашнему одетый в байковый халат, видать, тоже с нетерпением ожидавший исполнения моего обещания, двери открыл сам, и, дождавшись, пока

я быстро разденусь, сразу же повел меня на второй этаж, в гостиную. Там, продолжая приветливо улыбаться, словно в предощущении праздничного события, движением руки указал на стол:

— Иван Иванович, дорогой! Раскладывайте скорее свои подарки!

— Илья Сергеевич, да какие подарки! — радуясь в душе не меньше его, но тем не менее стараясь хранить спокойствие, ответил я. — Просто это моя посильная помощь в просветительской миссии во имя служения родному народу! Пусть это звучит пафосно, но зато от всей души, для которой ваша неутомимая деятельность останется до конца дней моих тем единственным верным примером, которым нельзя не вдохновляться!

И тут же поспешно начал вскрывать один за другим конверты с долгожданными открытками, восторженно, как самое дорогое, собственноручно изготовленное, показывая несколько из них довольно-ну, прямо сияющему белозубой улыбкой художнику. Но что это такое?! Он только мельком взглянул на них, и мгновенно на его добродушном лице сначала выразилось недоумение, потом — мрачное сожаление, готовое в любой момент обернуться — это было видно по вдруг ставшими колючими, как стальная щетка, глазам — негодованием, руганью — чем угодно, только не благодарностью! Не сказав мне ни одного слова, он, продолжая хранить

ледяное молчание, вдруг резко повернулся и, скользя рукой по перилам, быстро спустился по лестнице. «Во дела, так дела!» — еще раз недоуменно взглянув на открытки, не на шутку встревожился я. Но вскоре Илья Сергеевич вернулся, многозначительно держа в руках хорошо знакомый мне солидный альбом, который, как я знал, был издан на шикарной мелованной бумаге еще в далекие советские годы. Нервно открыв его на нужной странице, он поднес к репродукции одну из открыток и, подозвав меня, упавшим голосом прошептал:

— Иван Иванович, посмотрите внимательно на репродукции в альбоме, сравните их с принесенными вами открытками, и все поймете сами.

Хотя в то время у меня не было большого опыта работы с цветным печатанием, но, посмотрев, я и в самом деле сразу понял озабоченность художника, а, поняв, чуть не взвыл от досады! Цвета напечатанных на многих открытках репродукций совершенно не соответствовали оригиналам! К примеру, там, где должен быть желтый цвет, в глаза кричаще бросался красный! Так сильно, как подвел меня Петр Алешкин, еще никто за всю жизнь не подводил! Мою бурю негодования про себя прервал суровый, какой-то чужой, совершенно не известный мне прежде голос Глазнова:

— Вы сегодня знаете, что сделали? Вы сегодня плюнули мне в ли-

цо! Сразу предупреждаю: если ваш друг Алешкин открытки пустит в продажу, я буду вынужден подать в суд! Место этому браку — на свалке!

Я от стыда, буквально прожигавшего мои щеки плазменным огнем, был готов провалиться сквозь землю! Руки била мелкая нервная дрожь, сердце тяжело, словно из последних сил, колотилось, в горле стоял ком отчаянья. И все-таки, призвав на помощь волю, я от всей души, на которую только был в том состоянии способен, извинился и, прогрохотав каблуками ботинок по ступеням, спустился в переднюю, чуть ли не на ходу сорвав с вешалки дубленку, быстро оделся и пулей вылетел на улицу. Илья Сергеевич, видать, и впрямь был настолько раздосадован, что я от него себе вслед не услышал ни слова поддержки или сожаления. В душе я одновременно чувствовал злость на опростоволосившегося частного издателя Петра Алешкина и пусть небольшую, но обиду на художника! Ведь я так искренне, всей душой хотел ему помочь. Увы, увы, увы...

Злость, смешанная с обидой, враз обратилась в такое угнетающее чувство, что меня бросило в жар, и я мгновенно вспотел и распахнул куртку в надежде, что, так как до метро путь не близкий, я постепенно успокоюсь и внутренне остыну. Но жар не проходил, хотя я уже и прошагал весь путь до метро, пот, превратившись в ледистый, игольчатый иней, обметал лицо, повис на бровях и

ресницах. Сев в подошедшую электричку, битком набитую разношерстным народом, я проехал до своей станции и, наконец, быстрым шагом подошел к воротам родного дома. Лишь оказавшись в уютной обстановке квартиры, раздевшись и пройдя в свой кабинет, обведя взглядом многочисленные корешки любимых книг, в которых заключены человеческие бесценные моральные и духовные ценности, по сравнению с которыми любая жизненная суета меркнет, как снежный ночной слабый отблеск перед солнечным золотым полыханием, я понемногу успокоился — сердце забилося ритмично, мысли потекли ровно: «Что ни говори, какие объяснения ни приводи себе в оправдание, но уж в самом деле дал я маху, так дал!.. Но ведь исключительно по своей вине, заключавшейся в том, что, желая сделать доброе дело, нарушил неоспоримо верную заповедь: «Семь раз отмерь и только потом отрежь!..» Да и, вот еще дурья башка, кому, в конце-то концов, доверился? Опытному издателю? Вроде бы да!.. Но если без всяких оговорок, скидок, условностей?.. Просто одному из писателей! А ведь они все, за редким исключением, чем талантливей пишут романы, повести, рассказы, да и стихи тоже, тем как бы безответственной относятся к не собственному им производственному процессу, к примеру, того же изготовления печатной, тем более цветной, продукции... И все потому, что,

находясь в постоянном творческом, как бы потустороннем состоянии, требующем от настоящего писателя такого количества сосредоточения духовных и физических сил, что на другое дело, каким бы оно важным ни было, их в необходимой мере просто не остается! И я, писатель, должен это объяснять себе — ну, не глупо ли? Глупо, сто раз глупо!»

Но не зря сравнивают жизнь с тельняшкой — за черной полосой в обязательном порядке следует светлая, — вот благодарная жизнь в скором времени, как бы в искупление непорочной вины, предоставила мне еще один важный случай серьезно помочь художнику. Илья Сергеевич давно страстно хотел издать отдельным изданием полное собрание древних икон, по своей культурной значимости вряд ли имевшее аналог в России, с авторским искусствоведческим предисловием на двух языках: естественно, русском и английском. Я снова, словно за свою прежнюю поспешность и скоропалительность не был сурово наказан судьбой, едва вникнув в суть дела, решительно вызвался принять в этом ответственном мероприятии самое активное участие. Но при обсуждении макета будущего альбома, запомнив до конца дней своих неудавшуюся попытку издания открыток в буклетах, поставил ребром не обсуждаемое условие:

— Илья Сергеевич, я со своими верными друзьями, занимающимися частным — и особо подчеркнул:

честным! — бизнесом, охотно профинансируем в полном объеме издание собрания ваших древних икон, если вы сможете выкроить каким-то чудом из своего плотного рабочего графика такое количество времени, которого хватило бы в полной мере для того, чтобы вы лично в случае необходимости могли, образно говоря, ночевать у печатной машины вашего старого знакомого!

— Во-во! А я буду бутерброды подвозить! — шутливо вступила в разговор Инна Дмитриевна, и в этот раз, как в любой другой, требующий ее постоянного строгого догляда, находившаяся с нами.

— Да подожди ты шутить! — злобиво одернул жену Илья Сергеевич. — Тут все хорошо обдумать надо! Нет, конечно, я согласен на печатание альбома, дело в другом — когда именно приступить к этому! — И стал вслух рассуждать: — В мае я должен закончить заказной портрет, в июне в академии защита дипломных работ, а вот в июле... в июле, если задержаться с отлетом на Канары, то, пожалуй, и можно выкроить время на альбом. — И, уже обращаясь к нам, решительно произнес: — Да, в июле я точно сумею заняться своим альбомом! Только и в это время я не могу надолго оставить свою академию и наконец-то открывшийся с таким трудом музей, да и новые работы давно пора заканчивать.

— Значит, несмотря на полный развал печатного производства, по

крайней мере, в столице, надо именно в ней и найти типографию непосредственно поближе к вашему дому, то есть где-нибудь в центре, но такую, чтобы ее печатные мощности смогли бы выдать «на гора» репродукции высокого качества, в любом случае и при любых обстоятельствах не хуже, чем, скажем, в Финляндии, в Словении или в Италии!

— Иван Иванович, к счастью, такая типография есть, это на улице Валовая! «Первая образцовая типография», ее директором является мой старый знакомый Семен Петрович Сорокин, очень порядочный человек, дело, как свои пять пальцев, знающий! От дома совсем недалеко, поэтому, как вы выразились: «Ночевать у печатной машины!» — я смогу когда угодно и сколько угодно! Лишь бы издать, дорогой ты мой друг, лишь бы издать!

Скажу честно, хоть я, как и положено, крещеный, к тому же и глубоко верующий, но, к своему несчастью, во многих вопросах православной религии небольшой знаток. Все же на издание собрания икон меня решительно подвигло горячее сознание, что человеческая душа Создателем устроена так, что она, вечно живая, не может жить без веры в Бога, в не проходящие святыни, которыми являются и старинные иконы. С глубоким знанием дела в предисловии к альбому Илья Сергеевич приводит высказывание Иоанна Дамаскина, жившего в VIII веке: «Икона является для зрения тем, чем является слово

для слуха, Она — божественное явление, и ее символическая сущность дает нам представление о Божестве. Я иду в церковь, которая есть прибежище души, я смотрю на святые иконы, и моя душа просвещается». Здесь, как говорится, какие-либо комментарии излишни. Ибо, навсегда проникнувшись до глубины души этим поучительным высказыванием, остается только одно: служить вере Православной, Создателю всего сущего до конца дней своих.

Альбом с репродукциями икон, собранных Ильей Сергеевичем Глазуновым, под названием «Русская икона» вышел в свет в 2006 году. Не знаю точно, сколько духовных и физических сил отдал русский поборник святости сему изданию, но по содержанию и по качеству собрание является настоящим художественным и печатным шедевром. Его значение в возрождении национального православного духа трудно переоценить! И я бесконечно счастлив, что в этом великом миссионерском деле есть и мое определенное, поборническое участие. Не зря же волей Ильи Сергеевича на титульном листе напечатано красными буквами: «Выражаю признательность за издание этой книги Ивану Ивановичу Переверзину».

14

Неоднократно я помогал Глазунову решать и кадровые проблемы, которые вставали перед ним по воле случая, или он сам их, несмотря на

почтенный возраст, как руководитель академии, создавал. Сразу же после открытия музея его имени у Ильи Сергеевича, к сожалению, не сложились нормальные, рабочие, доверительные отношения с его директором, пожилой женщиной, пусть и опытным специалистом своего дела, но, в силу преклонных лет, как казалось художественному руководителю Глазунову, не справляющейся со своими обязанностями. Я внимательно пригляделся к отношению Ильи Сергеевича с директором и понял, что он ей просто не доверяет, но, учитывая ее профессиональный опыт работы в музеях и авторитет, которым она пользовалась у начальства департамента культуры столицы, не решался сразу освободиться от нее, а для начала захотел найти такого человека, который бы и профессионально исполнял свои обязанности, и доглядывал за директором. Иными словами, ставил бы в известность обо всем, что происходит в музее во время его отсутствия. К этому времени как раз встал вопрос о новом бухгалтере музея. И Илья Сергеевич попросил меня помочь ему как можно быстрее подыскать подходящую, во всех отношениях порядочную кандидатуру. Найти толкового человека, особенно в то сложное время, когда вор на воре сидел и вора погонял, было практически невозможно — на работу бухгалтеров брали исключительно по рекомендации людей, которые действительно пользовались

полным доверием. Честно сказать, я сам как руководитель Литфонда России испытывал большую трудность в нехватке хотя бы еще одного бухгалтера для организации, но когда у меня появилась достойная кандидатура профессионального, с опытом работы специалиста, я, пусть и с сожалением, но все-таки посчитал, что старшему другу надо помочь в первую очередь! И сегодня, спустя годы, рад, что мой протеже до сих пор работает в музее, — и Илья Сергеевич был им очень доволен, о чем сам мне неоднократно и откровенно высказывался.

Второй раз моя помощь была связана с увольнением Глазуновым в академии со своих должностей сразу нескольких административных работников, если мне память не изменяет, — бухгалтера, начальника отдела кадров и кладовщика, за недобросовестное отношение к своим трудовым обязанностям. Все трое — женщины, матери детей, которых надо одевать, кормить, давать образование, то есть причина их увольнения должна быть самой крайней мерой и, конечно, с непременным соблюдением трудового законодательства! К примеру, я, проработав на руководящих должностях более тридцати лет, уволил только одну женщину, работавшую в совхозе «Нюйском» главным бухгалтером, считай, моим первым финансовым заместителем. Но ее увольнение как раз и было той крайней мерой, не применить которую непо-

зволительно преступно, поскольку главный бухгалтер без зазрения совести, как в свой личный, нагло залезла в карман государству! Но прежде чем издать соответствующий приказ об увольнении, я провел в рабочем порядке ревизию в отношении ее профессиональной деятельности, которая подтвердила не только хищение государственных средств, но и вскрыла целую систему, позволявшую длительное время в личных, корыстных целях злоупотреблять своим служебным положением. В обстоятельно изложенной докладной сообщил об этом вышестоящему руководству и, получив от него необходимое согласие, уволил вороватую бабенку! Сколько она потом ни писала заявлений во все правоохранительные органы о том, что ее якобы незаконно уволили, но не одним судом на работе не была восстановлена!

А Илья Сергеевич Глазунов скоропалительно, только потому, что трое ответственных административных работников, по его личному мнению, не добросовестны, без какого-либо обоснования своих действий как ректор издал чисто волюнтаристский приказ об их увольнении. Расплата за незаконные действия не заставила себя долго ждать — все трое уволенных подали соответствующие иски в суд и были восстановлены на работе с выплатой заработной платы за вынужденные прогулы! Для ректора академии это обернулось чуть ли не душевной катастро-

фой, поскольку он, когда я пришел в гости и мы сели за стол, нервно куря одну сигарету за другой, обратился ко мне, как к какому-то спасителю:

— Иван Иванович! Вы представляете, суд их восстановил! И теперь они, приходя на работу, со мной даже не здороваются! По академии распространяются среди административных работников порочащие меня слухи! В таких условиях работать невозможно!

— Илья Сергеевич, а я-то тут при чем? Прежде чем в спешном порядке издавать приказ об увольнении, надо было посоветоваться с опытным юристом! Кстати, в академии он есть?

— Откуда! Нет, конечно!

— Это очень плохо, поскольку, извините, любой хороший руководитель в наше сложное время, да и всегда, должен в первую очередь, скажем так, танцевать от бухгалтерии и юридического отдела.

— Вы хотите сказать, что я плохой руководитель?

— Извините, Илья Сергеевич, но случай с увольнением сразу трех работников, к сожалению, говорит именно об этом! Неужели вы и в самом деле не понимаете, что успешно работать с живым материалом, извините, с людьми может любой образованный человек? Думаю, что нет! В таком случае вспомните: талант руководителя не менее значимый, чем писателя или художника, но при этом несоизмеримо ответственной, ибо если любой творец отвечает

только за себя, то начальник, даже самого низкого уровня, — за многие человеческие судьбы, именно от него в огромной степени зависит, как они, в конце концов, сложатся — хорошо или плохо!

Сделав прямо в лицо Глазунову такое резкое, но справедливое заключение, я думал, что уязвленный ректор забурлит круто, как кипятик, как ошпаренный, разразится руганью, но сложившаяся в академии рабочая обстановка, видать, и впрямь, в связи с неверным увольнением сотрудниц, была такой невыносимой для Глазунова, что он, словно не услышав мои справедливые, но очень обидные слова, снова попросил:

— Иван Иванович, еще раз убедительно прошу вас помочь мне уволить этих непорядочных работниц! Никогда не поверю, что вы, такой опытный и грамотный руководитель, что-нибудь не придумаете!

— Хорошо, я помогу вам, вернее, не я, а моя хорошая знакомая, перwokлассный юрист, но только при одном условии — что ваши сотрудницы действительно заслуживают увольнения!

— Ах, как же я вам, Иван Иванович, буду благодарен!

Назавтра я пригласил свою хорошую знакомую Инну Викторовну Фомину, как говорится, юриста от Бога, и попросил ее, несмотря на страшную занятость, все же выкроить время для правовой помощи моему другу. К счастью, она не смогла мне отказать. Где-то через месяц раздает-

ся ее долгожданный и, я не сомневался, добрый звонок:

— Иван Иванович, здравствуйте!

— Здравствуйте, Инна Викторовна!

— Я звоню сообщить вам, что всю необходимую работу в строгих рамках закона я выполнила — сотрудницы, так досаждающие Илье Сергеевичу, действительно допустили в своей работе очень серьезные упущения, в том числе, как и вы говорили, материальные, — их без зазрения совести можно по закону увольнять.

— Спасибо за помощь, но ты должна быть готова к тому, что, если их снова Глазунов уволит, они, вдохновленные предыдущей победой — восстановлением на работе, да еще с выплатой компенсации, снова подадут иски в суд! И придется под прокурорским надзором в полном объеме обосновать ректорский приказ о вторичном увольнении...

— А я всегда готова, потому что работаю исключительно в рамках закона! В данном случае он на стороне ректора!

— Хорошо! Только я прошу тебя необходимый приказ, основательно обосновывающий причину увольнения, написать самой! Ладно?

— Конечно!

Разговаривая с Инной Викторовной, я как в воду глядел: уволенные сотрудницы, не медля ни дня, по новой обратились с исками о восстановлении на работе, но на этот раз безуспешно.

Обрадовался ли я этому, скажем так, очередному успеху Ильи Сергеевича? Честно говоря, нет, поскольку по опыту, как человек, проработавший много-много лет на руководящих должностях, осознал одно: начальник, в первую очередь, воспитатель, а, извините, не каратель, тем более, если вопрос касается прекрасной половины человечества, да еще и обремененной материнской заботой о родных детях!

Кадры, особенно те, кто отвечает за организацию производства, при любой политической системе решают все! И это неоспоримое правило я усвоил для себя раз и навсегда с первых же лет своей руководящей деятельности. Поэтому первое, чем начальник обязан заниматься на вверенной ему должности — это работать с теми специалистами, которые есть, если хотите, учить и даже воспитывать их! Менять же работников, как перчатки — дело совсем не благородное, ибо обрекает на впустую потраченное время и глубокую досаду на самого себя.

Придя на работу в Международный литфонд, я очень долго искал бухгалтера-ревизора, то есть очень опытного, умного, а самое главное, грамотного специалиста. И судьба в скором времени улыбнулась мне: такой человек появился в моем рабочем кабинете в качестве как раз желаемого работать ревизором. И была этим человеком Светлана Колотовкина, женщина еще весьма молодая, стройная, высокого роста,

с умными, кажущимися под очками в коричневой оправе очень большими, красивыми карими глазами, с густыми волосами, водопадом спадающими на плечи, с рассудительной спокойной речью, что говорило о ясном и глубоком течении ее светлых мыслей. За то короткое время, которое Светлана проработала под руководством главного бухгалтера в Литфонде, она зарекомендовала себя исключительно с положительной стороны. Скажу честно, я не мог нарадоваться, что именно в возглавляемой мной общественной организации работает такой замечательный, душевный человек и первоклассный специалист!

Но, как всегда неожиданно, позвонил Илья Сергеевич и попросил меня помочь ему в составлении нового устава музея его имени. Я, конечно, охотно откликнулся и, даже не раздумывая, уверенный, что не буду посрамлен в глазах друга, командировал на несколько дней к Глазунову своего крайне ценного специалиста Светлану Колотовкину. Как всегда, на совесть и достаточно быстро выполнив порученную серьезную работу, она возвратилась в Литфонд, но буквально через несколько дней положила на мой рабочий стол заявление об уходе по собственному желанию.

— Светлана, какое увольнение? Ты что, белены объелась? И почему без объяснения причин? — удивленно спросил я.

— Иван Иванович, и все-таки я настаиваю на своем!

— Почему, объяснить можешь?

— Дело в том, что мои родственники организовали частное коммерческое предприятие, и им нужен, как вы сами понимаете, бухгалтер.

— Хорошо! Как говорится, рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше... А зарплату-то тебе, если не секрет, обещают большую? — поинтересовался я, надеясь, что смогу платить больше.

— Достойную, такую в Литфонде никогда не смогу получить!

— И все-таки?

— Семьдесят тысяч рублей в месяц!

«Да, — подумал я, — такой высокой зарплаты, по крайней мере в настоящее время, наша писательская организация, государством не финансируемая, платить точно не в состоянии». И потому мне ничего не оставалось, как только, скрепя сердце, подписать заявление.

Некоторое время спустя я был приглашен на одно праздничное мероприятие, проводимое Глазуновым по случаю двадцатилетия со дня открытия академии. И каково было мое удивление, когда я увидел Светлану Колотовкину, которая в качестве помощника Ильи Сергеевича хлопотала по приему важных гостей, распоряжалась работниками, занятыми обслуживанием их по высшему разряду! Как обычно, тепло поздоровавшись с ней, я в тот вечер сделал вид, что ничего плохого с ее сто-

роны по отношению ко мне не произошло. Но спустя неделю или две я встретился с нашей общей знакомой и поинтересовался у нее:

— Слушай, Люда, вы со Светланой Колотовкиной закадычные подруги, о тесной дружбе которых обычно говорят: «...Водой не разольешь!», поэтому ты не можешь не знать истинной причины ее ухода из писательской организации, не деньги же двигали ею?!

— Все может быть! — как-то уж очень уклончиво ответила Людмила, но, помолчав, добавила: — Тем более что Илья Сергеевич кроме высокой зарплаты обещал ей приличные ежемесячные премиальные!

И все-таки я был склонен считать, что одной из моих лучших сотрудниц, повторяю, очень профессионально грамотной, двигали не деньги в принятии решения ухода на другую, совсем ей незнакомую работу, а то, что в новой для себя должности она в первую очередь увидела возможность своего духовного и образовательного роста! А ее ложь в отношении частного предприятия можно легко отнести к той особенности женского пола, когда они просто не находят в себе сил сказать сущую правду... Таким образом я не то, чтобы с легкостью оправдал Светлану Колотовкину в своих глазах, но позволил себе лишний раз, так сказать, не заморачиваться в этой и без того крайне суровой, крайне жестокой современной жизни. А вот о Глазунове, своем друге,

с тяжелой душой удрученно подумал: «Ах, Илья Сергеевич, Илья Сергеевич! В отношении меня вы поступили, как очень слабый человек, о порядочности я уже не говорю. А может быть, и правда, вы только стараетесь духовно казаться железным?»

15

К великому сожалению, даже в самой крепкой мужской дружбе между двумя личностями с сильными, волевыми характерами жизнь не может протекать в равновесии и в покое, как равнинные, полноводные реки. Рано или поздно, но, как говорится, коса находит на камень...

В тот памятный день, не знаю, какая злая муха меня укусила, или просто утром я и в самом деле встал не с той ноги, но вечером, после работы, очень изматывающей, прежде всего, психологически, находясь в гостях у великого друга, за ужином, протекавшим в умиротворенном спокойном ключе, вдруг сорвался... Илья Сергеевич Глазунов, как и много раз прежде, без какого-нибудь выделения тоном речи или мимикой лица в деловом разговоре применил в отношении меня слово «должен». Ну, применил и применил, что тут такого, но вдруг, неожиданно для самого себя я, как хорошо отлаженный двигатель, в душе завелся с пол-оборота и, не думая скрывать этого, чересчур эмоционально воскликнул:

— Илья Сергеевич, в нашей суровой, не всегда честной жизни я строю

свои деловые и личные отношения с людьми так, чтобы вовремя и в полном объеме оплачивать все свои счета, какими бы они большими ни были, поэтому никому, в том числе и вам, ничего не должен!

Ему бы тут, как более опытному, убеленному сединами человеку, промолчать, дать мне выговориться или постараться перевести разговор в другое русло, но, видно, и он тоже встал не с той ноги:

— Вы это серьезно?!

— Какая разница, ибо для меня вообще не существует такого, как я считаю, обидного слова, как «должен», а коль все же оно существует, то просто не считаю для себя важным использовать его в разговоре, тем более с людьми, которых уважаю! Я предпочитаю ему другое — «обязан», и то, если только речь идет о нашем многострадальном Отечестве!

— А почему?

— Потому хотя бы, что, как сказал один очень известный поэт, «... Родину не выбирают,/ С ней живут и умирают...» А в результате того, что мне пришлось одно время очень часто по долгу чиновничьей службы бывать за границей, где я на собственной шкуре сполна убедился, что без земли, на которой однажды родился, которая, как степная кобылица, вскормила и вспоила меня своим богатырским жизненным молоком, любая душа, даже последнего отступника или мерзкого предателя, умирает, поскольку обрываются глубинные корни, которые питали

ее живительным соком Отечества! А без души — нет и самого человека!

— А родители ваши, кровно родные? Неужели вы и им ну совсем ничего не должны, или, как там, по-вашему, — не обязаны?

К этому времени я уже понимал, что, как проржавленная гайка, сорвался с резьбы, но остановить себя, увы, не мог.

— Что — родители? И им, конечно, тоже! — резко ответил я. — Подумайте сами — два любящих друг друга человека по обоюдному согласию обзавелись ребенком, к примеру, мной. Но ведь мог бы родиться кто-то другой и не мужского, а женского пола. Хорошо, что благодаря вынесенной из страшных лишений и страданий железной воле, при напряжении всех своих духовных и физических сил, назло судьбе, я все же стал вполне счастливым человеком. Но не желаю даже врагу испытать на себе всего того, что пришлось пережить мне в таком напряжении, что когда-то я даже с горечью не раз и не два подумывал о том, чтобы дожить хотя бы до тридцати лет. И поскольку ничего даром даже на йоту не дается, то в будущем мне еще придется пережить вновь такие душевные и физические муки, о которых сегодня, к сожалению, можно только догадываться! Понимая это, я по собственному убеждению помогаю другим, в первую очередь, попавшим в жизненную беду, неважно, просят об этом люди или нет. А не задайся почему-то у меня жизнь во-

обще, то я бы мучился ежедневно так невыносимо сильно, что проклинал бы тот день, когда однажды появился на свет! И получается, что, если я считал бы себя обязанным только родителям за счастливую жизнь, значит, должен быть обязан и за все несчастья, обрушившиеся на меня, как горный камнепад. И сурово проклинать день рождения свой, а значит, и их! Так, что ли? Нет, извините, не обязан делать ни первое, ни второе!

— Пусть будет так! Но интересно знать, чем тогда в остальных случаях, не относящихся к Отечеству, вы руководствуетесь?

— Убеждением! И только убеждением! Поскольку любая слепая помощь, как и слепая любовь, кроме вреда ничего принести не может!

В таком духе я говорил, говорил и говорил. А Илья Сергеевич в ответ старался переубедить меня, как мог, в тех суждениях, которые казались ему особенно неверными. Слава Богу, что нам обоим хватило культуры поведения в не на шутку разгоревшемся жарком споре — мы в глазах друг друга не опустились до перехода на крик и ругань.

По привычке я посмотрел на часы — и ахнул! Время уже давно перевалило за глухую полночь. Метро уже не работало, и я подумал: «Ладно, поймаю какое-нибудь такси или доберусь до дома пешком, тем более что ходьба является одним из самых моих любимых увлечений!» Одновременно с этим я почувствовал страшную усталость, как будто не языком

болтал, а разгружал вагоны с щебнем. Видимо, поэтому сознание мое притупилось, желание спорить и во все пропало. Какое-то не совсем понятное чувство вины за свое не совсем умное поведение стало закрадываться в душу. Мне захотелось как можно скорее встать и уйти!

Поспешно, даже как-то скомканно поблагодарил за вкусный ужин Инну Дмитриевну, которая, к своей женской чести, за все время спора между двумя мужчинами не проронила ни слова. По лестнице быстро спустился на первый этаж в переднюю, порывисто подошел к вешалке, представлявшей обычную высокую металлическую подставку с крючками, надел пальто с шапкой и, открыв дверь, уже вышел на порог, как вдруг Илья Сергеевич, все это время молча следовавший за мной, громко окликнул:

— Иван Иванович, постойте! В отличие от вас, я просто должен в такое позднее время доставить своего друга до дома!

И показав рукой на свой серебристый «мерседес», стоящий у самых ступеней крыльца с работающим двигателем, попросил сесть в салон. Его просьба была произнесена таким напряженным голосом, что я испугался за здоровье друга и тотчас согласился:

— Илья Сергеевич, не волнуйтесь, я, как всегда, с радостью принимаю ваше предложение! До свидания! И спокойной ночи! — Хотел еще примирительно добавить, что

милые бранятся — только тешатся, да промолчал.

— И вам, Иван Иванович, хорошо выспаться...

Эти слова можно было справедливо продолжить назидательным пожеланием: «...Чтобы утром вновь не встать не с той ноги!..»

Тем не менее, я понял, какой смысл был заключен в словах: «Хорошо выспаться...», но самообладание и здравый смысл к этому времени сполна снова вернулись ко мне. Уже подъезжая к своему дому, я вдруг вспомнил, что однажды, в далеком прошлом, одна очень известная, имеющая высшее медицинское образование ясновидящая всего-то по пульсу предсказала мое будущее: «Вы должны твердо знать, что предстоящий жизненный путь усыпан не розами, а камнями с очень острыми гранями, каждый шаг по ним — через собственные боль, кровь, страдания, но — не смерть, ибо до конца жизни вас будет охранять путеводная, исполненная надежды, звезда. Уверовав в нее, вы достигнете многого, в том числе и в творчестве! Главное для вас — как бы вы больно ни падали, во чтобы то ни стало, должны вставать и идти дальше!»

А что — все верно предсказала. Но все же я обратился к Господу: «Ну, почему в этот вечер Ты отвернулся от меня, ну, почему?!»

Понимая, что из уютного, теплого салона «мерседеса» вряд ли я смогу расслышать голос Всевышнего, самоуверенно ответил себе сам:

«Да потому, чтобы в следующий раз не совершить более серьезной, может быть, даже самой трагически непоправимой ошибки...»

Но, слава Богу, жизнь на месте не стоит, одни события следуют за другими, радости чередуются с горестями — и время, в конце концов, словно подорожник рану, лечит душу. Да и кто старое вспомнит, у того глаз — вон! Хотя — а кто забудет, у того два! И все-таки главное — не заикливаться на неудачах, учиться на своих и чужих ошибках.

16

Россия по сравнению с другими великими империями, такими, как Римская и Византийская, сформировалась как самостоятельное государство значительно позже — счет времени здесь идет не на века, а на целые тысячелетия. На средиземноморском острове Крит раскопки прошлого столетия, проведенные знаменитым английским археологом, доказывают, что еще четыре тысячи лет тому назад в Европе существовало мощное государство с грозным царем Миносом, с собственным многочисленным флотом и армией, с развитой международной торговлей. Дворец, который служил царю и его многочисленной придворной прислуге величественным жильем и резиденцией, был, на наше сегодняшнее удивление, хоть и с деревянными перекрытиями, но четырехэтажным, не считая просторных подвальных

помещений со световыми колодцами, в которых располагались разного рода кладовые, хранилища, погреба, в том числе и винные, и полностью построенным из местного, как бы слоеного камня. Многочисленные помещения, комнаты и залы с окрашенными в красный цвет конусообразными мощными и высокими колоннами, воздвигнутыми по всему периметру, имели своеобразные световые окна, которые позволяли им до захода солнца быть достаточно освещенными. Во дворце существовала целая инженерная система не только канализации, но и подачи воды для хозяйственных и питьевых нужд, которая из высокогорного источника, находящегося от дворца на расстояние более двадцати километров, подавалась по трубам, изготовленным вручную из обожженной глины!

Мысленно окинув, что происходило в это же далекое-далекое время на моей суровой родине, я даже вдохновился на написание стихотворения «Два мира»: *«Четыре тыщи лет назад,/ иль две до эры нашей,/ на этом месте, говорят,/ один другого краше,/ дворцы стояли, бил фонтан,/ и птицы — распевали./ Сюда из самых разных стран/ торговцы приплывали,/ оливки, дыни, виноград/ за море шли, оттуда — / других товаров целый ряд: / железо, щелк, посуда.../ Без лишних бед здесь жил народ,/ но, помня час суровый,/ всегда держал огромный флот,/ к боям с врагом готовый./ А в это время на другом/ конце земного ша-*

ра,/покрытая в три слоя льдом,/ земля моя — дрожала./ Из края в край, из века в век/ на ледяных просторах/ пурга кружила жгучий снег,/ мороз трещал, как хворост.../ Рассвет, как сильно ни пылал/ огнем лучей багряных,/ как будто в глине, увязал/ в густых, пустых туманах./ Ни человека. Бездна. Глушь./ И следа — никакого,/ что обитал хотя бы уж/ до мрака — ледяного».

Особенно меня, как любителя и собирателя живописи, поразил тот факт, что царские покои Миноса, огромные помещения для проведения празднеств, тронный зал, где решались самые важные государственные вопросы, принимались послы, были по стенам украшены красочными рисунками животных, людей, сюжетными сценами охоты, битв и так далее. Из многих цветов, можно смело сказать, тогдашней живописи преобладали четыре: белый, красный, синий и коричневый! Я был бы удивлен еще больше, если бы не точно знал, что разноцветные краски уже в то далекое время, хотя и делались из каменного порошка и тертых растений, но имели многочисленные оттенки, позволявшие художникам придавать большую выразительность настенным рисункам!

Бесспорно, что еще до обретения государственности многочисленные русские племена, населяющие огромные территории, успешно развивались в культурном плане — имели свой язык, письменность, обычаи, сказания... О высоком уровне куль-

туры говорит даже сам факт Крещения нашей Руси лишь в 987 году. Прежде чем принять православную веру и неукоснительно следовать ей, князь Владимир вместе со своими боярами изучили, практически, все религии, существовавшие на свете в то время, но пришли к выводу, что для русской души лучше других подойдет христианство, то есть истинно православная вера в Бога Живого. В России, ставшей самостоятельной страной, эволюционное развитие культурных процессов после принятия христианства значительно ускорилось. Что же касается непосредственно самого живописания красками, то оно ярко выразилось в иконописании и выдвинуло таких выдающихся мастеров, как Андрей Рублев и Феофан Грек. Светская живопись в древней Руси, скорее всего, из-за устоявшейся за многие века простоты боярских внутренних убранств в основном деревянных хором, не получила распространения.

Но большие планы создания в России академии собственных художеств по образу и подобию французской задумал еще Петр Первый. Пусть лишь за год до смерти, но он издал глубоко продуманный указ «Об академии, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам» Это петровское начинание после его смерти было воплощено в жизнь как художественное отделение Академии наук, а к середине XVIII века было преобразовано величайшим императорским ука-

зом в граверно-рисовальную школу. Перспективное развитие просвещения русского в целом подвигло одного из передовых людей своего времени графа И. Шувалова убедить верную дочь Петра Великого Елизавету в необходимости завести «Особую трех знатнейших художеств академию». Он предполагал открыть ее в Москве, при задуманном им университете, но в результате Академия художеств была учреждена в 1757 году в Санкт-Петербурге, хотя в казенных бумагах первые шесть лет числилась при Московском университете, который возглавлял сам граф. В столице академия первоначально из-за отсутствия подходящего здания, которое соответствовало бы по планировке и размерам задуманному назначению, размещалась в особняке самого Шувалова на Садовой улице. И с 1758 года здесь начались учебные занятия, которые вели в основном приглашенные из-за границы, уже ставшие широко известными в Европе, художники и скульпторы. Учебный курс ученым советом был рассчитан на целых долгих девять лет и кроме живописи включал изучение искусства гравюры, портрета, скульптуры, архитектуры. С 1760 года лучшие выпускники на казенные средства стали отправляться на длительную стажировку за границу, в основном в такие страны, как Италия, Франция и Германия.

Только в 1758–1788 годах по совместному проекту архитекторов

А Кокорина и Ж. Валлен-Деламонта на Васильевском острове для академии было наконец-то построено специальное здание по адресу: Университетская набережная 17. В величественном здании академии даже имелась домовая церковь св. Екатерины. Однако окончательно внутренняя отделка внутренних помещений была завершена лишь к началу 1817 года. Из государственной казны денежные средства для нужд академии сначала представлялись очень скудными — всего шесть тысяч рублей в год. Но и здесь Шувалов проявил себя настоящим государственным и патриотом — на личные средства ему удалось за короткое время высоко поднять авторитет своего грандиозного детища — академии, в основном потому, что им были с высочайшего позволения в качестве преподавателей приглашены лучшие художники из Франции и Германии, которые заложили перспективные основы высокого уровня образования. Вот что пишет об этом великом сподвижнике, гражданине и патриоте земли Российской Илья Сергеевич Глазунов: «Россия должна вечно помнить имя И.И. Шувалова, который сделал столь много для развития «свободных художеств российских», явившегося создателем при академии музея слепков с наиболее замечательных скульптурных произведений Греции и Италии».

Как показало время, с счастливым для России приходом к власти Екатерины II произошло полное уч-

реждение Императорской академии художеств в 1763 году. И государственное финансирование ее сразу же было увеличено в целых невиданных прежде десять раз! В 1800 году академию возглавил богатый меценат А. Строганов, поднявший ее образовательный уровень на еще более высокую художественную ступень. При нем, дополнительно к изначальным имеющимся, появились медальерный и реставрационный классы, необходимость в которых была определена самим временем. В качестве вольноприходящих слушателей в академию даже стали допускать крепостных молодых людей с ярко выраженным художественным талантом. Об этом славном времени укрепления российской могучей державности, и особенно в культурной области, Илья Репин в одной из своих, получивших широкую известность, мемуарных художественных работ со всей присущей ему светлой прямооткровенностью вспоминал: «Вместо прежнего замкнутого пениона, куда нередко поступали десятилетние дети ближайших к академии чиновников, мастеров и тому подобных, без всякого художественного призвания, и воспитывались там по всем правилам псевдоклассического искусства, совершенно оторванные от реалий жизни, теперь, когда в академии были уже приходящие вольнослушатели, в нее потянулись со всех концов России талантливые юноши разных сословий и возрастов. Тут были и полуобразован-

ные мещане, и совсем невежественные крестьяне, и люди с университетским образованием; но все они шли сюда уже по собственному влечению и несли свои идеи. Они оставались под неизгладимым впечатлением своих местных образов, чисто русских. Понятно, что высшая академическая премудрость казалась им сухой и неинтересной, они плохо понимали ее. Чужды были им вечные римские идеалы. Они были искренни и, как русские люди, не могли притворяться млеющими от восторга перед папским искусством Запада, оно казалось им фальшивым, вычурным и напыщенным. Они любили родную жизнь, близкие сердцу образы и инстинктивно верили в свое русское искусство. Местная жизнь и природа стояли еще свежо перед их глазами и тянули к себе — кого в Малороссию, кого в Сибирь, кого на свой Север Великороссии».

Он же совершенно верно и вдохновенно описал, с какой негасимой жаждой стремились познать ученики азы великой мировой живописи: «У двери рисовального класса еще за час до открытия стояла толпа... приросши плечом к самой двери, а следующие — к плечам товарищей, с поленьями под мышками, терпеливо дожидаясь открытия. В пять часов без пяти дверь отворялась, и толпа ураганом врывалась в класс; с шумным грохотом неслась она в атаку через препятствия, через все скамьи амфитеатра вниз, к круглому пьедесталу под натурщика, и закре-

пляла за собой место поленьями. Усевшись на такой жесткой и низкой мебели, счастливцы дожидались появления натурщика на пьедестале».

К сожалению, из многих планов А. Строганова в полном объеме осуществился только один — посылки на стажировку наиболее талантливых молодых учеников за границу, славившуюся в те времена своей замечательной многовековой школой живописи. В 1817 году академию возглавил в качестве президента А. Оленин, при котором учебное заведение стало бастионом эстетики закостенелого в косности академизма. Из всех живописных жанров главным стал исторический — сюжеты строго брались из таких мировых источников, как Библия, «Метаморфозы» Овидия, «Илиада» Гомера... Непосредственно древнерусские полотна на раннем этапе классицизма базировались, главным образом, на трех изданиях — «Синопис, или краткое описание от различных летописцев о начале славянского народа и о первых киевских князьях и о житии великого князя крестителя Руси Владимира и его наследников, а также о других царях вплоть до Федора Алексеевича», «Древняя российская история», написанная М. Ломоносовым, и «История российская», принадлежащая точному и емкому перу М. Щербатова. К примеру, в 1793 году буквально всем выпускникам академии была предложена для написания истори-

ческой картины всего одна тема: «Александр, чувствуя великую жажду, отказывается пить воду, принесенную ему в каске, сказав, что не довольно воды для всех его солдат, претерпевающих равную с ним жажду».

Однако молодым художникам, в основном выходцам из народа, хотелось изображать на своих полотнах не старые, давно набившие оскомину догмы, а существующую вокруг них во всех своих проявлениях низкого и высокого кипящую действительность. Освобождение от надоевшего всем мертвящего академизма началось с так называемого «бунта четырнадцати». 9 ноября 1863 года четырнадцать самых выдающихся своим талантом учеников Императорской академии художеств, допущенных до соревнования за первую золотую медаль, обратились в совет академии с просьбой заменить конкурсное задание — написание картины по заданному сюжету из скандинавской мифологии «Пир бога Одина в Валгале» на свободное задание, а именно — написание полотна на избранный самим художником дипломный сюжет. Здесь речь велась, конечно, о картине на современную реалистическую тему, что в советские годы получило справедливо наименование «Соцреализм». Совет выпускникам академии в их настойчивом прошении отказал, тогда все четырнадцать талантливых молодых художников покинули академию и организовали «Санкт-

Петербургскую артель художников», которая позже, в 1870 году, была преобразована в знаменитое «Товарищество передвижных художественных выставок». Благодаря этой общественной организации ежегодно любители многих губернских городов получили возможность знакомиться с самыми выдающимися художественными произведениями таких мастеров кисти, как В. Суриков, В. Васнецов, В. Серов, В. Полenov М. Врубель и многих других, поскольку к санкт-петербургским художникам присоединились и выпускники московского художественного училища, располагавшегося на улице Мясницкой.

И все-таки Академия художеств продолжала жить, развиваться. В 1893 году был принят новый устав, позволявший привлекать выдающихся художников «со стороны», благодаря этому преподавательский состав пополнился такими мастерами реалистического направления, как И. Репин, И. Шишкин, А. Куинджи, В. Маковский... То есть сама жизнь доказала правильность и полную состоятельность отчаянного, как в то время многим казалось, поступка «четырнадцати». Кроме обучения и подготовки художников к самостоятельному творчеству академия периодически проводила с размахом открытые выставки картин. Художественный музей при академии был общедоступным, в том числе и для любителей всего прекрасного из простонародья. Благая дея-

тельность Императорской академии художеств продолжалась вплоть до Октябрьского переворота 1917 года, когда к власти в стране пришли большевики во главе с В. Лениным. Но несмотря на многие неблагоприятные периоды своей жизни, Императорская академия много сделала для всей образовательной художественной системы России. Стали все чаще непосредственно в губернских центрах открываться художественные школы, учреждаться общества художников, и преподавание живописи сделалось предметом, входящим в программу обязательного общего образования, что, к сожалению, с приходом к власти Советов было напрочь утрачено, вернее, заменено обычным рисованием!

12 апреля 1918 года указом Совнаркома Академия художеств была полностью упразднена, а академический музей перестал функционировать. Академическое искусство было объявлено глубоко буржуазным и, значит, чуждым советской власти, ошибочно посчитавшей, что для культурного развития простого народа более необходимо изучение основ марксизма и ленинизма! Но любые временные мозговые затмения власть предержавших рано или поздно, пусть не бесследно, но, к счастью, проходят. В 1930 году, после нескольких преобразований, бывшая Императорская академия художеств еще раз была реорганизована в Институт пролетарского изобразительного искусства. При этом архитек-

турный факультет был упразднен, а его учащиеся переведены в Ленинградский институт инженеров коммунального строительства. Ничего глупее, и потому совершенно не поддающееся трезвому осознанию придумать было нельзя. Но советское руководство, видимо, на свой лад решило так: «Для однотипных многоэтажных панельных жилых зданий, с напрочь упрощенными конструктивными решениями, глубоко уходящий в историю опыт отечественной архитектуры не нужен, если даже не вреден...» Слава Богу, на этом преобразования не закончились, ибо в 1932 году Институт пролетарского изобразительного искусства был преобразован в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры, которому в 1944 году было присвоено имя Ильи Ефимовича Репина, несмотря на то, что он не принял приглашение вернуться из финляндской добровольной эмиграции, поскольку советские порядки были ему глубоко чужды. В этом кроется еще одна непростая загадка сталинской психологии, очень часто ставившей даже хорошо знающих его и близких к нему людей в тупик!

Наконец, уже в наше совсем непростое время так называемых рыночных отношений, в начале 1990 годов произошло последнее преобразование и принято новое наименование — Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина — и вместе с

Московским государственным академическим художественным институтом имени В.И. Сурикова вошел в структуру Российской академии художеств. За всю почти двухвековую историю своей подвижнической деятельности академия подготовила и явила миру большое количество молодых художников, которые, со временем став великими мастерами, снискали на живописном художественном поприще всемирную славу своему отечеству. Это А. Лосенко, Ф. Рокотов, Д. Левицкий, О. Кипренский, В. Тропинин, С. Щедрин, К. Брюллов, А. Иванов, П. Федотов, И. Крамской, В. Суриков, В. Серов, И. Репин, И. Бродский, И. Грабарь, М. Греков. Здесь же получил блестящее образование великий украинский поэт и художник Тарас Шевченко.

Вот в какое высшее учебное заведение, славное, сохранившее многие священные художественные, преподавательские традиции Императорской академии, пришел учиться после возвращения четырнадцатилетним пареньком в переживший страшную блокаду Ленинград Илья Сергеевич Глазунов, естественно, сначала окончив среднюю художественную школу при институте имени И.Е. Репина. Непосредственно в академии будущий великий художник с 1951 по 1957 годы учился на живописном факультете. Можно только представить, с каким душевным трепетом первый раз молодой Глазунов в качестве ученика входил в могучее,

величественное здание академии, ступени которой истерты за многие и многие десятки лет подошвами великих художников, воспитавших, в свою очередь, не только многих прекрасных мастеров, но и своим замечательным самобытным неповторимым творчеством смело и широко вошедших в мировую художественную сокровищницу! Сам Илья Сергеевич об учебе в бывшей Императорской академии вспоминал: «...Мои друзья и я читали все мемуары старых мастеров, где были драгоценные свидетельства о начале их жизненного пути — от Джорджо Вазари до Александра Иванова, Репина и Серова. Мы искали у них ответ: «У нас на палитре такие же краски, как у Тициана или Сурикова! Но они — все, а мы — ничто...» И тогда мы иступлено, до самоистязания рисовали, писали, перерисовывали, копировали картины мастеров, стремясь во что бы то ни стало постичь тайны их композиций, понять, как и с чего они начинались...»

Уже тогда Глазунов верно понимал, что вершиной творчества настоящего художника, безусловно, является многофигурная, то есть сюжетная картина, как у большого писателя — роман, а у великого композитора — симфония. Став истинным мастером не только русской, но и мировой живописи, он своим ученикам вдохновенно и неустанно говорил: «Самое большое таинство творчества любого художника — создание образа. Искусство всегда

делилось на два неразрывных начала — «что» и «как». Что хочет сказать художник, рождает его форму произведения. «Будить современников величественными образами Духа», — призывал Врубель. «Мое искусство есть свеча, зажженная перед ликом Божиим», — говорил Васнецов. «Только реализм родит глубину, всесторонность в искусстве», — утверждал еще в молодости Врубель».

Закончив работать над этой очередной главой, я уже хотел перейти к следующей, но что-то подспудно саднящее заставило меня просмотреть длинный список, назойливо крутящийся в Интернете, самых известных художников, окончивших академию в послевоенные годы. Посмотрел — раз, второй, третий — и чуть возмущенно не вскричал, ибо имени всемирно известного мастера Глазунова Ильи Сергеевича, к своему глубокому удивлению, не обнаружил. Что это, очередная ошибка кого-то из власть предержащих? Можно допустить такое, но только в отношении малоизвестного художника. Значит, еще один гнусный выпад в сторону гения! Господи, ну сколько же можно?! — задался справедливым вопросом. И сам же на него однозначно и гневно ответил: «До конца борьбы света с тьмой!» Известный, заслуженный деятель искусств Б.Г. Лукьянов обозначил основные причины глубокой нелюбви, даже ненависти представителей тьмы к великому художнику: «Картины Глазунова помещали своего

зрителя в родную историю, уже изрядно забытую, оставшуюся в книгах (а нередко и оплеванную и опозоренную комментаторами — историками-марксистами). Он вводил в головы новые для рядового советского жителя понятия: «Русь», «русский», «величие наших предков», подвиги князей и монархов. Было от чего прийти в ужас правоверным марксистам-ленинцам с их изуверски понятым интернационализмом».

Сразу образовались и горячие сторонники, и непримиримые противники. О последних надо сказать несколько слов.

Первым и очень опасным противником была сама советская власть, которая упорно не желала упускать монополии на гражданское сознание и не могла позволить кому-то быть талантливым без ее разрешения (это ведь она, в конце концов, назначала, кому быть «народным» и любимым, а кому нет, раздавала разные звания и премии, кстати, по тем времена в совсем не маленьком денежном выражении!).

Ко второй группе следует отнести ту немалую часть интеллигенции (прежде всего, гуманитарной), которой была, есть и, думаю, всегда будет чужда русская культура, которая рассматривала ее чем-то вроде промежуточной станции, которую нужно как можно скорее проехать, что-

бы затем оказаться в сообществе так называемых «цивилизованных» стран, «культурных» в ее собственном, либерально-безнациональном духе. Именно из этого лагеря, кстати, чаще всего раздаются малограмотные рассуждения и упреки в адрес формы произведений Глазунова. Это очень даже понятно. Неудобно же (пока, во всяком случае) открыто выступать против идей и сюжетов патриотического глубинного содержания. Вот им и приходится изображать из себя ревностных ценителей и эстетов.

А вот третьей группой была, к сожалению, та часть самих художников, которые не смогли самокритично оценить собственное участие в культурном процессе, которые все задавали и задавали себе не дающий им покоя позорный вопрос: «Почему он, а не я?» — и отвечали так, чтобы при этом собственное их самолюбие не пострадало.

Несколько раз я перечитал эти высказанные печатно причины зависти и нелюбви к национальному гению, чьи бессмертные художественные творения принадлежат всему человечеству, равно, как картины и росписи Леонардо да Винчи, и благодарно произнес: «А ведь более верно, а главное, справедливее не скажешь! Ай, да молодец, Лукьянов!» □

Продолжение следует.

Евгения Гордиенко

Есть актеры, которых невозможно представить молодыми. Их помнят, в основном, в образах старичков и старушек, и не верится, что когда-то им было по двадцать, они были юны, любили, совершали безумные поступки...

**«Снаружи — Зеленая,
внутри — Золотая»**

Одной из таких была актриса Рина Зеленая, запомнившаяся больше всего ролями черепахи Тортиллы из сказки о Буратино и миссис Хадсон из серии фильмов о Шерлоке Холмсе. На эту — ставшую последней в ее карьере — роль Рина Васильевна согласилась с энтузиазмом и присутствующим ей юмором: «Мне никогда еще не доводилось играть мебель».

Чувство юмора — это то, что оставалось в ней на протяжении всей ее жизни, а жизнь ее была длинной — почти 90 лет. Попробуем же вернуться в начало века и узнать, какой молодой и веселой была наша любимая черепаха Тортилла.

Она родилась в ноябре 1901 года, в Ташкенте, в семье чиновника Василия Ивановича Зеленого и его жены Надежды. Более разных людей, чем родители будущей актрисы, трудно было представить. Отец — суховатый, прижимистый, строгий, а мать — веселая, легкомысленная, ветреная, совершенно не думающая о завтрашнем дне. Она легко расставалась с вещами — например, могла отдать старьевщику детские

пальто, чтобы купить малышне ярких пирожных с красивой витрины, не заботясь о том, что вскоре наступит зима, и нечем будет согреваться. Получая в конце месяца счета, глава семейства обычно бывал в ужасе. Родители Рины (нарекли-то ее, конечно, Екатериной, а сократилось имя всего лишь потому, что однажды полная версия не влезла на афишу) не любили друг друга. Надежду выдали замуж шестнадцатилетней,

Слева:

*Рина Зеленая
в молодости*

*К/ф
«Подкидыш»*

а затем она быстро стала матерью, и о юности пришлось забыть. В семье, где было четверо детей, каждый существовал словно сам по себе. Родители были далеки друг от друга, старшие равнодушно относились к младшим, и лишь мать любила всех четверых.

В Ташкенте Зеленая училась в реальном училище, а после перевода отца в Москву ее отдали в престижную гимназию фон Дервиз в Грохольском переулке, где Катя была одной из самых бедных и самых хулиганистых учениц. Впоследствии, правда, она стала похожа на остальных девочек, однако случилась революция, и девицам стало не до учебы. Но диплом об окончании гимназии они все-таки получили.

После школы девушка поступила в Московское театральное училище

(будущее Щепкинское), причем, по ее собственным словам, абсолютно случайно. Просто шла мимо и увидела объявление о наборе. Прочитала что-то экспромтом, но так насмешила приемную комиссию, что ее тут же приняли. Окончив в 1919 году училище, она некоторое время провела в Одессе, куда по работе снова перевели отца. Однако когда мать с младшими детьми приехала в город у моря, оказалось, что у отца здесь уже появилась другая семья... Какое-то время поработав в одесском театре «Крот», Зеленая решила вернуться в Москву, где с работой было полегче. Впоследствии она перевезла в столицу маму и младшую сестру.

На работу она, как и в училище, попала случайно. Шла, уставшая от неустроенности и постоянных жизненных трудностей, и вдруг уви-

дела вывеску «Театр «НЕРЫДАЙ». И поняла — это ей говорят, чтобы не рыдала. Вошла — и поступила на работу.

Она многое делала, повинясь порыву души. И сама была такой, и время способствовало — словно открыло все возможности, позволив отрицать старое.

В 18 лет Рина впервые вышла замуж — за адвоката Владимира Блюменфельда. Брак был недолговечным, но после расставания они сохранили теплые отношения, и Владимир всегда при необходимости помогал бывшей жене.

Через некоторое время у Зеленой возник роман с известным журналистом Михаилом Кольцовым. Однако

она довольно быстро узнала, что возлюбленный женат, и разорвала отношения, не желая становиться причиной развода.

Вскоре после расставания она встретила, по ее собственному выражению, «главного мужчину своей жизни», архитектора Константина Топуридзе. Она его очень любила, но признавала, что в ее жизни появилась новая профессия — жена архитектора. И работа эта была не из легких. Котэ, как называла его Рина, бывал вспыльчив и порой непоследователен. Когда его жена уезжала в командировки (а бывала она даже на Северном полюсе), он требовал: *«Рина, пиши мне письма каждый день. Я, наверное, не буду*

Слева:

к/ф
«Весна»

к/ф
«Путевка
в жизнь»

их читать, но чтобы у меня на столе лежало твое письмо».

О поездке на Северный полюс Рина Зеленая много и подробно рассказала в своей книге «Разрозненные страницы» — это не совсем автобиография, скорее воспоминания о той среде, в которой ей посчастливилось жить и работать, с какими людьми встречаться.

Когда театр «Нерыдай» ей наскучил, она решила уехать в Ленинград, в театр, который назывался «Балаганчик». Спектакли начинались в полночь, а заканчивались в 4 утра, потому что игрались для особой публики — своего же брата-актера, который после окончания собственного спектакля спешил в «Балаганчик» — насладиться игрой коллег.

Она повидала очень много людей и со многими подружилась на всю жизнь. Зеленая восхищалась Мая-

ковским, дружила с ним, даже играла в бильярд, стараясь, по возможности, проигрывать, знала художника Лентулова, любила наблюдать за молодым Юткевичем, который не пропускал ни одного спектакля в театре «Балаганчик». В 1930 году она была на сцене, когда кто-то принес страшную весть о самоубийстве Маяковского. После окончания представления актриса тут же бросилась на улицу и бежала через весь город, не в силах справиться с этим огромным для нее горем. А потом долго стояла в толпе, чтобы попасть на панихиду... Она горько плакала и вспоминала, как когда-то, еще работая в «Нерыдай», она вместе с писательницей Верой Инбер выходила на сцену. Они были шансонетками, Инбер изображала французенку и пела «Я Мариетта, я родом из Прованса. Я люблю поэта —

Анатолия Франса». А Зеленая отвечала: «А у нас есть поэт московский — Владимир Владимирович Маяковский».

А потом она стала частой гостей в доме Лили Брик. О ней и о многих других Зеленая написала в своих «Разрозненных страницах».

В той же книге Рина Васильевна признается в своей безмерной любви к киноискусству. Хотя зачастую ей приходилось самой придумывать себе роли. У Александра в «Весне» она сама переписала под себя роль гримера, хотя изначально роль была мужской. Зеленая на ходу сочиняла фразы, которые потом с ее легкой руки уходили в народ: «Таких губ сейчас не носят» — это творение Рины. У того же Александра в картине «Встреча на Эльбе» у нее была роль

без слов. Григорий Александрович предложил ей придумать что-нибудь самой. И она придумала героиню-аккуратистку: «У меня под кроватью лежит неразорвавшаяся бомба. Нет-нет, она мне совсем не мешает. Я только хотела узнать, можно ли ее мыть с мылом?»

А сценарий «Подкидыша» она и вовсе написала в соавторстве с Агнией Барто и впоследствии сыграла там уморительную заполошную домработницу, тоже сыпавшую фразами, над которыми хохотала вся страна: «Я после выходного выходная», «Старушка зашла воды попить, а потом хватились — пианины нет», «С места не сойду, пока не умру! А умру я не скоро!» На съемках этого фильма Зеленая работала с Раневской, с которой была очень дружна всю жизнь.

Слева:
с мужем
Константином
Топуридзе

к/ф
«Приключения
Шерлока Холмса
и доктора Ватсона»

И хоть Раневская этот фильм не любила — после выхода картины ей все время кричали на улицах «Муля, не нервируй меня!» — но и через 30 лет помнила все реплики и могла цитировать их.

В «Подкидыше» приходилось работать с детьми — главным образом, с капризной девочкой, сыгравшей главную героиню. Но Зеленая легко сходилась с детьми, обожала их, много читала для них — и стихов, и рассказов, озвучивала мультфильмы и снималась в сказках. Она взялась за нелегкий труд — записывать за детьми, и восхищалась их простотой, мудростью, умом, который проявлялся в самых неожиданных формах. Даже голос ее — высокий, звонкий — часто принимали за детский.

Своих детей у Рины Васильевны не было, но она подружилась с сыновьями Константина Топуридзе от

первого брака. Она любила их, считая, что у нее с Котэ все общее (кстати, его предыдущую жену она называла не иначе как «наша первая жена» и даже сумела с ней подружиться). Мальчишки же любили ее настолько, что младший Сандро вскоре стал жить с ними, а старший Роман, уходя на войну, надписал ей фотографию на память: «Дорогой Рине, снаружи Зеленой, внутри Золотой, от сына, идущего на фронт».

Неугомонная, в годы войны она объездила столько мест, что перечислить их абсолютно невозможно. Трясаясь с коллегами то в кузове грузовика, то в салоне простого (а иногда и генеральского) автомобиля, проклиная инструменты, которые то и дело падали на ноги, рискуя подхватить бронхит, пневмонию и что угодно еще, она все равно ехала и подбадривала тех, кто ехал с ней. И чудо — как только артисты выходи-

*к/ф
«Приключе-
ния
Буратино»*

ли на сцену перед солдатами и офицерами, куда-то пропадали и насморк, и хрипы в горле, температура падала, а на сцене (или на том, что ее заменяло), все искрилось и восхищало.

Шли годы, ровесница века старела. Как-то, получая в милиции паспорт, она была страшно удивлена тем, сколько ей лет. Она, по ее словам, не планировала жить так долго.

Когда возникло телевидение, Рина Зеленая мечтала поработать там. Но и боялась, потому что понимала, что настоящего его развития, скорее всего, не увидит. Она еще в 80-х годах замечательно написала, что не может читать журнал «Наука и жизнь» и «Телевидение и мы», потому что там все время новые технические слова, она в них ничего не понимает, и очень хотела бы вскочить на поезд, который летит в XXI век, и остаться в нем.

В 1977 году после второго инфаркта не стало Топуридзе, ее любимого Котэ, и Зеленая с тех пор очень сдала. Ее поддерживали дети мужа, многочисленные племянники, друзья.

Она никогда не жаловалась на свои болезни, но с годами их становилось все больше. Несмотря на рак, с которым она боролась последние двадцать лет своей жизни, на прогрессирующий астигматизм, Зеленая хваталась за любую работу. В 1986 году она сыграла последнюю свою роль — миссис Хадсон.

Чувство юмора не изменяло ей даже в самые трудные моменты. Василий Ливанов, сыгравший Шерлока Холмса, вспоминал: «Однажды, после запозднившейся съемки, мы с Риной спешили на вокзал к московскому поезду. Маленький студийный автобус мчался по пустому в этот

час Невскому проспекту, прихваченному мартовским ледком. Я сидел спиной к водителю. Рина устроилась в самом конце салона, напротив прохода. Вдруг из переулка вылетело такси и ударило наш автобус в бок. Удар был такой силы, что Рину выбросило из сиденья, она пролетела весь автобус и рухнула ко мне на колени, обхватив мою голову руками. И что она в этот момент выговорила? Спокуха — я с вами!»

Однажды, упав на улице и не сумев подняться, она громко крикну-

ла прохожему: «Обратите внимание! Здесь валяется Рина Зеленая!»

Будучи весьма равнодушной к наградам и званиям, она шутила, что «уж если меня и наградят, так непременно за 40 минут до смерти». И на пророчила. 1 апреля 1991 года Михаил Горбачев подписал приказ о присвоении Зеленой звания народной артистки. Но она не успела об этом узнать — в этот же день ее не стало.

Похоронена Рина Васильевна на Введенском кладбище, рядом с мужем Константином Топуридзе. □

Анна и Сергей Литвиновы

Юрий

Дочь поклялась, что не поедет на банкет. Но глаза были хитрые-хитрые. И перышки чистила весь день. Приняла ванну, напугала его угольно-черной маской на лице. Гудела феном, старательно красилась. А ровно в шесть вечера выпорхнула в коридор — скромный пиджачок не скрывает нарядного платица, помада — ярко-алая. В матерчатой сумке он заметил туфли на каблуках.

— Ты куда? — сразу выскочил за ней.

— Пап! — улыбнулась девушка. — Ну... свидание у меня. Сам ведь мозг выносил, что замуж пора!

Он хотел выпросить: где? с кем? В конце концов, пусть телефон кавалера даст — можно самому позвонить и проверить. Однако спросил только:

— Ты точно не на свадьбу Пищелева?

— Па-ап! — капризно сморщилась Вика. — Я ведь тебе обещала! И ты сам разве не знаешь? На работу я за рулем не езжу! — Быстро чмокнула его в щеку и ускакала.

А он вдруг увидел, что она забыла на тумбочке свой мобильник, и, схватив трубку, стал проверять входящие звонки. Три последних — какой-то Артем. Жених?..

Юрий без раздумий набрал номер.

Окончание. Начало в №3, 2019 года.

— Ну чего? Едешь уже? — сухо, по-деловому ответил ему незнакомый мужской голос.

— Простите. Это Викин отец. Дочка забыла телефон. А вы кто?

— Коллега, — хмыкнул мужчина, — Артем.

— У нее с вами свидание?

— Как вы сказали?..

Сердце ухнуло, и Юрий, не выдержав, крикнул:

— Куда сейчас поехала Вика?!

— На работу.

— Куда именно?!

Доселе настроенный миролюбиво абонент начал злиться:

— Какого дьявола этот допрос? Ваша дочь совершеннолетняя.

— Речь о ее жизни и смерти идет! Она поехала петь на той самой свадьбе? Под Истрой? Ресторан «Золотой лебедь»?!

— Эээ... — заколебался Артем.

— Да или нет?! Дочь олигарха Пищелева выходит замуж не-знаю-там-за-кого?!

— Ну, Вика дает! Сто раз ей говорил: «Не болтать!»

Юрий не стал объяснять, что дочка ни слова ему не сказала. Отшвырнул ее телефон, выхватил свой аппарат и дрожащими руками набрал номер.

— Да? — отозвались на другом конце провода.

— Вика... Вика все-таки поехала! На свадьбу! — выкрикнул он чуть ли не плачущим голосом.

— Не волнуйся. Она туда не доедет, — ответили в трубке, и она запищала короткими гудками.

Она туда не доедет. Жестко прозвучало. Зловеще. Юрий обхватил себя обеими руками. Его трясло. Что собираются сделать с его девочкой?!

Он любил дочь до безумия. И просто не мог сейчас остаться дома и ждать, чем все закончится.

Юрий лихорадочно всунул ноги в ботинки, выскочил из квартиры и, не пользуясь лифтом, сбежал по ступеням. Обычно его девочка в машине долго красовалась, поправляла зеркала, подкрашивала губки. И он почти успел — увидел, как «ауди» вильнула хвостом и выехала со двора. А сразу за крошкой-машиной сорвался «БМВ» с тонированными стеклами.

Вдруг они убьют ее?!

Он должен знать, должен лично убедиться, что с ней ничего не случится. Его машина стояла рядом. Но сесть за руль он не мог — жена, когда он пил, документы и ключи безжалостно отбирала.

И тут вдруг Юрий увидел, как во двор въехало такси, пассажир неспешно расплатился и вышел. Он тут же метнулся к машине с шашечками, рванул дверь и плюхнулся на сиденье.

— А ну, вышел! У меня заказ! — воскликнул возмущенный водитель.

— Я тебе... за сто заказов заплачу!

Тот принялся и сурово повторил:

— Выходи! Я пьяных не вожу.

На глазах у Юрия против воли выступили слезы.

— Я в жизни никого ни о чем не просил! Но сейчас — дело жизни и смерти!

Вообще край! Сам за руль не могу — выпил. Выручи, друг!

— Куда тебе? — недовольно буркнул таксист.

— Черная «бэха» со двора влево свернула. За ними!

Перед каждым мероприятием, особенно свадьбой, Вика всегда начинала распеваться еще в машине. И для голоса хорошо, и для настроения.

Но сегодня рулила в полной тишине, даже радио не включила. Папа со своим видением крепко выбил из колеи.

Поначалу, когда он, как всегда, пьяненький, уговаривал отказаться от выгодного заказа из-за плохого предчувствия, Вика, конечно, серьезно кивала, но про себя отчаянно веселилась. Алкоголь воистину всесилен — мужчину-кремня превращает в бабку-вещунью. Мама, впрочем, вообще боится, что скоро у отца начнется «белая горячка», а за ней последует полная деградация.

Девушка даже не думала принимать папины глупости всерьез. Но и ссориться не хотела. «Навру с три короба, и все равно поеду», — решила она. Наплела про жениха, специально села за руль чтобы папочку со следа сбить. И только сейчас, уже по пути в ресторан «Золотой лебедь», где планировалось действие, задумалась: видения (если они существуют, конечно) ведь только контуры задают. Но откуда тогда взялась фамилия Пищелев? Ведь именно ее отец произнес, хотя она, как говорится, молчала в тряпочку. Заказ строго конфиденциальный, Артем сразу предупредил. И в прессе — Вика из любопытства проверила — ни единого упоминания, что у дочери олигарха бракосочетание грядет.

Ладно, допустим, папа узнал. Но почему он не хочет, чтобы она туда ехала?! Что такого страшного может случиться?

Артем сказал: олигарх помешан на безопасности. Охранять мероприятие будут три ЧОПа, всех, кто входит в ресторан, подвергнут досмотру, мобильники отберут. Так что опасности никакой. Или на свадьбе ожидается некто, с кем Вике видеться нельзя?

Но кто это может быть?

«Вдруг мой настоящий отец?» — мелькнула в голове шальная мысль.

Ей много раз говорили, что она ни на кого из родителей не похожа.

И мама, хотя дочка не раз просила, о романе с отцом не распространялась. Отвечала скупко: «Он в мой ресторан часто ходил, так и познакомились».

Плюс фотки их молодых лет: папа — красавец неопишущий, мама — скучная, неяркая, к тому же губы всегда поджаты.

«А, может, мы с невестой сестры? И мой отец на самом деле — олигарх Пищелев?! — Вика неожиданно для себя развеселилась и принялась фантазировать дальше. — Богатей — тогда еще, наверное, начинающий — тоже приходил к маме в ресторан. Сделал ей ребеночка. Жениться не хотел. Но мамуся не из тех печальных овец, кто разрыдается и пойдет делать аборт, причем за счет своих средств. Она, видимо, пригрозила генетической экспертизой и судом. Ну, олигарх и откупился. Деньгами и... мужем-красавцем Юрием, который, допустим, был ему чем-то обязан. Потому с раннего детства у меня было ощущение, что мама с папой — далеко не классическая семейная пара. Что-то в их отношениях есть необъясненное, недоговоренное. И пьет отец, потому что жизнь сложилась не так, как хотел. И женщина рядом с ним не та...

Получается, папу просто купили?»

От глупой мысли во рту стало кисло, словно от протухшей капусты.

Полный бред — все эти ее умопостроения! Выбросить из головы и начать, наконец, распеваться.

Девушка уверенно проскочила на «желтый», включила диск с караоке — и улыбнулась, когда вслед за ней уже на «красный» промчался «БМВ-Х5». Прежде на таких «танках» передвигались исключительно бандиты, но нынче девушка все чаще видела за рулем металлических монстров испуганных блондинок. Сама же Вика, хотя и старалась не нарушать, машину вела резко, по-мужски твердой рукой. Легко встраивалась в любую пробку, изящно, никому не мешая, перемещалась из ряда в ряд. Менее компетентные водительницы часто пытались повторить ее маневры. И получали яростный визг тормозов, вой клаксонов, мат из окон и насмешливую улыбку лучшей ученицы школы экстремального вождения.

В «БМВ», несомненно, очередная подражательница.

Видеокамер на ближайшем отрезке дороги не наблюдалось, и Вика, чтобы подразнить нахалку, разогналась до ста тридцати. Черная машина вызов приняла, но обгонять не стала, держалась позади. Однако в ней — Вика разглядела в зеркале заднего вида — сидела вовсе не блондинка, а двое мужчин.

Девушка забеспокоилась. Ее преследуют? Но кто и зачем? Будь она трусливой овцой, остановилась бы у первого поста ГИБДД и пожаловалась. Но Вика спешила на свадьбу, поэтому на следующем светофоре «снова пролетела на желтый». «БМВ» ее маневр не повторил — остался стоять на «красном».

Вика успокоилась. Запела про «синий-синий иней», увлеклась, но когда выводила: «Ты, ветер, знаешь все!» — увидела, что «БМВ» снова догнал, когда уже выехали из города.

«Что им надо?!» — разволновалась девушка.

Пока «бэшка» ничего не делала, просто сопровождала. Но Артем предупреждал: километров десять непосредственно до «Золотого лебедя» дорога

абсолютно глухая, идет через лес. И там — понимала Вика — может случиться что угодно.

Сейчас уже плевать на инструкторские наставления, надо любой ценой удирать. В левом ряду неспешно катил «линкольн», правый прочно заняла колонна грузовиков. Вилять до обочины Вика не стала — обогнала по «встречке», через двойную сплошную. На пару секунд показалось, что «БМВ» ее потерял. Но едва свернула направо — увидела, что черный монстр опять ее догоняет. И теперь — на глухой дороге, без свидетелей — едет куда наглее. Двое в бандитской машине ясно демонстрировали намерение прижать ее к обочине и остановить.

«А вот фиг вам!» — пробормотала она. В школе экстремального вождения учили: тебя выдавливают, подавай машину прямо в сторону обидчика, и у него, скорее всего, не выдержат нервы.

Однако противник ей попался серьезный. «БМВ» приблизился к «ауди» почти вплотную, снес левое зеркало и вообще всем своим видом показывал, что не отступится.

Любимую красавицу-машинку было, конечно, жалко, но иного выхода у девушки не оставалось. Она притворилась, что сдается, и, сбавив скорость, чуть пропустила наглеца вперед. А потом, в отчаянном порыве, вдавила педаль газа в пол, крутанула руль — и ударила «бэшку» в правое заднее крыло.

На треке они учились таким образом сбивать машину с дороги. Но там всегда рядом сидел инструктор, учебные авто были оснащены специальной броней, и было совсем не страшно. А сейчас, когда преследователь потерял управление и со страшным грохотом врезался в дерево, у нее внутри все обмерло.

Зато путь был свободен.

Останавливаться Вика не стала. У нее, к счастью, если дело дойдет до расследования, видеорегиистратор в машине имеется, то есть, если начнется расследование, есть все доказательства: она просто защищалась.

Девушка выдохнула. Сбавила скорость. И в этот момент увидела, что за ней по извилистой дороге мчится такси.

Юрий

— Ну, мужик, ты втянул! Кино, чистый цирк!

Таксист оказался мастером. В лошадиных силах его старенький «солярис» хоть и уступал, зато «БМВ» все-таки не упустил, лихо свернул вслед за обеими машинами на лесную дорогу. А когда «ауди» умудрилась столкнуться преследователей, он оторвал руки от руля, хлопнул в ладоши: «Браво, крошка!» — и обернулся к пассажиру:

— Чего дальше?

«БМВ» не подавал признаков жизни. «Ауди» удалялась.

Юрий резко выдохнул, ребром ладони рубанул таксиста по шее — и перехватил руль. Машина вильнула, но он смог удержать ее на дороге. Перевалился на водительское сиденье, прижал тело водителя к двери, дотянулся до педали тормоза. Вдвоем в узком кресле отчаянно неудобно, но выбрасывать таксиста из машины времени не было. Юрий дал по газам.

Деревья, небо, дорога — все в легком тумане. Руки дрожат. До проклятого «Лебеда» оставалась пара километров. Он юзом влетел в поворот, сел «ауди» на хвост и отчаянно вдавил клаксон.

Сумасшедшее такси мало, что гнало по узкой дороге на нереальной скорости и виляло, будто за рулем пьяный, так принялось еще и сигналить! Вика уже собралась вспомнить свой опыт на гоночных трассах, и оторваться, но вдруг ей показалось, что прямо в спину смотрят такие родные, стального цвета, глаза. Прищурившись, посмотрела в зеркало заднего вида — и по спине потек ледяной пот. За рулем такси, действительно, отец и еще какой-то мужчина, прижатый к водительской двери. Что папа творит?!

Девушка начала осторожно подавать вправо. Желтая машина, как ей показалось, тоже сбавила ход. Отец, скорее всего, собирался повторить маневр и остановиться сразу за ней, но, видимо, ударил по тормозам от души. Такси завертело, повело боком, машина завалилась в кювет и перевернулась.

Вика в ужасе вылетела из «ауди». «Что я натворила? Что он натворил?!»

Бросилась, утопая в лесной грязи, к отцу. Ломая ногти, отодвинуть сработавшую подушку безопасности. Первое, что увидела — смертельно бледное отцовское лицо и кровь у него на губах. И даже заплакать не смогла, настолько ей стало больно...

Римма

Приличные люди в семь вечера заходят в супермаркет, а потом спешат домой — готовить ужин мужу или заливать соусом бальзамико салатные листья лично себе. Мой начальник Павел Сергеевич в настоящий момент — я знала точно, ибо сама заказывала ему столик — вкушал ризотто в своем любимом итальянском ресторанчике. А я — в очках и с томом Достоевского на коленях — строила из себя недотрогу на детской площадке. Не слишком гламурные особи по соседству со мной хрустели чипсами, запивали их пивом из банок, матерились. Мне отчаянно хотелось домой, но болтаться здесь придется как минимум до полуночи.

Нет более нудного занятия, чем засада. Я околачивалась в незнакомом и не симпатичном мне дворе уже третий день. Возможно, мне удастся застать тут парня, который взял у друга миллион и не желал отдавать. Однако шансы на успех были крошечные. Достоверно мы знали лишь то, что здесь проживает

родственница нашего фигуранта. Но навещает ли он ее и когда — заказчик понятия не имел.

Можно, короче, совсем прокиснуть. И с голоду умереть — запастись бутербродами я не догадалась.

Я закрыла книгу, зевнула.

— Иди, красавица, к нам! — слышались возгласы «люмпенов». — Похорошему пока просим. А то на руках принесем!

И ведь не отстанут. Отправиться, что ли, в поквартирный обход? Хоть какая-то деятельность и минимальные шансы зацепиться за беглеца.

Но принять решение я не успела — зазвонил телефон. «Вика-невеста», — значилось на определителе. «Что ей опять надо?» — удивленно подумала я и, отойдя подальше от пролетариев с пивом, нажала на «прием».

— Римма! Почему вы так долго трубку не брали?! — Девушка явно пребывала в истерике.

— Вика? Что у тебя опять? — не без раздражения спросила я.

И она, сквозь скрип, скрежет и помехи сотовой связи, заорала:

— Я отца своего убила, вот что!

Через сорок минут мы обе сидели в скверике перед больницей «Скорой помощи». Разговор с лечащим врачом привел в шок даже меня. Викин папа находился в крайне тяжелом состоянии. Ушиб грудной клетки и сломанные ребра значились где-то в самом конце списка диагнозов. Перелом основания черепа, гематома в височно-теменной области и кома звучали куда печальнее. Суровый доктор обнадеживать не стал: «Увы, подобные травмы редко совместимы с жизнью». И в реанимацию не пустил — даже одним глазком взглянуть. Посоветовал только:

— Идите, девочки, лучше в церковь и молитесь.

Моя заказчица находилась в крайней степени отчаяния. Слезы, видно, вылакала по дороге. Смотрела сухими глазами на дерево, нервно дрожащее листьями под порывами ветра, и повторяла:

— Что я наделала?! Как я могла?!..

Я пока тоже никак не могла понять, что произошло. Вика производила впечатление сумасшедшей. Бессвязно что-то бормотала про олигарха, свадьбу, видение, бандитов, гнавшихся за ней на «БМВ», про отца на такси...

Лишь на миг взяла себя в руки и почти спокойным голосом попросила:

— Дайте ваш телефон. — Но трубку не взяла, отмахнулась: — Хотя нет. Позвоните сами. Девятьсот семь, три-три-три, сорок, сорок, Артем. Это мой шеф. Скажите, что я не приеду.

Паша Синичкин обязательно бы пристал с вопросами: кто такой Артем и так далее. Но я пока еще больше секретарша, чем детектив, поэтому безропотно выполнила приказ.

Номер не отвечал.

— И хрен с ним, — вздохнула Вика. — Еще маме надо как-то сказать. Она меня просто убьет. Хотя я вообще не виновата! Я же «мигалку» включила, показывала, что останавливаюсь! — Она вдруг схватила меня за руку и яростно зашептала: — Папа в «скорой» в себя пришел на пару секунд. Сказал, что он сам виноват. А мне велел в верхнем ящике его стола письмо найти и прочитать. Тогда я пойму, почему нельзя было ехать на свадьбу. — Потом жалобно взглянула на меня: — Может, еще раз в реанимацию сходить? Денег врачу дать? Чтобы постарался? У меня с собой тысяч десять...

— Не возьмет он сейчас, — покачала я головой, — потом дашь, когда дело на поправку пойдет.

Я начинала нервничать. Засада — официальная работа — накрылась. Вика жаль, но пока я видела проблему не для детективного агентства, а для адвоката. Отец девушки в пьяном виде нанес телесные повреждения таксисту, сел за руль, разбил чужую машину, покалечился сам... Уголовный кодекс наизусть я, конечно, не знала, но лет на пять, похоже, тянуло.

Я глубоко вдохнула влажный вечерний воздух — из-за близости больницы казалось, что он пропитан формалином и хлоркой — и выпалила:

— Вика! Чем конкретно я могу вам помочь?

Она снова хлюпнула носом. Отчаянно сжала кулаки — видно, пыталась таким образом взять себя в руки. И почти спокойно произнесла:

— Отец что-то скрывает от меня. Я давно это поняла. И сейчас мне нужна вся информация о нем. От того, почему он женился именно на маме, до внятного объяснения, почему он так не хотел, чтобы я пела на этой свадьбе. И откуда вообще о ней узнал. Я хочу, чтобы вы взялись за это дело. Расходы меня теперь вообще не волнуют, — с гордостью добавила она.

— Сначала я должна обсудить это со своим шефом.

— Успеется, — отмахнулась Вика, непринужденно входя в роль заказчицы. — Давайте сначала письмо прочитаем.

Викиной мамы в квартире не обнаружилось — только следы ее поспешного бегства. (Видно, об аварии ей сообщили непосредственно врачи.) В коридоре свет не выключен, на полу разбросаны туфли, на тумбочке — пудреница с разбитым зеркальцем. Здесь же лежал Викин телефон — девушка мигом его схватила и поморщилась:

— На свадьбу, сказали, с мобильниками нельзя. Я еще дома вынула его из сумки. Хотела в карман пиджака переложить и в машине оставить. Но тут отец отвлек — и вылетело из головы. А возвращаться не стала. Странно, — пробормотала она, проверяя звонки в трубке, — последний исходящий — Артему. А я ему не звонила... Отец, что ли? И Темыч ему трепанул про свадьбу?! Болван! Сейчас я ему выдам! — и дрожащей рукой набрала номер.

Абонент долго не отвечал. Но она упорно слушала гудки — и дождалась.

— Слушаю вас, — отозвался женский голос.

— Э... — растерялась Вика. — Я, вообще-то, Артему звоню...

— Вы ему родственница?

— Н-нет. Мы работаем вместе. А почему у вас его телефон?

— С Артемом произошел несчастный случай. Вы не подскажете, как связаться с кем-то из его близких?

— Я близкая! — вскипела Вика. — И этим вечером мы вместе должны были быть! Что с ним случилось?

— Он получил травмы. Состояние средней тяжести.

— Как? Где?

— Я не имею права разглашать информацию посторонним.

— Я не посторонняя! И мы должны были встретиться сегодня вечером! Что вы темните?!

Но ее собеседница — я сразу разгадала в ней непрошибаемую полицейскую леди — предпочитала информацию получать, а не выдавать.

— Тут написано: «Вика-певица». А фамилия ваша какая?

Нервы у моей клиентки не выдержали — она швырнула телефон прямо в стену. Звонок отключился, стекло пошло трещинами, но экран не погас. Вика медленно сползла на пол и пробормотала:

— Вообще уже ничего не понимаю.

А вот я начала кое-что подозревать, поэтому спросила:

— На чьей свадьбе ты должна была петь?

— Дочки олигарха Пищелева. Но в СМИ об этом нет ни слова, я проверяла.

Я опустилась на пол рядом с ней, быстренько открыла ленту. И первой же новостью увидела:

— Кровавой трагедией завершилось бракосочетание единственной дочери крупного бизнесмена Валерия Пищелева. В ресторане «Золотой лебедь», где проходило празднование бракосочетания, сработало взрывное устройство. Невеста и ее отец, танцевавшие в этот момент, скончались на месте. Есть и другие погибшие и раненые, их количество сейчас уточняется.

Вика закрыла рот ладонью и прошептала:

— Папка! Вот оно что! Ты ведь знал! И зачем врал про видение?! Почему просто так не предупредил, нормально?!

— Откуда непосвященный человек мог знать о теракте? — нахмурившись, спросила я, ожидая нового всплеска истерики. Но Вика тихо произнесла:

— Может, он как раз посвященный. Папа в Чечне служил. Потом на сверхсрочную остался. Там тогда война была. А в последний месяц... он себя очень странно вел. Обычно все время дома сидит, ну, или в магазин за водкой. А тут несколько раз исчезал. Надолго, часов на пять. Куда ходил — не признавался. Даже мама не знала... — Она вскинула на меня больные, заплаканные глаза и зашептала: — Отец сам говорил, что убивать можно. Тех, кто заслу-

живает. Но эта невеста... Артем сказал, ей девятнадцать, как и мне... Нет, на такое папа бы не пошел.

Мой жизненный опыт тоже подсказывал: пьющие, но в целом порядочные люди могут, конечно, придумать изящное, в духе Остапа Бендера, мошенничество, могут и убийство совершить в состоянии аффекта или по неосторожности. Но взрыв на свадьбе, смерть юной и вряд ли замешанной в криминале невесты даже по меркам преступников, изрядная мерзость. Юрий с его красивыми грустными глазами никак не связывался у меня в голове с подобной низостью. Или я ничего не понимаю в мужчинах.

— Надо узнать, что с Артемом, — растерянно проговорила Вика.

— Он тебе просто начальник или кто-то ближе?

— Ну, он меня как бы в люди вывел...

— Тогда узнаем. Обязательно. Но позже. А сейчас — тащи письмо! — распорядилась я.

— Принесите сами, а? Мне что-то... нехорошо, — не сдвинувшись с места, просительно посмотрела на меня Вика.

Она действительно выглядела очень бледной. Но я решила, что за сердечными каплями не побегу. Молодая еще и здоровая, сама справится. Сейчас письмо важнее.

Я зашла в кабинет, открыла верхний ящик стола. Полный хаос: счета, ручки, скрепки, визитки, странички из блокнотов. А на самом дне оказался нужный конверт. Схватив его, я вернулась в коридор и протянула его Вике. Девушка жадно потянулась открывать конверт, но я остановила ее. Что-то сразу резануло глаз, да и Паша учил, что сам конверт иногда может рассказать даже больше, чем его содержимое.

Перво-наперво, я рассмотрела марку. Не слишком красивый ряд современных домов. Внизу крошечными буквами подпись: «Прага. Квартал Смихов».

В столице Чехии я бывала не раз. Про Смихов что-то слышала, но никогда туда не заходила. Ладно, бог с ним.

Почтовый штемпель размазан. Цифры месяца совсем неразборчивы, год, сколько я ни приглядывалась, упорно казался мне 2028-м. Ошиблись, вероятно, или просто цифра размазалась.

Я перевернула конверт. Штамп российской почты выглядел аккуратней. Но и тут стояло: «23 июля 2028 года». Что за ерунда? Я жадно вгляделась в адрес отправителя:

Лечебница Дарков, Карвина-Дарков, Моравосилезский край, Чехия. Виктория Юнкер.

Впору достать платок и протереть глаза.

Вика, по счастью, никаких странностей не замечала. Стояла рядом, подпрыгивала от нетерпения:

— Ну что там, что?!

Я аккуратно вскрыла конверт. Оттуда выпали письмо и фотография. Девушка, конечно, первым делом схватила ее и пару секунд с ужасом разглядывала. Потом схватилась за горло и бросилась прочь. Я услышала, как ее рвет, кажется, и до ванной комнаты добежать не успела.

Что там такое?

Я подняла фото, упавшее лицевой стороной вниз.

Из инвалидной коляски на меня смотрела усталая, иссохшая женщина. Потухшие глаза, правый рукав пуст. Ноги — даже под пледом видно — тонкие, как плети. Волосы наполовину седые, глаза в сетке морщин. На вид — давно плюнувшая на себя старуха. Однако это, несомненно, была Вика. Только гораздо старше. И ужасно измученная. Хотя даже в 2028-м году ей и тридцати лет не будет. Что за глупые, да, к тому же, сволочные игры?

Я не стала ждать, пока девушка вернется ко мне, вынула и развернула письмо. Почерк неверный, дрожащий:

— Привет, папа! Хотя ты и обещал, что у меня получится, но я так и не научилась толком писать левой рукой. В остальном все нормально, насколько это возможно в моем положении. Доктора продолжают мучить процедурами. Но я-то понимаю: если перебит позвоночник, вылечить паралич невозможно. В бассейне, правда, находиться приятно. Иногда я закрываю глаза и представляю, что снова здоровая и молодая, плаваю в море, а вечером наряжусь в красивое платье и пойду пить коктейли и танцевать. Пробуждаться от фантазий и снова видеть свое жалкое тело всегда очень больно.

Ты спрашиваешь, почему я не хочу больше петь. Доктора тоже удивляются. Ведь пение — одно из немногих, что я еще могу. Но после той проклятой свадьбы и того взрыва я поняла, что даже просто звуки музыки постоянно напоминают мне об ужасе и боли. Здесь есть тематические вечера, приезжают с концертами местные коллективы, но я никогда не принимаю участия в этих активностях. Я ненавижу музыку. Ведь это она привела меня сюда.

Понимаю, что ты расстроишься, но я как-то обещала никогда тебя не обманывать. Не буду и сейчас. Если честно, больше всего на свете мне сейчас хотелось бы умереть. Какой смысл стареть в богадельне, без ног, среди инвалидов и без малейших перспектив?

Извини, если расстроила тебя. Но притворяться счастливой я не могу.

Пищелеву с дочкой хорошо, они мертвы и, возможно, даже в раю. А мне еще неизвестно, сколько страдать.

Я понимаю, что поездки обходятся дорого, но ты все-таки навещай меня почаще.

Твоя Вика.

Девушка вернулась в коридор с видом бледным и самым решительным. Снова садиться на пол не стала. Строго посмотрела на меня и произнесла:

— Я хочу знать, чья это глупая шутка, и почему отец в нее поверил. Только не надо мне говорить про алкогольную деменцию и прочий бред. Да, он пил. Иногда вел себя странно. Но верить в письма из будущего не стал бы однозначно.

— Однако шутка исполнена очень профессионально, — заметила я. — Штемпели на конверте — две тысячи двадцать восьмого года, от обеих стран. Квартал Смихов на картинке — я вспомнила — только в этом году начал строиться на месте бывшего железнодорожного вокзала в Праге. И фотография... м-мм... отфотошоплена мастерски, обычный любитель так не справится. Думаю, кто-то хотел предупредить твоего отца, что на свадьбе произойдет взрыв. И, непонятно почему, выбрал столь оригинальный способ. Даже не оригинальный — просто бредовый.

— Но почему папа просто не сказал: «Я знаю, что на свадьбе будет взрыв, ни в коем случае туда не езжай!» — всхлипнула Вика. — Я бы тогда, конечно, не поехала.

— Видимо, боялся выдать сообщника. Или боялся, что ты не поверишь, — предположила я.

— Я и не поверила.

— Похоже, он это понял, — кивнула я. — Говоришь, тебя «БМВ» преследовал? С бандитами? Это надежнее, чем письмо.

— Вы хотите сказать — их папа нанял?! — взвилась Вика.

— Не знаю пока.

— Никогда бы он такого не сделал! Он меня, наоборот, защитить хотел! — И она заревела.

А я отчетливо поняла: сколько ни строю из себя самостоятельную даму-детектива, но без милого Пашеньки мне никак не справиться. Все-таки, наверное, он — Шерлок Холмс, а я — всего лишь доктор Ватсон.

Паша ненавидит, когда я принимаюсь действовать самостоятельно.

Однако рассказ о вчерашней одиссее выслушал с неприкрытым интересом. Не пенял, что я самовольно покинула место засады. И по поводу стенограммы об отсутствии перчаток отмахнулся:

— Забей! Если письмо через почту прошло, отпечатки все равно не установить. На конверте только пальцы отца. Нормальные люди подобное отправляют в перчатках.

— Но кто это сделал?! — Я ломала голову всю ночь и запуталась окончательно. — И почему письмом не удовлетворились — отправили в погоню еще и «БМВ»?

— Недостаточно вводных, — пожал плечами Паша и пообещал: — Пробью теракт по своим каналам. А ты пока в открытых источниках посмотри.

— Весь Интернет уже облазила, — вздохнула я. — Информации крайне мало. Знаю только, что Пищелев в момент взрыва танцевал с дочкой. Свадебная

традиция — отец как бы передает ее мужу. Играла в этот момент — внимание! — битловская «Let It be». Только в инструментальном исполнении — певица-то не явилась.

— Значит, автор письма знал не только, на кого нацелен взрыв, но и момент, когда он произойдет, — с задумчивым видом констатировал Павел Сергеевич.

— Тогда это, скорее, исполнитель, — заметила я.

— А я бы поставил на заказчика. С тараканами в голове. Пожелал, чтобы враг погиб вместе с любимой дочкой, да еще под философскую фразу: «Да будет так». Очень эффектно, если с позиции маньяка рассуждать.

— Но заказчик почему-то не хотел, чтобы Вика тоже погибла. Может, это друг ее отца? Или... или сам отец?!

— Тогда бы он просто запер ее в доме. К тому же откуда тогда взялось письмо? Его явно долго и тщательно готовили. И предназначалось оно, несомненно, Юрию.

— Может, пойдём от печки? Вика просила узнать про папу абсолютно все. Начиная с момента, как он с ее мамой познакомился...

— Иди. Занимайся, — отослал меня Павел, причем весьма охотно.

Я еще дверь не успела закрыть, как услышала — он набрал номер и кого-то спросил:

— Ты в курсе, что вчера в «Золотом лебеде» стряслось?

Я вернулась в предбанник. На любимые аксессуары для вдохновения — пилку и лаки для ногтей — даже не взглянула. Стала набрасывать план, по каким еще базам пробивать Викиных родителей, с кем из родственников-сослуживцев-знакомых имеет смысл пообщаться.

Отвлеклась от работы буквально на минуту — позвонить в больницу «Скорой помощи».

Справочная служба против ожиданий отозвалась мгновенно.

— Скажите, пожалуйста, как самочувствие Юрия Юнкера, он вчера в реанимацию поступил? — быстро протараторила я.

— А вы кто ему будете? — мягко спросила дама на другом конце провода.

— Коллега.

Женщина вздохнула и с дежурным сочувствием произнесла:

— Юрий Юнкер скончался. Сегодня в четыре сорок.

Этого следовало ожидать, но я надеялась — вдруг выкарабкается? Или хотя бы дня три-четыре протянет?

Вика наверняка уже знает. Надо звонить, приносить свои соболезнования. Страх, как этого не люблю! Что человеку, потерявшему любимого отца, до моих соболезнований?

Звонить или не звонить?

Но в любом случае следовало узнать, нужно ли ей теперь заказанное вчера расследование. Может, она просто хочет как можно скорее выбросить из головы весь этот кошмар?!

Я все же набрала Викин номер. Она отозвалась сразу. Голос мертвый:

— А, Римма, это вы? Папа умер. Знаете уже? — И вдруг истерически рассмееялась: — У меня теперь фингал под глазом. Мать поставила. Сказала: за отца это еще мало.

Как о расследовании говорить, когда девушка в таком состоянии? Но Вика, к счастью, сама свернула на больную для меня тему:

— Теперь не надо уже ничего узнавать. Зачем? Только фотку проклятую порвите, ладно?

Мне стало так ее жалко, что у самой чуть слезы из глаз не брызнули.

— Вика, давай я тебе помогу, — тихо прошептала я. — Хоть как-то. Организовать что-нибудь, родственников обзвонить...

— Маман уже сама все готовит, — горько усмехнулась она. — Можно не сомневаться: будут похороны века. Она великий организатор, все успевает. Место на Востряковском кладбище обеспечила. Ресторан выбрала. И даже адвоката наняла.

— А это зачем?

— У таксиста оказались тяжкие телесные и страховка. Плюс таксопарк подключился. А мы наследники. Уже два иска. Требуют компенсацию за лечение, машину, за моральный ущерб — миллион. Мама обещала мне еще раз врезать. Как будто я виновата! — Вика снова истерически расхохоталась.

Паша не любит работать «за интерес», но иначе поступить я не могла.

— Вика, нам ничего платить не надо. Позволь, пожалуйста, разобраться, кто виновник, кто прислал письмо? Ведь на самом деле не ты, а именно тот человек отца твоего убил.

— Разбирайтесь, — равнодушно бросила Вика, — если вам делать нечего.

— А мне можно на поминки прийти?

— Да ради бога! Чем больше народу — тем эффектней. Так маман считает.

— Я не для эффекта. Тебя поддержать хочу.

Девушка устала ерничать. Горько всхлипнула и прошептала:

— Хорошая ты. Жаль, подругой не будешь.

— Кто мешает?

— Да я после похорон сразу смоюсь отсюда. К черту на рога. На Бали. В Гондурас. Что мне тут делать? Отца нет. Маман опять начнет мозг выносить, чтобы я в школу бизнеса шла. И упрекать каждый день, что я отца убила.

— А петь?

— Нет. Петь я больше не буду. Никогда. В том письме правильно написали.

В открытых источниках информация пока не появилась, но золотце мое Паша очень скоро все узнал.

В деле оказался замешан один из официантов «Золотого лебедя». Взрывное устройство, судя по всему, пронес накануне. Возможно, знал, что охранники безопасность помещения проверять не будут — только гостей прогнать через рамку и просить показать сумки.

В день свадьбы без пятнадцати девять вечера, когда надо было убирать закуски и в очередной раз обносить гостей шампанским, официант исчез. Коллеги разозлились: нашел время курить. Но на заднем дворе, где стояли пепельницы для персонала, парня не оказалось. Как и на кухне, и в туалетах. Менеджер прилюдно поклялся, что не просто уволит, но внесет фамилию этого засранца в «черный список», однако сообщать о происшествии никому не стал. В полицию звонить — повода вроде нет, а охране — та мозг вынесет, да еще и олигарху доложит. Сам потом в «черном списке» окажешься.

В восемь пятьдесят три эстрадный артист, который вел свадьбу, объявил танец отца с невестой. Номер был поставлен заранее, и свидетели дружно показали: пушинка-дочка в объятиях расчувствовавшегося олигарха смотрелись удивительно мило и трогательно.

А в восемь пятьдесят шесть сработало радиоуправляемое устройство — оно оказалось заложено под танцевальным подиумом.

У Пищелева с дочкой шансов не было никаких. Ведущий, звукорежиссер и фотограф, снимавший действие, тоже погибли. Еще восемь человек — гости и сотрудники ресторана — получили множественные травмы.

Взять официанта, казалось бы, плевое дело — известны фамилия, имя, адрес. Однако выяснилось, что парень работал в заведении всего месяц, его паспорт и медицинская книжка поддельные, а отпечатков пальцев ни в каких базах данных нет.

Крохи информации просочились в прессу.

Известная дама-блогер немедленно разразилась постом «Любовь и месть бедняка». Скромный халдей, по мнению романтической особы, был отчаянно влюблен в богатую принцессу и не смог пережить, когда отец вынудил ее выйти замуж за равного по положению. Раздобыл взрывное устройство и отомстил обоим.

Я подсунула текст Паше.

— Бред! — цинично хмыкнул он и добавил: — А официант, скорее всего, мертв.

— Ты так считаешь — или знаешь? — насела я на него.

— Подумай сама, — потрепал меня по плечу Синичкин. — Единственное звено. Только он мог вывести на заказчика. Парня наверняка убрали в тот же вечер. Все концы обрублены. А мышиная возня — копать в окружении олигарха, его дочери — вряд ли что даст.

- То есть преступника не найдут?
- Землю роют. Но в результате я не уверен.

Все мои черные платья оказались до неприличия короткими, и я решила идти на поминки в темных брюках. Подходящей футболки — без пайеток, выреза или принта — тоже не нашлось. Пришлось потратиться, а также купить платок, но я себя утешила — будет в чем потом квартиру убирать.

Для поминок Викина мама выбрала весьма элегантное место — кафе почти в центре Москвы, с летней террасой и видом на реку. Оформлено помещение тоже оказалось с хорошим вкусом — никаких траурных портретов, зато повсюду — фотографии Юрия в одинаковых (и не черных!) рамках. Молодой, постарше, веселый, задумчивый, рядом с женой, в обнимку с дочкой.

Публики собралось много, но среди скорбящих преобладали подруги, коллеги и знакомые не покойного, а его деятельной супруги. Судя по тому, сколь радостно Вика кинулась ко мне, ее собственных гостей здесь тоже оказалось мало, а то и не было вовсе.

— Отец — домосед, работал удаленно, никаких корпоративов и коллег. Армейские друзья — кто потерялся, кто умер. Собутыльников мать принципиально не позвала, — словоохотливо пояснила девушка. — Я ждала, что хоть Артем придет, мой шеф, но его еще из больницы не выписали.

— Сильно он пострадал?

— Царапины, — отмахнулась она. — Все меня благодарит.

— За что?

— Он же бесился страшно, что я не приехала и на звонки не отвечала. Когда Пищелев с дочкой танцевать пошли, его как раз осенило меня по домашнему номеру поискать. Вот он от эстрады и отошел, чтобы музыка не мешала. А так бы тоже на куски разорвало.

Я принялась — от Вики ощутимо пахло спиртным. Впервые, кстати. Мы и раньше в печальных обстоятельствах встречались, но она тогда что-то упоминала про принципы, и для голоса, мол, вредно... А сейчас не смогла удержаться и, всхлипнув, проговорила:

— Маман зачем-то на кладбище оркестр подогнала. И военные залп дали, хотя отец к армии давно никакого отношения не имел. Священник душу травил, потом она сама целую поэму зачитала. Хорошо, у дяди Мити фляжка была, а то бы я совсем рехнулась.

— А кто такой дядя Митя?

— Друг отцовский. Школьный еще. Вон он, с матерью стоит. — Вика воровато огляделась, остановила взгляд на дальнем конце стола, где дружной компанией помещались бутылки, и шепнула: — Пойдем туда. Будешь меня прикрывать.

Я начала беспокоиться. Когда непьющий человек, да еще в стрессе, дорывается до алкоголя, концовка обычно скоротечна и печальна. Вике, может, и надо допить до полного забытья, но мать ей потом устроит — за срыв «культурного» мероприятия.

Впрочем, сходу спорить и наставлять на путь истинный я не стала. Плеснула в два фужера немного коньяку и предложила:

— Пойдем, на воздух выйдем, все равно за стол пока никто не садится.

Мама Вики, и впрямь, будто на великосветском приеме: с рядом с метрдотелем у входа, встречала гостей.

«Эта шляпка изумительно вам идет», — услышала я.

Слишком в хорошей она форме для свежее испеченной вдовы. Хотя фингал дочери поставила знатный — до сих пор отчетливо проступал сквозь толстый слой грима.

Мы вышли на пустую террасу. Плохо подвязанные ветви дикого винограда шелестели на ветру, с Москва-реки тянуло соляжкой и болотом, на малой скорости плелась длинная проржавевшая баржа.

— Не смогу я без отца жить, — с грустью в голосе проговорила Вика.

Я вообще не склонна к романтике, но сегодня вдруг осенило:

— Вик, а ты представляй, что он здесь. На Земле.

— Это как?

— Мужчины ведь часто надолго уезжают, но потом всегда возвращаются.

Допустим, он капитан корабля и ушел в кругосветку.

— Папа-то не вернется, — всхлипнула она.

— Он будет приходить к тебе во сне. Или на улице. Увидишь знакомую фигуру, побежишь, не догонишь — но все равно будто бы повидались. А свою бабушку я однажды видела в облаке.

— В «Яндексе», — хмыкнула Вика, — или на «Мэйле»?

Может шутить. Уже хорошо.

— Нет. В настоящем облаке. Я сидела на даче в шезлонге. Смотрела в небо. И вдруг — ее лицо. Очень отчетливо. Она выглядела счастливой, улыбалась. Ничего не сказала, но я сразу поняла: там, в раю, ей хорошо.

— А папу не пустят в рай, — пробормотала Вика.

— Я не верю, что в рай определяют по канонам из Библии или «Божественной комедии», — ответила я. — Хорошему человеку можно простить любую ошибку. А Бог — он не карающий. Он добрый.

— Ох, если бы так! — Она порывисто обняла меня, подхватила мой нетронутый бокал, опустошила его и, откинувшись на спинку плетеного кресла, пожаловалась: — Все кружится. — Затем глаза ее закрылись, губы тихо что-то прошептали, из чего мне удалось разобрать: — Отец всегда был прав. И на счет Мишки прав. Какое счастье, что он его убрал!

— Как ты сказала?!

Хмель мигом слетел с Вики, и она с ужасом посмотрела на меня:

— Я ничего не говорила!

— Вика, я слышала, что ты сказала, — как можно спокойнее произнесла я. — Но тебе не о чем волноваться. Если человека нет, то и обвинять некого. Дело об убийстве сразу закрывают.

— А память порочить? А родители Мишкины? Они живы, тоже могут гражданский иск нам вчинить, — почти трезвым голосом возразила девушка и, схватившись за голову, простонала: — Правильно мать говорит: олигофренка я. Нашла, с кем разболтаться!

— Ты меня, кажется, подругой своей называла, — обиделась я. — Но как частный детектив могу тебе сказать: для любого поступка обязательно должен иметься мотив. И лично у меня нет никакого желания или выгоды порочить память твоего отца. Можешь не волноваться. А как он его убил?

— Принеси мне еще выпить, — тяжело вздохнула Вика.

— Нет. Тебе больше нельзя.

— Тогда я схожу сама.

Она схватилась обеими руками за ручку кресла, тяжело поднялась и, качнувшись, чуть не упала. Я вскочила, обняла ее за плечи и заорала:

— А ну, сядь!

— Я сказала, п-принеси мне выпить! Н-немедленно!

— Сейчас все принесу. Только за мной не тащись, иначе шею сверну, — предупредила я и пулей кинулась обратно в ресторан.

— Х-хороша подруга! — рассмеялась мне Вика.

Как ее обмануть?

По счастью, ассортимент напитков в конце стола оказался богатым. Имелись тут и ром, и водка, и соки. Я быстренько схватила «Столичную», апельсиновый сок и два высоких бокала. Заскочила в туалет, вылила водку в раковину, заполнила емкость водой. И вернулась на террасу.

— Коньяка больше нет, а чистая водка тебя с ног сшибет. Поэтому будем пить коктейль. «Скрудрайвер».

— Град-дус, — икнула Вика, — п-понижать нельзя.

— Ничего. Тебе сегодня все можно.

— С-споить меня хочешь и все в-выведашь?

— А что поделаешь? Подруги всегда любопытны, — улыbnулась я.

— Ну, тогда на, читай! — Она протянула мне конверт и прокомментировала: — Фотографии, к счастью, нет.

Слева от яркого изображения с подписью «Московский Диснейленд» значился обратный адрес: Иркутская область, деревня Ручьево, дом 3. Дата — 15 мая 2028 года — меня уже не удивила. Текст, в отличие от прошлого письма, был напечатан на принтере.

Письмо начиналось драматично:

Дорогой папа, Мишка меня опять вчера избил. Кажется, перебил нос. И еще страшно колет в боку. Я прочитала в Интернете: так бывает, если сломано ребро. Но пойти в больницу, как ты понимаешь, я не могу. Сам помнишь, что случилось в тот единственный раз, когда ты уговорил меня это сделать. А потерять еще одного ребенка я не хочу. Возможно, ты прав, что нельзя иметь детей от этой мрази, но в чем виновен маленький человечек, который плачет от боли и страха у меня в животе? К тому же врач сказал, что сейчас мой последний шанс выносить ребенка, больше я забеременеть не смогу.

Не волнуйся, папа, я твердо верю, что малыш унаследует только мои, а еще лучше — твои черты. Вырастет умным, порядочным, добрым и никогда не будет поднимать руку на женщину.

Спасибо тебе большое за посылку. Не буду обманывать, что все фрукты достались мне, но половинку апельсина я съела с огромным удовольствием. После наших бесконечных кислых яблок да сухой моркови — настоящее наслаждение.

Ферма, как ты и предупреждал меня, переживает тяжелые времена. Работать некому, налоги огромные. Тот небогатый урожай, что удалось снять, продаем перекупщикам за гроши. Крутиться по дому и в огороде мне уже тяжело, но я уговариваю маленького, что осталось совсем немного. Дальше я отдохну. Хотя бы несколько дней в роддоме.

Дорогой папа! Мне очень, очень жаль, что я когда-то тебя не послушалась и настояла на своем. Да, теперь я понимаю: мое замужество оказалось ужасной ошибкой. Но браки заключаются на небесах, поэтому остается только терпеть.

Целую тебя крепко,

Твоя Вика.

Вместо подписи — веселая рожица.

— Я всегда такую рисовала, когда ему записки писала, — вздохнула Вика.

Я откинулась в кресле. Письма из будущего, лихо придумано! И исполнено профессионально. Все предусмотрели — от штемпеля до рисунка на конверте. И текст правдоподобный, по-женски слезливый.

— Но как твой отец мог воспринять это всерьез?! — не удержалась я от вопроса.

— Ну... Я думаю, тут все в одно сошлось. Папа из Чечни уже немного странный вернулся. Плюс пил. Плюс общался с эзотериками. На семинары ходил, на форумах тусил. А у них там норма — с мертвыми общаться, будущее предсказывать. Но самое главное — письмо на благодатную почву упало. Он Мишку терпеть не мог. Много раз мне говорил: бесхребетный, нахлебник, неудачник, жизнь твою погубит. Я, разумеется, не слушала. И тогда папа решил меня от него избавить.

— Нет, подожди! Он читал тебе морали. Но если бы письма не было — стал бы убивать?

— Вряд ли. Не знаю.

— А когда он это получил?

— Как теперь поймешь? На штемпеле — двадцать восьмой год, — с горечью хмыкнула Вика. — А отец уже не расскажет.

— Но почему ты вообще решила, что Михаила убил он?

— Я уже давно у мамы выяснила. В тот день, когда Мишка поехал в дом отдыха, а я пошла на концерт, отца дома не было. Часов в двенадцать ушел — и вернулся в одиннадцать вечера. Якобы с армейским другом встречался. Но мама точно не знает. И полицейские этого не проверяли.

— То есть он мог банально позвонить твоему Михаилу и попросить встретиться?

— Да, — мрачно отозвалась Вика.

— Телефон Михаила исчез. Детализацию его звонков, насколько я знаю, не делали, — начала я припоминать. — А твоя кредитная карточка? С которой сняли деньги? Твой отец знал ПИН-код?

— Да. Я однажды сказала, когда болела. А потом не стала менять. Папа ведь. Думала, не ограбит.

— Слушай, а он ведь мог в Мишины вещи и проект кредитного договора подсунуть! На десять миллионов. Из-за которого ты так разозлилась.

— Мог. — Вика залпом допила «скрудрайвер» и пожаловалась: — Что-то не цепляет больше.

— Давай, еще сделаю, — легко согласилась я.

— Полицейские методы. Споить — и все выведать, — проворчала она.

— Да ты уже рассказала, что нужно! — протянула ей новый стакан и задумчиво продолжила: — С фотороботом только непонятно. На отца твоего этот человек никак не похож.

— Я сама картинку не видела, — пожала плечами Вика. — Но папа однажды набрался и рассказывал, как можно внешность изменить. Там и скотч присутствовал, и грим театральный, и какие-то капы в рот, чтобы овал лица стал другой. Он в армии всему этому научился.

— К тому же составляли портрет со слов старика с катарактой, — подхватила я.

— В общем, папа выдержал допрос, его не опознали и ни в чем не заподозрили, — подытожила Вика. — Но он все равно сорвался. Запил, совсем жестко. Дегradировал на глазах просто. И тут, на такую почву, ему — второе письмо.

— То есть ты считаешь, что Михаила убил все-таки твой отец?

— Ну, я сначала вообще думала, что мама. Не своими руками, конечно, наняла кого-то. Она его тоже терпеть не могла, да и билет на Монсеррат Кабалье якобы случайный очень кстати выплыл... Я пыталась прижать ее, даже

угрожала, что в полицию пойду. Но маман у меня — кремень. Только плечами пожимала, мол, о таких слизняков рук не марают. А потом я в лотерею выиграла и в Италию уехала. Тогда и поняла: да просто счастье, что я свободна! Без этого Мишки дурацкого! Каждый день благодарила благодетеля неведомого. Того, кто меня от него избавил.

— А может быть, что мама не убивала — но письма писала?

Вика, несомненно, эту гипотезу давно обдумала, поэтому ответила очень уверенно:

— Не ее стиль. Всегда жаловалась, что в школе самое страшное было — сочинение написать. И компьютер она знает минимально — «Ворд» да «Эксэль». Фотошоп — точно не ее.

— Да и откуда она знала, что на той свадьбе взрыв планировался? — задумчиво добавила я.

— Ниоткуда, — твердо сказала Вика. — Отец еще мог в какой-то криминал вляпаться, но маман — принципиальная. Она ведь в ресторанах всю жизнь и всегда говорила: пьяного обчитать — дело святое, а за что посерьезнее — обязательно вычислят и посадят.

— Но кто же тогда?

На пару секунд мой риторический вопрос повис в воздухе.

Затем Вика отставила свой бокал и неуверенно произнесла:

— У меня есть одно подозрение. Но каким боком тут я — вообще непонятно.

Вика

Тремя часами ранее

Хотя с утра мать влила в нее пятьдесят капель валерьянки, «новопассит» и впихнула три таблетки боярышника, Вика никак не могла заставить себя войти в морг. Родительница сначала убеждала, потом злилась, тянула за руку. Наконец выплюнула:

— Истеричка! С родным отцом не проститься, стыд какой! — Резко развернулась и, практически чеканя шаг, отправилась в юдоль скорби.

А Вика упала на лавочку во дворе морга и начала реветь.

Парочка маминых подруг воровато прошмыгнула мимо — утешать скорбящую дочь не захотели.

Девушка закрыла лицо руками, сжалась в комок. Начала себе внушать: «Ты должна. Должна!» И вдруг услышала:

— Курить будешь?

Голос был женский.

Вика убрала руки от лица. Рядом на лавке сидела дама. В черном, как и большинство в больничном дворе. В руках — букет печально-бордовых роз. Лицо некрасивое, на переносице решительная складка. Где-то Вика ее видела. Сто процентов.

— Я не курю, — прошептала она. — Бросила.

— И дальше не будешь, — уверенно произнесла женщина. — А сегодня можно, — и протянула ей пачку.

Вика послушно прикурила. Сначала рот залило несусветной горечью, но очень быстро и правда стало полегче.

— Тебе надо просто пережить этот день, — с продолжила женщина. — Всего один неприятный, страшный день в твоей жизни. Да, боль останется навсегда. Но страх и кошмар — они только сегодня. Подумай, что такое несколько часов в сравнении с вечностью? Кстати, выглядит Юра совсем не страшным. Будто спит. И даже улыбается слегка.

Вика взглянула на розы в ее руках и удивленно спросила:

— Вы разве уже там были?

И тут она вдруг вспомнила: вечеринка, повышенный гонорар, за столиком тихо разговаривают мужчины — и среди них она. Единственная дама.

— Это ведь вы мне дарили цветы! Такой же огромный букет — только не мертвого цвета!

— Да, — улыбнулась женщина. — Мне понравилось, как ты поешь. И вообще ты мне нравишься.

— Вы меня знаете? — озадаченно спросила Вика.

— Нет, — ответила та и поднялась: — Я иду попрощаться с твоим отцом.

— Подождите, я с вами!

И они вместе вошли в морг.

Папа, как и предупреждала незнакомка, совсем не походил на страшного мертвеца. Приятного оттенка розоватая кожа, нежный румянец, глаза не запали, на губах — легкая улыбка.

— Тысяч двадцать, наверное, гримерам отвалили, — услышала Вика чей-то шепот за спиной. И бесстрашно приблизилась к гробу. Поцеловала отца в холодный, но совсем не противный лоб и прошептала: «Я всегда тебя буду любить и помнить». А когда отошла, увидела, что незнакомка, уже без цветов, спешно покидает морг. Покидает не одна, а в окружении двух мужчин. Причем держат они ее так, будто боятся, что вырвется.

— Подождите! — бросилась за ними Вика.

Но троица лишь ускорила шаг, причем девушке показалось, что женщина не идет, ее волокут.

Как назло, народ навстречу все шел и шел, протолкаться оказалось сложно. И когда девушка, наконец, выскочила во двор, она увидела: прямо у ворот морга стоит машина (хотя въезд сюда разрешен только катафалкам). В нее и запихнули женщину в черном. А потом автомобиль с визгом тронулся с места и погнал к воротам.

— Кто это? Что случилось? — обратилась Вика к стоящим вокруг зевакам.

— Понятия не имею, — пожалала плечами какая-то дама. — Но вообще — редкостная наглость по территории морга гонять. Я номер запомнила. Буду жаловаться.

— Кому? Номера-то ментовские, — вступил в разговор стоящий рядом мужчина.

— А-аа... — с разочарованием протянула женщина. — Ну, этим все можно. — И скрылась в морге.

А Вика так и осталась на пороге.

Кто была эта женщина?

Но поразмышлять она не успела — на порог выскочила мать. Злая, как фурия. Схватила дочь за руку, зашипела:

— Ты где шляешься?! А ну, быстро пошли! Сейчас гроб выносить будут, а тебя все нет!

Вика

К третьему «скрудрайверу» Вика секрет напитка разгадала и сердито налетела на Римму:

— Я тебя что, в няньки нанимала? — Остатком разума осознавала: получается грубо. Но все напряжение дня накопилось, выплеснулось разом. Будто бес вселился, дергал за язык: — Чего ты вообще сюда пришла?! Поесть на халяву?

Римма — будто сфинкс. Безмятежно потягивала свой разбавленный водой апельсиновый сок. А Вика продолжала орать:

— Ничтожество, вот ты кто! И дело не раскрыла, и сейчас меня обманываешь!

Ей очень хотелось, чтобы Римма взбесилась, устроила скандал. Но та лишь примирительно предложила:

— Хочешь еще сока?

И тогда Вика отправилась за алкоголем самостоятельно. Чувствовала, что ее качает, однако выпить надо было срочно.

Римма удерживать не стала.

А девушка, войдя в общий зал, сразу столкнулась с мамой. Та все поняла, но только вздохнула:

— Не удержалась. Я так и думала.

Народ уже сидел за столами, поднимал, не чокаясь, бокалы, но маман без тени колебания бросила гостей, отвела дочку в туалет, велела наклониться над унитазом и открыть рот.

— Мам, — бормотала Вика, — я сама. Неудобно...

— Не смущайся. Ты мне родная. И у меня — большой опыт.

Когда Вика вышла из туалета, ее по-прежнему покачивало, но голова стала ясной. Доселе плававшее в тумане алкоголя лицо отца снова встало перед глазами, и она заплакала.

— Викуля, ты ведь у меня сильная, — обняла ее мама. — Пожалуйста, держись! Дома поплачешь.

И дочь повиновалась. Сидела со всеми за поминальной тризной. И завидовала дочери олигарха Пищелева. Та сейчас была вместе с отцом. А ей только папины портреты остались.

Римма

Вика очень старалась меня разозлить, но на скорбящих я не обижаюсь. А что с поминок выгнали — так оно и лучше! Найдем местечко поприятнее.

Город накрыло теплыми сумерками, и, идя по улице, я вдруг подумала: «Где, интересно, сейчас мой босс, бог и друг Синичкин? Шепчет на ушко очередной красавице байки о своей опасной доле частного детектива? Или тоже чувствует себя одиноким и не знает, с кем ему преломить хлеб?»

Как мне хотелось сейчас оказаться рядом с ним! Вместе сходить в ресторан. Обсудить ситуацию. И просто почувствовать его тепло, его силу.

Я набрала номер (в памяти моего телефона он шел под цифрой «1») и затараторила:

— Пашуня! Я поняла, что без тебя не могу.

— Ты это о чем — о работе или о личном? — осторожно спросил Синичкин.

— Обо всем, — честно призналась я и быстро добавила: — Давай в ресторан сходим.

— Не до гулянок сейчас, — буркнул Павел. — Приезжай в офис. Я хлеба с колбасой купил.

Синичкин в семь вечера перекусывает на рабочем месте. Потрясающе!

Я немедленно помчалась в магазин. Купила бутылку вина, нарезку сыра, орехи и виноград. Надо заесть поминки — и внести свою долю в наш с Павлом ужин.

— А что ты домой не пошел? — войдя в офис, поинтересовалась я.

— Втянула меня в дурацкую мыльную оперу — и еще спрашивает! — воскликнул Павел Сергеевич.

— Но согласись, письма из будущего — это так интересно! — с воодушевлением произнесла я. — Я, кстати, только что с поминок.

— Чую, — выразительно повел он носом.

— Брось! Я там буквально две капли. Все остальное время Вику «пасла». Но она все равно напилась.

— Переживает?

— Не то слово.

— Да, глупая история, — вздохнул Синичкин. — Я, кстати, сходил к соседям. В рекламное агентство. Письмо показал. Они оценили. Сказали, обоих бы на работу взяли.

— Кого — обоих?

— Над рекламой обычно в паре работают. Один концепцию придумывает, текст пишет, второй визуальный ряд создает. Рекламисты уверены: над письмом двое трудились или же целая команда.

— Быть того не может! — откинувшись в кресле, воскликнула я.

— Я тоже думаю, что это работа одного человека, но — уникама.

— Но кто? И зачем?!

Ответа Паша не дал. Открыл вино, пожевал орешек, виноградину. И буднично добавил:

— Убийцу Пищелева и его дочери, кстати, взяли.

— Официанта?

— Нет. Рыбу покрупнее.

— Это кого же?!

— Повезло моим коллегам бывшим, — усмехнулся Синичкин. — Там такой кадр! Практически «Сонька — золотая ручка».

— Как ты сказал? — удивленно протянула я.

— Впервые в моей практике. Чтобы заказное убийство, да еще на таком уровне, баба устроила! Впрочем, хороших организаторов находят редко, а ее взяли. — Павел закинул в рот несколько виноградин, сопроводил орехом. — Что еще раз доказывает: женский мозг мал, мышление узко.

Я оставила без внимания его замечание по поводу женского пола, а шеф продолжил:

— Интересная особа. С девятнадцати лет по тюрьмам. Пять судимостей. Месяца два назад вышла, и снова вляпалась еще лет на двадцать.

— Паша, ты можешь ее фото достать?

— Зачем?

— Не исключено, что эта особа связана с моей заказчицей.

— С юной певичкой?! Каким образом?

— Смотри, Вику недавно позвали петь на мероприятии, где авторитеты присутствовали. С охранником, за повышенный гонорар. И там одна криминальная дама ей букет роз подарила. А сегодня, только представь, она же на похороны Викиного отца явилась. И самое главное! Эту тетку прямо с порога морга под белы рученьки в машину затолкали и увезли. Наверняка твои бывшие коллеги. Не она ли — та самая «Золотая ручка»?

— Да, ту взяли сегодня, — кивнул Паша. — Но зачем преступнице было приходить на похороны Викиного отца?!

— Давай сначала убедимся, что это действительно она. Перешлем фото моей клиентке, пусть та ее опознает.

— И что? — хмыкнул Павел.

— Ну... дама явно имеет связь с их семьей. И питает непонятные чувства к Вике. Если она планировала взрыв и узнала, что ее любимица будет там

петь, вполне логично, что попыталась предупредить. Сочинила письмо из будущего. А на случай, если оно не подействует, все-таки решила подстраховаться — еще и бандитов на «БМВ» прислала.

— Насчет бандитов — не исключено, — согласился Синичкин. — Но письмо?! Ты хотя бы раз в глаза видела человека после пяти ходок?! Это особый мозг, особый склад. По три ошибки в слове. Про фотешоп вообще молчу. У нашей героини, кстати, образование — восемь классов, насколько я помню.

— Все равно нужно показать ее фото Вике, — упрямо повторила я.

— Ни в коем случае! — решительно замотал головой Синичкин, а потом задумчиво добавил: — Шерлок Холмс на полицию в лице инспектора Лестрейда всегда работал бесплатно. Давай и мы поможем нашим доблестным органам. Приглашай завтра к десяти Викину маму.

— Извини, не смогу, — смутилась я.

— Ты потрясающе красивая девушка и неплохой детектив, — вкрадчиво проговорил Паша, — но все-таки ты еще и мой секретарь. Почему не можешь ей позвонить?

— Это из-за Вики, — вздохнула я. — Она маму побаивается. Вот мы и сказали, что я — ее подруга. Еще когда Михаил пропал.

— Ох, женщины! — поморщился Синичкин. — Не можете вы работать нормально. Только с подвывертом.

— К тому же Викина мама все равно не придет.

— Почему?

— По русской традиции, на следующее утро после похорон положено ехать на кладбище. Покойного завтраком кормить. Символически.

— Ничего, — отрубил Синичкин, — покормят обедом. Давай телефон. Позвоню сам, так и быть.

Признаться в том, что даже имя Викиной мамы забыла, а номер ее телефона вовсе не знала, я никак не могла.

— Сейчас, Пашенька, один момент.

Я вышла в предбанник и, раз Вику шеф велел не трогать, позвонила напрямую в «Пирог и пышки» — сеть кафе, принадлежащих Викиной маме. Нагло представилась обозревателем известной деловой газеты и потребовала телефон генерального директора, причем немедленно, для срочного комментария в номер.

— Ирины Антоновны? — растерялись на другом конце провода. — Но у нее горе, супруг погиб...

— По данным рейтинговых агентств, одно упоминание названия фирмы в нашей газете повышает объем продаж на четыре с половиной процента, — понесла я откровенную чушь. — Впрочем, как вам угодно. Я могу позвонить в «Теремок» или «Крошку-Картошку».

— Нет-нет! — перепугались в «Пирожках и булках». — Вот номер. Но Ирина Антоновна сейчас на поминках. Возможно, она не ответит. Я вас лучше с ее замом соединю.

— Мне нужно исключительно первое лицо, — отчеканила я и, отключившись, тут же вернулась к Синичкину.

— Вот телефон. Набрать? Голос я менять умею.

— Сам справлюсь, — улыбнулся шеф и кивнул: — Иди!

Я отправилась в предбанник и, сев, нервно схватилась за пилочку. Но привести в порядок ногти не успела — Синичкин явился буквально через пару минут и гордо сообщил, что Ирина Антоновна будет у нас в агентстве, как он и хотел, завтра ровно в десять утра.

Ирина Антоновна

«Пришла беда — отвори ворота».

Она ненавидела эту поговорку для неудачников. Но что может быть хуже, если в день похорон мужа звонит некий частный детектив и обвиняет тебя в убийстве?

На самом деле Ирина Антоновна уже выяснила, как называется ее «роль» — пособница. А это — и статья попроще, и срок поменьше. Поэтому уверенно сказала:

— Я никого не убивала.

— Но дело полицейским ведь на кого-то надо повесить, — с улыбкой покачал головой парень. — А вы подходите. По всем статьям.

— В чем ваш интерес? — устало спросила Ирина Антоновна.

— Мне нужно поговорить с вами по душам, — проникновенно произнес частный детектив. — Честно все расскажете — возможно, вас вообще не беспокоят.

Затем добавил в голос металла и велел прибыть в его агентство завтра к десяти утра.

Адрес продиктовал несерьезный: улица Юности, край Москвы. Комнатка-офис в здании бывшего НИИ.

— Я подумаю, — буркнула Ирина Антоновна, а, положив трубку, пробормотала: — Хоть живой ты, Юра, хоть мертвый — одни от тебя проблемы!

Павел Синичкин

Кроха оперативной информации и женский щебет — вот и все, что у меня имелось. Однако по тому, настолько легко хозяйка ресторанов отказалась от кормления покойника завтраком, я понял: она замешана крепко. Всем полезно знать жизненную максиму: не бывает такого, чтобы пьющий муж что-то затеял — а жена, да еще авторитарная, владелица бизнеса, не проведала.

Римке бы хорошо посидеть рядом, поучиться, но разрушать ее легенду «подружки» я не стал. Может, еще пригодится. Так что встретил Ирину Антонову один — и немедленно пошел в наступление.

Опер из Люберец обмолвился: когда все еще считали, что Михаил Дивин просто вышел пройтись, горничная в доме отдыха призналась: у нее исчезли дубликаты ключей от всего третьего этажа, где, в том числе, находился и номер Дивина.

А Риммочка моя упоминала, будто в вещах Михаила обнаружился кредитный договор. Неподписанный, то есть недействительный. Однако сумма значилась кругленькая — десять миллионов. И поручителем — Вика. Плюс справка с ее работы подделана. Девушка все документы приняла за чистую монету и пришла в ярость. Но я, человек здравый, подумал: вряд ли мужчина, который собрался жениться на москвичке с богатой мамой и квартирой, станет работать столь грубо.

А вот родители невесты, явно не жаловавшие потенциального зятя, такую бумагу могли организовать запросто, чтобы очернить жениха и отвадить от него любимую дочечку.

Плюс еще одно крайне подозрительное обстоятельство.

Билет на концерт Монсеррат Кабалье, который неожиданно достала Ирина Антоновна. Ведь именно из-за него Михаил отправился на отдых один. И в итоге погиб.

...Едва женщина присела на край кресла, я строго спросил:

— Как вы относились к Михаилу Дивину?

— Ничтожество, нищоброд, неумный, подленький. Вечно деньги из дочки тянул. А Вика уперлась: замуж и все тут.

— И тогда вы разработали план. Дочка идет на концерт, а вы в это время убираете ее жениха. В доме отдыха. Там, где вас никто не знает, и кругом леса.

— Чушь! Меня вообще там не было! — решительно запротестовала женщина.

— Отягощаете свою участь, — пожал я плечами. — Есть записи с видеокамеры. На них отчетливо видно, как вы открываете дверь комнаты Дивина. Плюс другая видеозапись имеется: как вы входите в комнату горничной. И ее показания, что дубликаты всех ключей от третьего этажа исчезли.

— Но... — побледнела она.

— Я объясню, почему вас не трогали. Пока. Следователям трое узбеков подвернулись. Им срок пожизненный, без разницы — все на себя берут. Но в каждом эпизоде конкретно тщательно разбираются. До Дивина банально руки не дошли. Однако очень скоро поднимут записи с видеокамер и установят, что в день убийства Михаила вы не просто были в доме отдыха, но украли ключи и заходили в его номер. Все улики против вас, так что вам бессмысленно отпираться.

На самом деле я откровенно блефовал. Камер наблюдения на всю «Дубовую рощу» имелось лишь две, и то работала единственная, на входе. Плюс видеозаписи хранятся от силы неделю — а тут больше года прошло. Но если человек никогда не привлекался, он в подобную чушь обычно верит.

— Чего вы хотите? Денег? — вскинулась Ирина Антоновна.

— Я хочу услышать правду. Кому из вас пришла в голову идея убить Михаила?

— Господи! — Она молитвенно сложила руки на груди. — Да мы его вообще трогать не собирались! Просто поговорить хотели, отвадить от дочки.

— Однако Дивин мертв. Кто конкретно его убил — вы или муж?

На ее месте можно было продолжать все отрицать, и ничего бы я с ней не сделал. Но утро после похорон оказалось благоприятным временем для допроса. Ирина Антоновна не выдержала и зло выкрикнула:

— Да говорю вам! Юра не хотел его убивать! Он должен был Мишке денег дать, чтобы тот отстал от Вики. Может быть, пригрозить. Но парень начал хамить, а муж у меня после Чечни, плюс выпивал. К тому же единоборствами занимался, вот и не смог сдержаться.

— Вы присутствовали при этом?

— Да нет, конечно! Я Юрку чуть сама не прикончила, когда узнала, что он натворил! — Она нервно вскочила, забежала по кабинету. — Мы четко разделили полномочия. Я должна была удалить Вику. И кредитный договор фальшивый подкинуть, плюс пару писем на электронную почту Михаила — одно якобы из банка, второе — бизнес-предложение, которое требовало крупной суммы денег. Вика мне говорила, что ее «котик» к жизни очень не приспособлен, она сама собирает ему сумки во все поездки, даже не сомневалась, что компромат на жениха моя дочка найдет.

Я все исполнила. Заранее купила билет на концерт, наплела дочке, что за участие в «Активном гражданине» его получила. Съездила в дом отдыха тоже заблаговременно. Прошлась везде, убедилась: охраны там никакой. Горничные двери в свою комнату не запирают, ключи бросают без присмотра. Все было готово. Вика отправилась в театр, а мы с Юрой в «Дубовую рощу» поехали.

— На машине?

— Да.

— Где ее оставляли?

— В лес загнали. Метрах в трехстах. У нас «джип», проехали без проблем.

— И что было дальше?

— Дальше мы разделились. Юра позвонил Михаилу и предложил прогуляться по лесу, поговорить насчет будущей свадьбы. Условились встретиться через двадцать минут у дальней калитки. А я выждала полчаса —

и в дом отдыха пошла. Пробралась на всякий случай через дыру в заборе. Ключи взяла без проблем и справилась очень быстро. Потом вернулась к машине и начала звонить Юрию — он не отвечает. Два часа телефон терзала — он только к восьми отозвался. Голос у него был какой-то потерянный:

— Да... Мы поговорили. Сейчас иду.

Приходит — вся одежда в грязи, губы трясутся.

— Что ты наделал?! — набросилась я на него.

А он бормочет:

— Нельзя было иначе.

И только тогда письмо это безумное мне показал. Я сразу поняла, что это бред, разводка.

— Ты нормальный, адекватный человек?! Не бывает писем из будущего! Тебя разыграли! Подставили!

— Но там вся правда была написана, — отвечает. — Так бы все и случилось. Я сначала Михаила по-хорошему просил уехать, но он хамить начал, и у меня другого выхода не оставалось.

Я ничего ему не сказала. Да и что говорить, когда дело уже сделано.

Юра меня стал успокаивать. Мол, все надежно: документы с телефоном забрал, могила глубокая, сверху, как в армии учили, насадил деревца, завалил лапником. Зверь не выроет, люди не найдут.

Что оставалось? Не каяться же идти! Кое-как отчистила его, села за руль, повезла домой.

Юра, конечно, был не в форме, аж трясся весь — срочно выпить ему надо. А тут еще Вика явилась. Начала орать, что мы ее Мишеньку не любим, и вот он обиделся, на ее звонки не отвечает. Отец на нее шикнул, потом влил в себя чуть ли не полбокала коньяку — и понеслось. Дальше Вика в дом отдыха помчалась, а мы — к наркологу. Вот, собственно, и все. — Она жалобно взглянула на меня: — Вы бы сами в такой ситуации с повинной пошли?

— Но кто все-таки прислал письмо? Вы знаете? — спросил я.

— Да, — тяжело вздохнула Ирина Антоновна.

Юрий сегодня снова пришел — с ней.

Ох, до чего Ирину бесила его спутница! Настоящий Гаврош. Штаны болтаются, блузка из них выбилась. Глаза, правда, ярко горят, бесовским огоньком внимание к себе привлекают. Но все равно — хоть причешись, накрасься, на каблуки встань, если уж в ресторан явилась! Тем более что сам Юрий всегда одевался как надо, никаких глупых костюмов с галстуками — дорогой блейзер, модные слаксы. Свежевыбрит, подстрижен. Руки ухожены, носки — в тон одежде и мокасинам. А фигура, а эти морщинки вокруг стальных глаз!

Ирина еще с первого курса знала: влюбляться в клиентов — дело для безнадежных дурочек. Если хочешь серьезно замуж выйти или хотя бы роман завести,

рассчитывать можно только на прыщавого студентика. И то есть риск, что однажды мамаша явится и тебя, развратную женщину, стыдить начнет. А нормальные мужики официанток никогда всерьез не воспринимают.

Ира в ресторанах с восемнадцати лет и вроде давно научилась никаких вольностей не позволять. И самой влюбленными глазами не смотреть. Но с этим Юрием — ослепление просто. Или это его спутница виновата? Обычно крутые парни в заведения являлись с красотками. Чем страшнее сам, тем более головокружительная «моделька» сопровождает. А здесь — ровно наоборот: идеальный во всех смыслах мужчина по непонятной причине страхомлюдину пригрел.

Девчонки-коллеги, правда, уверяли: есть в девице-Гавроше изюминка. Хотя с виду и крокодил, но влюбляются в таких мужики до беспамятства.

Ира, правда, сначала надеялась, что, может, просто общий бизнес у них, но когда пара выходила танцевать, это выглядело столь интимно, что сразу становилось ясно: тут любовь.

Ира гораздо чаще, чем надо, мелькала возле их столика. В сторону Юрия не смотрела принципиально — оценивала его спутницу. И чувствовала: есть в той непонятная магия. А еще — непроходимая уверенность в себе и своих силах. Как-то Ира даже расслышала кое-что из их разговора: «Два миллиона — разве сумма?» А Юрий — нет бы, одернуть еще и поддакивает: «Да, ты права. Рисковать глупо».

Человек несведущий сразу бы насторожился. Но официанты обычно всегда различают, кто деловой, кто вор, кто чиновник. Мужчина-идеал был, несомненно, честным. По обрывкам слов Ирина вычислила: недавно демобилизовался, сейчас программированием увлекся. А чем занималось страшилище, кроме глупых фантазий о миллионах, никак не понимала. И почему та всегда говорила безапелляционным, почти наглым тоном, взять в толк не могла.

Товарки Ирин интерес к Юрию дружно осуждали. И советовали попытаться отбить, если уж, как говорится, сорвало крышу, однако Ира перехватывала влюбленные Юрины взгляды, которые тот бросал на свою спутницу, и понимала: бесполезно. Будь она сама красоткой или богачкой, еще стоило бы ввязаться в бой. Но прекрасно отдавала себе отчет, что внешность у нее самая заурядная: фигура — коренастая, ни капли не женственная, и даже глаз не блестит, как у девчонки-Гавроша.

Однажды у девушки едва сердце не разорвалось от счастья — явился один.

Более того, подошел к ней, спросил, как зовут, работает она или еще учится. Ира, потрясенная таким вниманием, выложила все: официанткой она работает только для того, чтоб изучить изнутри ресторанный бизнес, а планы у нее самые амбициозные. Своя сеть фастфуда — это самый минимум.

Юра выслушал внимательно, безо всяких снисходительных улыбок, потом покосился на ее руки без колец и спросил:

— Не замужем?

— Жду принца, — с вызовом ответила она, глядя в его серо-стальные глаза.

— Он обязательно будет. У тебя все получится. Я знаю, — потрепал ее по плечу Юра.

И это оказался последний раз, когда она его видела, словно прощаться приходил.

Промчалась неделя, месяц, два — ни Гаврошка, ни Юрий в ресторане больше не появлялись.

Ирина грустила. Рявкала на клиентов, ссорилась с поварами. Начала выпивать, хотя знала, что этот путь — порочный, многих товарок привел сначала к наркологам под капельницы, а потом на самое дно. Как-то внезапно она осознала: ей скоро тридцать, и замуж она, наверное, не выйдет. Где взять подходящего спутника? Неудачники ее не интересуют, а успешные — все при красотках.

Юрий снился каждую ночь. Воображение сводило с ума. Она представляла: он попал в аварию, парализован, несчастен. Страхолюдина, естественно, сделала ручкой. Эх, прийти бы в больницу, броситься к его ногам, закричать: «Я всегда буду с тобой! Ухаживать, кормить, лечить!»

Но только где его искать? Она даже фамилии его не знала. Может, хотя бы проклятый ресторан бросить, где все напоминает о нем?

Ира обычно оставалась до последнего посетителя, но когда подсчитала, что не видела Юрия уже девяносто один день, поняла: баста. Она страшно устала быть железной, незаменимой. И вообще больше не может. Жизнь обратилась в бессмысленный поток дней. Зачем нужна карьера, если не с кем разделить радость успеха? И пентхаус на Кропоткинской (давняя мечта) бессмысленно покупать, если он все равно будет пуст. Юрий исчез навсегда, а больше никто ей не нужен.

Но какая-то почти космическая связь оказалась у нее с любимым мужчиной.

В самый черный день, когда депрессия накрыла с головой, к Ирине подошел начальник охраны и буркнул:

— Сделал я, что ты просила.

Ира не знала про Юру ничего — только номер машины, на которой он иногда приезжал сам и привозил свою горе-красотку, вот и попросила коллегу хотя бы какую-нибудь информацию добыть.

— Выяснил: тачка его, — пробасил шеф службы безопасности. И сообщил ей адрес, где проживал владелец. Улица Профсоюзная, дом 100.

Фамилия у «недосягаемого» оказалась потрясающая — Юнкер.

— Спасибо! — улыбнулась Ира, что в последнее время делала редко.

— Но зря ты, Иришка, бегаешь за ним. Гнилой он парень, — вздохнул охранный босс.

— Мужчину женщина лепит, — отрезала она.

— Юрий твой вроде со своей скульпторшей приходит, — усмехнулся охранник.

— Слушай, кто она такая? Страшна ведь, за собой вообще не следит. Что он в ней нашел? — задумчиво спросила Ира.

— Так у твоего любимца глаза-то стальными только кажутся, а на самом деле тряпка он. Девушка же его, сразу видно, из гранита, вот и командует им. Сильные к себе всегда притягивают.

Реплика Ире понравилась. Слава богу, и сама не слабачка, сможет, если что, перехватить знамя.

Но пока нужно было хотя бы понять, куда Юрий исчез.

И несчастная официантка, понимая, что творит несусветную глупость, отправилась ночью в Беляево. На Профсоюзную, 100.

От метро оказалось недалеко, Юрина квартира ярко светила со второго этажа всеми окнами, а у одного из них стоял сам Юра и курил.

Ира, не выдержав, выступила из-за дерева, но не учла, что оказалась прямо под уличным фонарем, и он ее увидел.

Отреагировал мгновенно. Распахнув окно, выкрикнул с удивлением:

— Иришка?!

Девушку бросило в краску — стыд-то какой! — и она, резко развернувшись, убежала.

Приехала домой поздно и почти всю ночь не спала. Представляла в страшных кошмарах, что завтра Юра придет в ресторан со своей вечно лохматой спутницей, и оба будут коситься на нее и хихикать. А то, не дай бог, еще и администратору нажалуются.

Утром заставила себя выйти на работу огромнейшим усилием воли.

Но Юрий опять не появился.

А через два дня, когда она «отпахала» до последнего клиента, то есть почти до трех утра, и брела в сторону Садового, вдруг услышала:

— Ирусик, стой!

Это был Юрий. С букетом ромашек. Один. Невыразимо прекрасный. И протягивал цветы — ей.

Тут нервы сдали, и девушка разрыдалась. Когда он приблизился, попытался утешить, обнять, вскрикнула горько:

— Ты пришел посмеяться надо мной? Издеваешься, да?!

Двое припозднившихся подростков остановились, опасливо оглядели мускулистого Юрия, и один из них неуверенно проговорил:

— Эй, мужик! Отстань от девушки!

Ира взглянула на незваных защитников с ужасом — и бросилась Юре на шею. Дальше — просто: вихрь понес их к ней домой. Потом пыталась вспоминать, но ни единой детали в памяти не сохранилось. Как добирались? Что ели? Где разделись?

Очнулась только под утро. На кровати. Рядом безмятежно посапывал «мужчина мечты». В первую секунду захлестнуло счастье. Но дальше стали терзать сомнения. Не настолько она глупа, чтобы поверить во внезапную, чистую, без задней мысли, любовь. Поэтому, как только Юрий проснулся, спросила в лоб:

— Про любовь не рассказывай. Что тебе от меня действительно надо?

Он молчал. Стальные глаза смотрели ласково и грустно.

— Где твоя эта — не знаю, как ее зовут?

— В тюрьме. В СИЗО, точнее, — сглотнув, ответил Юрий.

— А... за что?

— Все серьезно, — опустил он глаза. — Двойное убийство. С отягчающими.

— Да ладно! — не поверила Ира. И опрометчиво добавила: — Она ведь курица!

— Валюшка — потрясающая девушка! — возмутился Юра.

— Но что случилось? Как она могла убить, да еще двоих?

— Все трагедии происходят случайно, — горько вздохнул он. — Мы вычислили один очень богатый дом. Валя уверяла, что он будет пуст. Уговаривала идти на дело вместе. Но я слабак, не решился. И она пошла одна, пообещав, что уже завтра мы будем потрясающе богаты. Но неожиданно вернулись хозяева. Счастье, что Валя стреляет, как Диана-охотница...

— Счастье? — усмехнулась Ирина.

— Да, — твердо ответил Юра. — Хотя сама жива осталась. А тюрьма — это не навсегда. Женщинам пожизненное не дают.

— Прелестная история! Но что ты хочешь лично от меня?

— Ты можешь не верить, но Валя сама просила, чтобы я уговорил именно тебя выйти за меня замуж.

— Варить обеды? И удовлетворять в постели, пока твоя любовь будет в тюрьме? А ты будешь отправлять ей посылки и ездить на свидания?! И потом, когда ее выпустят, скажешь мне спасибо и умчишься?! — возмущенно выкрикнула она и, вскочив с постели, кинулась одеваться.

Юрий ее не останавливал.

— Она предупреждала, говорила, что нужно тебя подготовить, — печально вздохнул он. — Постепенно. Осторожно. А я, болван, не выдержал — все сразу бухнул.

— Какая разница, постепенно или сейчас? — фыркнула Ира. — Я, может, и простая официантка, но тоже умею видеть суть. Сколько ласковых речей ни веди, «младшей женой» я все равно не стану.

— Нет, — покачал он головой. — Ты будешь единственной и первой. Никаких свиданий и посылок. Никакого общения. Клянусь, мы с ней больше вообще никогда не увидимся. Я обещаю любить только тебя. Беречь. Никогда не изменять. Кстати, мне всегда было приятно смотреть на тебя. И я расстраивался, что ты не обращаешь на меня внимания.

— Все равно у тебя в мыслях — только она! — воскликнула Ирина.

— Пока будет так. Но недолго. Двадцать лет — а дадут ей не меньше — я хранить верность не смогу. — Юра взял ее за руку и тихо добавил: — Я буду хорошим мужем, Ира.

— Не понимаю! — сердито топнула она ногой. — Зачем тебе я — прямо сейчас?! Ладно, не жди двадцать лет, такого ни один мужик не выдержит! Но хотя бы пострадай спокойно! — И, отступив на шаг, предупредила: — Если ты сейчас опять начнешь врать, что я тебе нравлюсь, и прочую мусть говорить, я тебе просто врежу.

— Нет, я скажу правду. Мы тебя просто используем.

— Это как?

— Валентина беременна. У нас будет дочь.

— Боже мой! Она с ребенком в животе отправилась убивать?! — не удержалась Ирина.

А Юрий, оставив ее реплику без внимания, продолжал:

— Аборт делать поздно, да Валя и не хочет. А я не хочу, чтобы моя дочь родилась в тюрьме и в три года отправилась в детский дом.

— То есть ты, как вы, мужчины, выражаетесь, достаешься мне «с прицепом»? — ухмыльнулась Ирина.

Он словно не услышал ноток вызова в ее голосе и мягко произнес:

— Я уверен, что ты станешь отличной мамой нашей дочке.

— И он во мне не ошибся, — сквозь слезы улыбнулась Ирина Антоновна. — Вику я увидела совсем крошкой, ей еще месяца не было. Родная мать, как мне рассказали, на нее даже не взглянула. И сразу после родов подписала бумаги, что отказывается от ребенка. Формальности уладили быстро — благо у девочки имелся родной отец, а у меня — достаточно денег. Мы с Юрием поженились. Документы об удочерении надежно спрятаны. В свидетельстве о рождении написано, что я Викина мать. Да я и люблю ее, как родную. Боялась, что буду ревновать, отыгрываться на ребенке... Но нет. Как только Викуша мне улыбнулась и вцепилась в мой палец — я пропала. Поняла, что для дочки — своей дочки — готова на все. У Вики были самые нарядные платья, лучшая школа, самая популярная в Москве танцевальная студия, которой руководил танцор из Стэнфорда. Даже Юрий считал, что я перебарщиваю. К счастью, Вика не превратилась в избалованную, пресыщенную девицу. Но в пятнадцать лет, как многие подростки, начала бунтовать. Специально, чтобы меня позлить, одевалась в бесформенные мешки, сделала татуировку, проколола нос. Издевалась надо мной, когда я говорила, что вижу в ней преемницу в бизнесе. Заявила, что станет певицей, хотя прежде мурлыкала только в ванной комнате. А тут и этот Михаил подвернулся, начал подзуживать: у тебя талант, надо пробиваться на телевидение...

— А что родная мать? — не удержался я от вопроса.

— Ничего. Никаких писем, никаких встреч. Никто не наблюдал за моей дочкой из-за забора детского сада или школы. Муж клялся, что перечеркнул прошлое. Что не общается с той, которая когда-то затмила ему разум. Но я подозревала, что они переписываются. Домой писем не приходило, но есть ведь абонентские ящики. — Ирина Антоновна тяжело вздохнула: — Потом, когда уже Михаила не стало, муж мне признался, что они с Валентиной многое обсуждали, в том числе и будущего зятя. И именно она настаивала на том, что Дивин не пара нашей Вике. И что, будь она на свободе, убила бы Михаила сама, ей не привыкать. Но Валентина отбывала очередной срок — и придумала, как Юрия в это дело втянуть. Прислала письмо. Знала, гадина, что Юра эзотерикой увлекается, и не сомневалась, насколько оно может впечатлить его. Он, дурак, и повелся, нет бы, со мной посоветоваться!

— А откуда взялся лотерейный билет?

— Тоже Валентина организовала, — с ненавистью ответила Ирина Антоновна. — Она к тому времени в авторитет вошла. Из тюрьмы умудрялась какие-то темные дела крутить. Деньги, в общем, имелись — куда больше тех, что мне честным трудом доставались. Вот они с Юрой и придумали, как Вику отвлечь. И что я могла сделать? Только попытаться уговорить ее поехать в школу бизнеса. Но Вика, конечно, меня не послушалась. Ускакала в Италию. Петь. Я злилась, что дочь на воровские деньги учится. И боялась, что совсем чужой мне станет. Но Вика вернулась оттуда через полгода откровенно счастливой. Колючки свои больше не топорщила. Кольцо из носа вынула. Волосы в нормальный цвет покрасила. По дому стала помогать, тортики пекли вместе. А что поет вместо нормального дела, с этим я уже смирилась. И Юра был счастлив. На дочку надыхаться не мог. Контролировал ее постоянно, волновался, если поздно домой возвращалась. Но Вика не сердилась — всегда ему звонила, предупреждала. Про Валентину ничего не было слышно. Я и привыкла: сидит и сидит. Юрий, правда, стал пить больше, чем прежде, но я считала, что это нормально. Нарколог ведь предупреждал: алкоголик с каждым годом все ниже падает. — Она виновато вздохнула: — Вот и упустила момент. В семье — с виду все хорошо, стабильно. Ужинаем — друг другу улыбаемся. Не почувствовала я опасности. Хотя надо было смотреть на Юру внимательнее, догадаться, что Валентина освободилась и снова что-то затевает. В тот день, когда авария случилась, я с утра видела, что муж не в себе, но решила — это всего лишь очередные завихрения на почве алкоголя. Эх, если бы я в тот день дома осталась! Проконтролировала!

— Письма ведь было два, верно? — уточнил я.

— Два, — вздохнула Ирина Антоновна. — Первое то, что якобы из Иркутской области, Валентина еще на зоне склепала. Его я после смерти Дивина прочитала и подняла Юру на смех. Сказала: «Купили тебя, как пацана». И когда эта дама, уже будучи на свободе, задумала теракт и новое письмо ему прислала, муж

не поверил. Позвонил, потребовал все объяснить. Ну, Валентина и объяснила, а потом предупредила, чтобы любой ценой дочку петь на свадьбе олигарха не отпускали. Юра попробовал — но нашей Вике разве что запретишь? И тогда Валентина прислала своих бандитов на «БМВ». Ну а Юра — пьяненький, на нервах — за ними бросился. Проследить, чтобы с доченькой все хорошо было. С Викой все и оказалось хорошо. А сам он... — Она закрыла лицо руками, посидела с минуту, а потом потребовала: — Хочу кофе. У вас есть секретарша?

«Моя секретарша кормит вашего мужа завтраком», — чуть не ляпнул я. Но удержался. Вышел в приемную и сам справился с кофемашиной.

Вместо Риммы, которая уехала со своей подругой Викой на кладбище.

Вика

Она сердилась, когда многочисленные утешители твердили: мол, время — лучший лекарь.

Отца — лучшего в мире человека — забыть невозможно.

И ее крест — что убила папу практически своими руками — с ней навечно останется.

Из школы экстремального вождения звонили, пытались вытащить на тренировки и соревнования — Вика внесла все телефоны в черный список.

Перестала ходить в училище.

Жестко сказала своему менеджеру Артему, что больше ни на каких корпоративах и вечеринках петь не будет.

«Может, пойдешь работать ко мне?» — пыталась уговорить ее мама.

Но Вика упрямо мотала головой.

Целыми днями сидела дома. Убивала время сериалами. Часто ездила к отцу на кладбище. Устраивалась на лавочке возле могилы. Цыкала на крикливых ворон. Смотрела на папин портрет. Вспоминала его — то сильным и уверенным, то несчастным и пьяным.

Однажды (хотя и дала зарок, что никаких больше песен) завела вполголоса из когда-то очень популярных «Revolvers»:

*Скажет однажды мама,
Глядя в мои глаза,
Как ты похож на папу,
Но годы вернуть нельзя.
Будет ночами плакать,
Так, чтобы я не знал.
Если бы здесь был папа,
Что бы он нам сказал?..*

Голос — словно огонь из горящего дома — рвался из груди. И слез больше не было. Наоборот, счастье и уверенность, что папа ее слышит.

А когда Вика замолчала, из-за спины раздались аплодисменты.

Обернулась испуганно. Целых шесть зрителей. Компания разношерстная: двое старичков, печальная женщина в шляпке с вуалью, пьяненькие могильщики — эти били в ладоши громче всех. А когда завершили орацию, один из них — совсем древний, беззубый — прошамкал:

— Вот кого он звал-то! Всю ночь спать не давал!

— Что?! — с ужасом взглянула на дедка в ватнике Вика.

Но тот только хмыкнул. А второй могильщик, помоложе, серьезно произнес:

— Тебе петь надо, а не здесь тосковать.

Девушка на него — ноль внимания. Выскочила из-за оградки, встряхнула беззубого дедулю за плечи:

— Что вы сказали? Кто меня ночью звал?!

— Ыыыы... — отозвался тот.

— Отпусти его, — миролюбиво попросил третий могильщик. — Он блаженный. Все равно больше ничего не скажет.

— Да и зачем тебе? — подхватил второй. — Все и так понятно. Хватит для ворон петь. Пой для людей.

Вика разрыдалась. Старички из числа зрителей совали ей валидол, печальная женщина гладила по голове, могильщики принесли водки. Когда она успокоилась, вместе с остальными посетителями кладбища дошла до автобуса.

А когда приехала домой, первым делом позвонила Артему.

Тот не стал вредничать или устраивать ей прослушивание — сразу назначил концерт. На следующий день.

Римма

Я всегда считала: девчонки — враги. Конкурентки. Или просто скучные глупышки. С мужчинами общаться куда интереснее.

Но бывшая клиентка нашего агентства Вика упорно называет меня «подругой», и я с ней не спорю. Делиться с ней самым сокровенным, конечно, не буду никогда, но на концерты, если зовет, всегда хожу. И в ресторанчиках встречаемся — обсуждаем моду, погоду, мужчин.

Паша сказал, что Викина мама обещала ему миллион, если девушка поменяет порхание и пение на школу бизнеса.

— И ведь точно заплатит! Я в людях разбираюсь, — искушал меня шеф. — Мне двадцать процентов за заказ, остальное — твое.

Я, конечно, стараюсь влиять на Вику. И ради денег, и потому что, если уж ты певица, надо быть самой лучшей, а Викуша никогда даже дом культуры не соберет. Да и Ирину Антоновну жаль. Ее «Пирог и пышки» действительно хороши. Жаль будет, если сеть кафешек развалится.

Но Вика пока продолжает петь. Везде, куда позовут.

Выиграла тендер в метро — поет там.

Приглашают бесплатно поголосить на Дне города — не отказывается.

Однажды даже согласилась выступить в Орловской области, в исправительной колонии особого режима для женщин.

Вернулась, полная впечатлений, и немедленно позвала меня в ресторан — впечатлениями делиться:

— Помнишь сериал про Круга — когда он на зону приезжает и «Кольщика» поет? Вот почти так же было! Сначала ржали, издевались, петь не давали. А потом вдруг слышу тихий голос: «Молчать!» И все сразу стихло. Я сначала не поняла, кто это сказал, и сразу запела «Рябину». А потом, когда уже хлопали, разглядела: та же тетка, что мне цветы дарила! И в морг приходила! Слушай, Римма! Я теперь даже ее имя знаю. Валентина Илюшина. Ты можешь выяснить, кто она такая? И почему попадается мне все время?

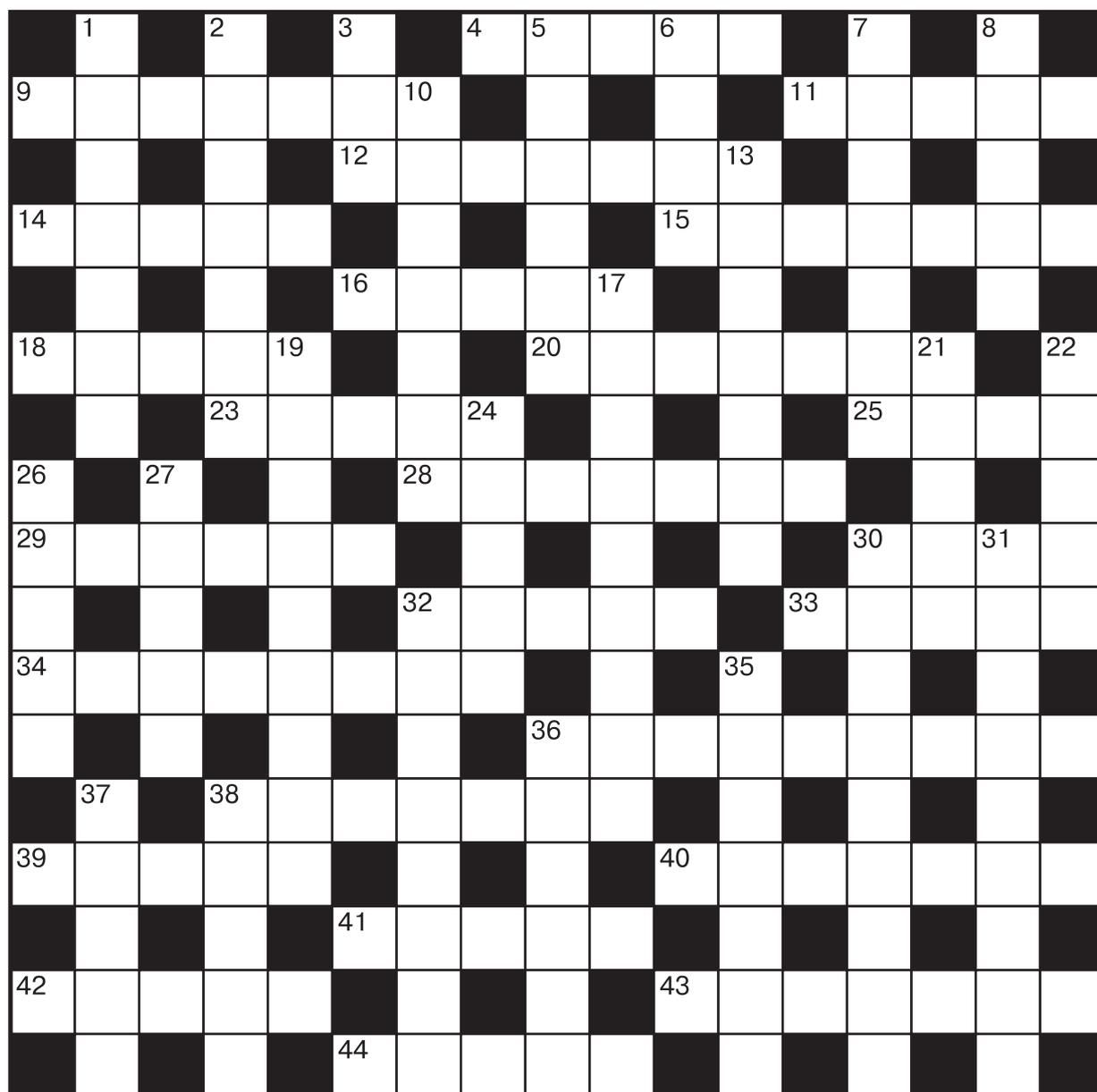
«Потому что она твоя мама», — улыбнулась я про себя.

А вслух произнесла:

— Нет, Вика, прости. Не могу я ничего выяснить. Мы, частные детективы, — как хирурги: с близкими людьми не работаем. А ты мне теперь не посторонний человек — подруга.

P.S. Авторы горячо благодарят частного детектива Олега Пытова, владельца и директора агентства «Сыщик.ру», за неоценимую помощь в работе. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Бумага из «контрольного пакета». **9.** На какой горе расположена знаменитая база «Приют одиннадцати»? **11.** Ограничения ради удержания талии в рамках приличия. **12.** Ироничный детектив «... для покойника» от Дарьи Донцовой. **14.** Разгул стихии во владениях Нептуна. **15.** Экзотическая выпивка с гусеницей в бутылке.

16. Шевелюра из гардероба. **18.** Ученый с самыми длинными терминами. **20.** Что пытается критиковать герой пушкинской притчи «Сапожник»? **23.** Кнопочный прессинг. **25.** Следствие нервного перенапряжения. **28.** Королевская кобра из сказки про Рикки-Тикки-Тави. **29.** Полная чушь! **30.** Морской карась. **32.** «Принц математиков» сре-

ди гениальных немцев. **33.** Астрономический знак на любимом шарфе Михаила Боярского. **34.** Бедствие для сельского хозяйства. **36.** Кто из геройских генералов Отечественной войны 1812 года начинал ратную службу в мушкетерском полку? **38.** «Жизнь имеет в точности ту ценность, которой мы хотим ее наде- лить» (великий шведский режиссер). **39.** Проверка финансов. **40.** «Если, включив телевизор, вы видите фильм с хорошими актерами, увлекательным действием и остроум- ным диалогом, то это, скорее все- го, ...» **41.** «Бараны сбиваются в ..., а львы держатся порознь». **42.** Пятизвездочный ... для толстосумов. **43.** Жители страны, которой при- надлежит крупнейший в мире ост- ров. **44.** Прическа у Джека Воробья.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Преобразова- тель древесины. **2.** Главный мор- ской порт Шотландии. **3.** Эконо- мический ажиотаж. **5.** Литератур- ный эксперт. **6.** Виноградное «се- но». **7.** Кто из английских классиков злодеев в своих книгах писал с са- мого себя? **8.** Великая Коко Шанель

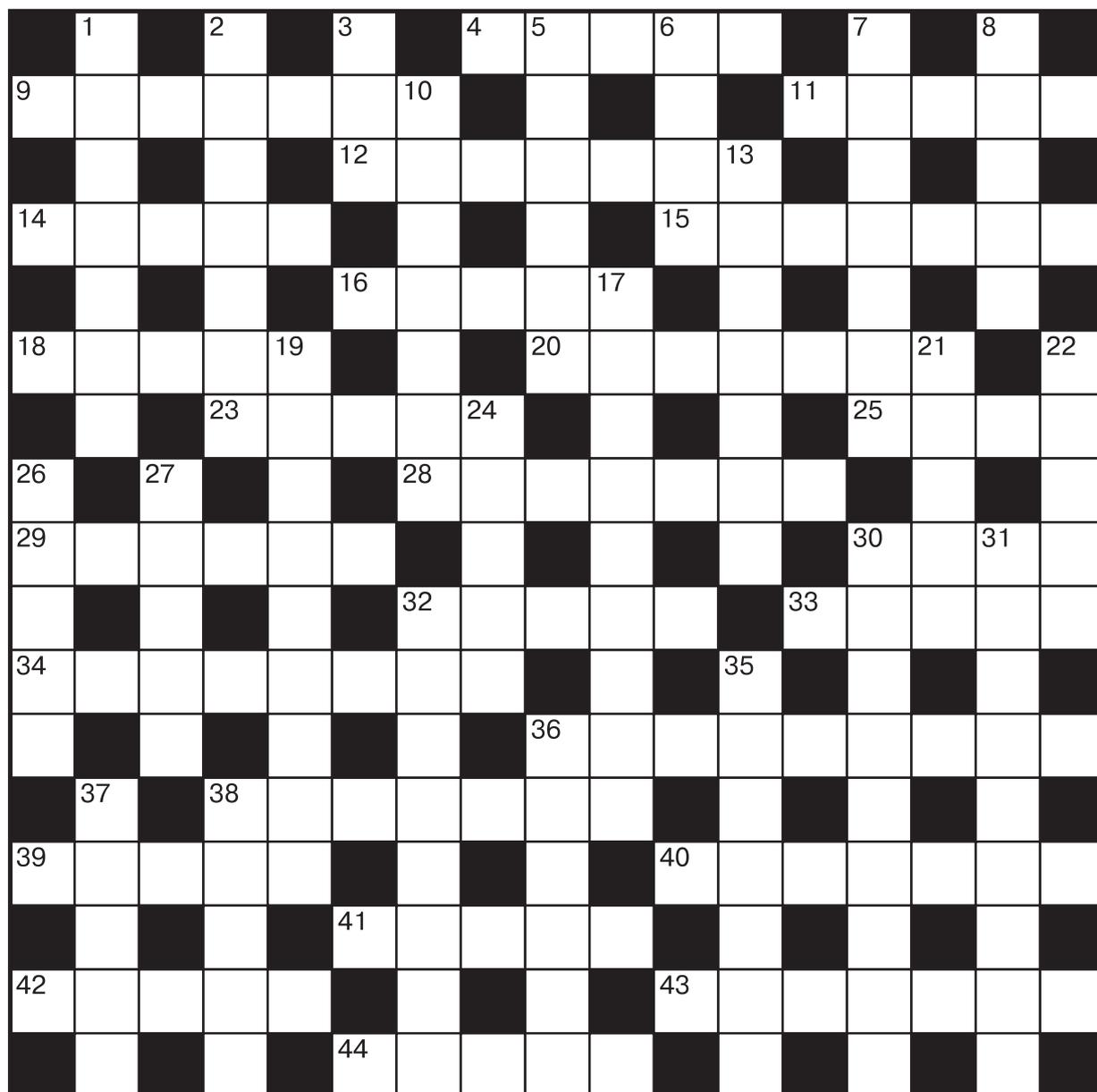
считала, что «мода проходит, а ... остается». **10.** На каком острове Ан- тон Чехов каторжан лечил? **13.** Ради его повышения во время избиратель- ной кампании кандидаты в президен- ты идут на все возможные уловки. **17.** Где живет мама Василия Алиба- баевича из «Джентльменов удачи»? **19.** У какого автомобиля с легкостью сносит крышу? **21.** Газ, в чье откры- тие сначала не поверил Дмитрий Менделеев. **22.** Игра в приключение для экстремалов. **24.** Какого хана по- били на Куликовом поле? **26.** Какого секс-символа в 1996 году пригово- рили к 16 месяцам тюрьмы? **27.** Из- за чего лошади чаще всего начи- нают бежать, не разбирая дороги? **30.** «Олух царя небесного». **31.** Ве- ликов грузинский художник, рас- плачивавшийся своими картинами по трактирным счетам. **32.** «Бандит с Дикого Запада». **35.** За каких «ка- нониров» болеют и Кевин Костнер, и Сара Мишель Геллар? **36.** Столица из стихотворения «Маскарад в пар- ке» Анны Ахматовой. **37.** Мираж бы- тия. **38.** Кто поднялся к вершинам мировой славы с подачи Брайана Эпштейна?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Крыса. **10.** Милославский. **11.** Азнавур. **12.** Аккредитив. **13.** Концерн. **16.** Вихрь. **18.** Эко. **19.** «Ионыч». **21.** Ролл. **24.** Анис. **25.** Телевизор. **27.** Скот. **29.** Каисса. **30.** Нелегал. **34.** Секуритате. **35.** Бейсбол. **37.** Нобилитет. **40.** Шурик. **41.** Тигра. **42.** Гималаи. **43.** Вальс. **44.** Кровь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Развод. **3.** Скайцикл. **4.** «Мир». **5.** Точка. **6.** Флирт. **7.** Квиддич. **8.** Екатеринослав. **9.** Айова. **10.** Муори. **14.** Ловелас. **15.** Рыжик. **17.** Крест. **18.** Элтон. **20.** Испанец. **22.** Гегемон. **23.** Бок. **26.** Раритет. **28.** Текстиль. **31.** Ле- витан. **32.** Суринам. **33.** Белуга. **36.** Лобио. **38.** Тигр. **39.** Нрав.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Меч для магических обрядов даосов. **9.** Сугубо русский вариант слова сомнамбула. **11.** Какой австрийский гений живописи был настолько охоч до прекрасного пола, что после его смерти о своих правах на наследство заявили сразу 14 детей? **12.** Какой итальянец написал фреску «Апофеоз Вашингтона» для купола Ротон-

ды американского Капитолия? **14.** Лошадь американских индейцев. **15.** Ход в крикете. **16.** Звезда «немого кино», партнер Рудольфо Валентино. **18.** «Рыцарь без страха и упрека» с персональным памятником в Гренобле. **20.** Иероглифический ключ. **23.** Прислужник падишаха. **25.** Инопланетная раса из «Вавилона-5». **28.** Какой металл впервые

обнаружили в саксонском лепидолите? **29.** Оригинальный жанр фильма «Белое солнце пустыни». **30.** Самый популярный стиль керамики для японской чайной церемонии. **32.** Отец Карла Великого. **33.** Шляпа для путешествий у древних греков. **34.** Звериное воплощение бога Атума. **36.** Каким новым типом религии мир обязан фараону Эхнатону? **38.** Кто стал героем последней из детских сказок Корнея Чуковского? **39.** Прозвище автомобиля Peugeot на российских автомобильных форумах. **40.** Прием при выращивании шампиньонов. **41.** Церковный штат. **42.** Надувное укрытие в пейнтболе. **43.** В каком жанре Том Форд снял свой фильм «Под покровом ночи»? **44.** Какого поэта древнеримский классик Катулл считал своим приятелем?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какому ведийскому мудрецу приписывают авторство «Ригведы»? **2.** Жанна, ставшая гражданской женой Амедео Модильяни. **3.** Как в древнем Новгороде называли харчи? **5.** Кто озвучил объявление войны Германии в кабинете

Иоахима фон Риббентропа нашему послу в ночь на 22 июня 1941 года? **6.** Мордовский кларнет. **7.** «Книжный перевертыш». **8.** Обманное движение при исполнении танго. **10.** Клюшка гольфиста. **13.** Покрывало престола в алтаре православного храма. **17.** Первый в мировой литературе авантюрный роман. **19.** Какой хорватский порт окрестили «жемчужиной Адриатики» и «городом белых парусов»? **21.** Первый педагог, разглядевший в Вацлаве Нижинском задатки гениальности. **22.** Единственный выживший ребенок великого Рембрандта от Саскии. **24.** Чью эмблему украшает дракон Зилант? **26.** Что дистанцирует прицел? **27.** Соавтор Эме Мерло. **30.** Какой театр в 1893 году приобрела Сара Бернар? **31.** Полное собрание манги. **32.** Спартанский танец. **35.** Что положило финансовую дорогу к строительству Принстонского университета? **36.** Прозвище Кандида из повести «Улитка на склоне» братьев Стругацких. **37.** Захват укрепленного пункта в компьютерных играх. **38.** Каталонское блюдо с морепродуктами.

Ответы на эрудит, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Буква. **10.** Фантасматист. **11.** Перекон. **12.** Гелиосфера. **13.** Филиппа. **16.** Орест. **18.** Юка. **19.** Родов. **21.** Таша. **24.** Обол. **25.** Аквилифер. **27.** Беар. **29.** Тахион. **30.** Наводок. **34.** Долуханова. **35.** Качемас. **37.** Спрингвуд. **40.** Бандо. **41.** Йорки. **42.** Дергаль. **43.** Хаска. **44.** Сомен.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Уремия. **3.** Вчеличка. **4.** Бан. **5.** Отвес. **6.** «Ясриб». **7.** Сансара. **8.** Хифессобрикон. **9.** Атлас. **10.** Фоппа. **14.** Полипод. **15.** Токио. **17.** Ятоба. **18.** Юшман. **20.** Элинвар. **22.** Октобас. **23.** Сет. **26.** Рататуй. **28.** Равендук. **31.** Котинга. **32.** Бунгало. **33.** Барака. **36.** Спред. **38.** Додо. **39.** Аксе.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2019 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 127 рублей 60 копеек	За 1 номер — 152 рубля 90 копеек
За 6 номеров — 765 рублей 60 копеек	За 6 номеров — 917 рублей 40 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 1 месяц	Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
46 рублей 20 копеек	138 рублей 60 копеек	277 рублей 20 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открывается подписка на 2-е полугодие 2019 года во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Мы не одиноки в этом мире, нас на протяжении жизни окружают родные, родственники, друзья, коллеги по работе... Но среди них всегда есть один самый-самый... Тот, кто никогда не предаст, протянет руку в трудную минуту, найдет для тебя нужные и теплые слова, одним словом, искренне поможет и словом, и делом. Ведь, что ни говори, миром все равно правит доброта, и добрых, отзывчивых людей вокруг нас очень много.

Вот мы и решили в 2019 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Близкие люди».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru** до 20 октября 2019 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2020 года. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас интересных историй. Удачи, друзья!

